МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Х.М. БЕРБЕКОВА»

На правах рукописи

Хатухова Лаура Владимировна

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Кимов Рашад Султанович

Нальчик 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ 10
1.1. Проблемы языковой репрезентации действительности в когнитивной парадигме. Язык и картина мира 10
1.2. Категоризация и концептуализация в теоретическом освещении 19
1.3. Теоретические аспекты репрезентации пространства в языке 26
1.3.1 Специфика реляционных конструкций и строевые особенности языка 27
1.3.2. Проблема позиционных глаголов как особого «лексического класса» 37
1.3.3. Обзор частных исследований позиционных глаголов в разных языках 45
1.4. Превербы и пространственные префиксы адыгских языков в специальной литературе. Общие замечания 51
1.4.1. Грамматика адыгейского литературного языка Н. Яковлева и Д. Ашхамафа как один из первых опытов описания превербов 51
1.4.2. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка и вопросы морфологической структуры глагола 55
1.4.3. Сравнительный анализ теоретических воззрений Н.Ф. Яковлева, Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой и описание превербов 59
1.4.4. Фундаментальный труд «Кабардино-черкесский язык» как отражение нового взгляда на ключевые проблемы диссертационного исследования 70
1.4.5. Пространственные превербы в концепции М.А. Кумахова 70
ВЫВОДЫ 80
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ СТАТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ В ИЗУЧАЕМЫХ ЯЗЫКАХ 82

2.1. Специфика реляционных конструкций в свете типологических характеристик кабардинского языка 82
2.1.1. Динамические пространственные ситуации и понятие сателлитов 85
2.1.2. Статические пространственные стиуации. Понятие локативного комплекса 92
2.1.3. Пространственные конструкции с глаголом *щысын* ‘сидеть’. Общие замечания 114
2.1.4. Семантические особенности ЛК *щысын* ‘сидеть’ 116
2.1.5. ЛК *теСын* ‘на-сидеть’ 121
2.1.6. ЛК *щхьэщысын* ‘сидеть над Ү-ом’ (= ‘голова-сидеть’) 124
2.1.7. ЛК *бгъурысын* ‘сидеть сбоку, рядом’ (= ‘бок-сидеть’) 127
2.1.8. ЛК *зэбгъурысын* ‘сидеть рядом друг с другом’ 130
2.1.9. ЛК *бгъэдэсын* ‘сидеть рядом, около’ (= ‘грудь-сидеть’) 139
2.1.10. ЛК *гуэсын* ‘сидеть сбоку’ 152
2.1.11. ЛК *кIэщIэсын* ‘сидеть под’ (= ‘хвост-сидеть’) 154
2.2. Локативные комплексы с превербом пэ- 158
2.3. Локативные комплексы с превербами жьэ- и Іу- 163
2.4. Сравнительный анализ средств, выражающих вместилище в трех языках. Общие замечания 167
2.4.1. ЛК *исын* ‘в-сидеть’ 169
2.4.2. ЛК *дэсын* ‘сидеть в’ 174
2.4.3. Семантическое расширение ЛК *дэсын* ‘между’ 182
2.4.4. ЛК *хэсын* ‘в-сидеть’ 186
2.4.5. ЛК *щIэсын* ‘сидеть под’ 192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 201
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 204
Приложение А 225

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая диссертация лежит в русле одной из важных проблем современной лингвистики — моделирования пространственных ситуаций в естественном языке. В лингвистике в общем случае при этом имеют в виду два вида ситуаций: динамические (*motion events*) и статические (*topological spatial relations*). В нашей работе в фокусе внимания в основном находятся статические пространственные ситуации (*книга на столе*) и, естественно, их языковые аналоги. Несмотря на большое число исследований в рамках обозначенной проблемы, они вплоть до конца XX века главным образом были ориентированы на европейские языки с преимущественным наличием свободных форм — предлогов и послелогов, на которые они опираются при категоризации пространственных ситуаций. Одновременно с этим, в отличие от русского и английского языков, малоизученной с когнитивных позиций остается специфика представления пространственных ситуаций в адыгских языках, в частности в кабардино-черкесском (далее — кабардинский язык, КЯ), что значительно сужает наши знания о типологии средств репрезентации пространства в естественном языке. **Актуальность исследования** в этой связи обусловлена необходимостью выявления особенностей кодирования онтологически тождественных пространственных ситуаций в разносистемных языках, в том числе в КЯ, который является представителем полисинтетических языков.

Объектом исследования является моделирование пространства в естественном языке.

Предмет исследования — лингвистические средства категоризации онтологически тождественных пространственных ситуаций в языках, вовлеченных в настоящий сравнительно-сопоставительный анализ.

Цель работы — выявление специфики кодирования статических пространственных ситуаций в трех разносистемных языках, обусловленной их строевыми особенностями.

Указанная **цель** обусловливает решение следующих конкретных задач:

- проанализировать ключевые понятия когнитивной лингвистики, связанные с проблемой языковой картины мира (ЯКМ) вообще и моделированием пространства в частности;

- рассмотреть лингвистические особенности пространственных конструкций, обусловленные грамматическим строем языков, вовлеченных в анализ;

- определить соотношение универсальных и идиоэтнических принципов категоризации пространственных ситуаций в разносистемных языках.

Эмпирическая база исследования. Практический материал русского и английского языков отбирался из лексикографических источников этих языков, а также Интернет-ресурсов. В качестве основного источника материала на КЯ мы опирались на Словарь кабардино-черкесского языка (далее — Словарь или СКЧЯ) [СКЧЯ 1999], из которого отобраны все глагольные лексемы с пространственными префиксами (60 единиц). Всего анализу подвергнуто около 300 примеров, иллюстрирующих разнообразные пространственные ситуации в трех языках.

Методы и приемы. В ходе исследования использованы: когнитивно-дискурсивный и сравнительно-сопоставительный методы описания языковых фактов, а также опрос информантов с целью уточнения сомнительных примеров. Для обеспечения более естественных условий интервьюирования по мере необходимости использовался *этнографический* метод *in situ*, который основывается на непринужденном взаимодействии с информантами в привычной для них обстановке: рынок, приусадебный двор, сад, природа, различные официальные церемонии и обряды.

Степень разработанности темы. Изучение вопросов, связанных с темой исследования, диктует обращение к таким важным проблемам, как категоризация окружающей действительности в естественном языке, специфика выражения пространственных ситуаций, обусловленная типологическими характеристиками конкретного языка, особенности «языкового» поведения *глаголов позиции*. Все эти проблемы ставятся и с

разной степенью полноты рассматриваются в работах таких авторов, как П.М. Аркадьев, Д.А. Ашхамаф, О.О. Борискина, В.Г. Гак, Р.С. Кимов, А.А. Кретов, М.А. Кумахов, Ю.А. Ландер, Ю.В. Мазурова, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, О.Н. Селиверстова, Я.Г. Тестелец, М.В. Филипенко, Н.Ф. Яковлев, F.K. Ameka, D.C. Bennett, G. Booij, E. Casad, A. Cienki, E. Clark, H. Clark, B.W. Hawkins, A. Herskovits, S. De Knop, G. Lakoff, R.W. Langacker, S. Levinson, J. Newman, J. Perrez, S. Svorou, L. Talmy.

Теоретическую базу исследования составили работы следующих ведущих ученых: Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, М.А. Кронгауз, Е.С. Кубрякова, Т.А. Майсак, З.Д. Попова, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, и др. В области *адыгского языкознания* исследование опиралось на труды следующих авторов: А.В. Авидзба, М.Р. Адышесова, Б.Х. Бгажноков, З.Х. Бижева, З.И. Керашева, Р.С. Кимов, М.А. Кумахов, Г.В. Рогава, Х.Ш. Урусов, Л.П. Чкадуа, А.К. Шагиров.

Теоретическая значимость работы связана с тем, что в ней:

- выявлены важные типологические характеристики КЯ, связанные с представлением пространственного измерения мира в естественном языке;

- продемонстрировано, что локативные превербы, являясь когнитивными аналогами предлогов/послелогов, вовлекают в процесс категоризации гораздо больше параметров и нюансов *фигуры* и *фона*.

Личный творческий вклад автора заключается в сборе и систематизации материала в области моделирования пространства в кабардино-черкесском языке, а также в выявлении основных принципов категоризации онтологически тождественных ситуаций в языках с разными типологическими характеристиками.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основополагающей особенностью пространственных конструкций КЯ, в отличие от русского и английского, является обязательное наличие в них *локативного комплекса* (ЛК); других форм существования, кроме как в виде ЛК, пространственные глаголы КЯ не имеют (ср. простые формы *sit* и *сидеть*).

2. Деление лексем на глаголы общей позиции (ОП) и частной позиции (ЧП) имеет важные когнитивные основания: только глаголы ЧП со значением сидения развивают метафорическое значение ‘водиться, обитать’, поскольку живые существа могут жить только в определенной стихии или в конкретном месте (море, океан, лес, поле, луг, сад и т.д.).

3. Превербы в составе большинства ЛК имеют отсоматическое происхождение: 65% префиксов сохраняют устойчивую семантическую связь с мотивировавшим их соматизмом, что обеспечивает бóльшую чувствительность к топологическим характеристикам *фигуры* и *фона* в отличие от предлогов русского и английского языков.

4. Структурно сложные превербы с двумя компонентами, один из которых — отсоматизм (ср.: ЛК ***кIэ-****щIэ-С-ын* ‘сидеть рядом внизу (под)’, ЛК ***жьэ-****дэ-ЛЪ-ын* ‘находиться во рту’), образуют более сложные концептуальные структуры (сценарии) и учитывают больше нюансов значений составляющих компонентов.

5. Амбивалентность пространственных превербов (= возможность их использования при кодировании как статических, так и динамических ситуаций) позволяет считать их *сателлитами* с идентичными функциями, хотя в лингвистике чаще принято связывать понятие *сателлитов* с интерпретацией динамических ситуаций.

6. В отличие от английского и русского языков материал КЯ позволяет идентифицировать по крайней мере восемь топологических типов контейнеров с разной степенью прототипичности, каждый из которых соответствует одному локативному комплексу.

7. Совмещенное топологическое осмысление одних и тех же объектов в семантике современных превербов связывается нами с древнейшими знаниями, лежащими в основе категоризации натурфактов в виде их *прототипов* (= *первообразов*).

8. КЯ, в отличие от английского и русского, преимущественно опирается на зооморфную модель осмысления мира, что предопределяет языковое поведение превербов-отсоматизмов, особенно при их грамматикализации.

Общая гипотеза работы заключается в том, что онтологически тождественные ситуации с логической точки зрения осмысляются одинаково ввиду универсальности понятийного мышления, в то время как конкретный язык может «навязывать» своим носителям только форму и способ выражения мысли, что обеспечивает своеобразие картины мира конкретного языка.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в том, что:

- впервые с когнитивных позиций анализу подвергаются важнейшие принципы категоризации статических пространственных ситуаций в КЯ на фоне русского и английского языков;

- впервые уточняется и расширяется понятие *локативного комплекса*, определяется его статус в системе номинативных средств языка, а также его роль в кодировании статических пространственных ситуаций;

- впервые показано, что семантическая связь превербов-отсоматизмов со своим источником во многом определяет этноспецифику категоризации пространственных ситуаций в КЯ в отличие от русского и английского языков.

Практическая ценность работы заключается в том, что результаты анализа могут быть использованы при составлении Национального корпуса кабардинского языка, разработке пособий по языковым универсалиям и лексической типологии.

Апробация работы. Теоретические положения и результаты исследования обсуждены на заседании кафедры английского языка социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова и представлены на

международных научно-практических конференциях: «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (Москва, 2024) и «Актуальные проблемы современной зарубежной филологии, межкультурной коммуникации и лингводидактики» (Нальчик, 2024). По теме диссертации опубликовано 7 работ, из них 5 — в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Объем и структура работы. Основной текст диссертационного исследования составляет 225 машинописных страниц. Работа состоит из введения, двух глав (теоретической и практической), заключения, а также библиографического списка в количестве 216 наименований на русском и английском языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ

1.1. Проблемы языковой репрезентации действительности в когнитивной парадигме. Язык и картина мира

Связь языка, мышления и окружающей действительности представляет собой сложный вопрос, который не теряет своей **актуальности** на протяжении многих столетий. Интерес к этой проблеме в течение длительного исторического периода — со времен стоиков — то усиливался, то угасал в зависимости от философской школы, в рамках которой она рассматривалась, либо от уровня развития лингвистического знания и направления. В специальной литературе вопросы мышления и культуры в их отношении к языку традиционно рассматриваются с точки зрения гипотезы лингвистической относительности или *языкового релятивизма*, которая существует под названием *гипотеза Сепира — Уорфа*. Некоторые ученые считают, что ее можно назвать «гипотезой» с большой натяжкой, поскольку, по их мнению, при всех многочисленных попытках невозможно ни верифицировать, ни опровергнуть ее, исходя из анализа эмпирического материала. Иными словами, это научно непроверяемое положение (“not a scientifically testable thesis”) [Van Troyer 1994: 3]. Приведем и другое мнение, в соответствии с которым основным преимуществом гипотезы Сепира — Уорфа, — пишет В.В. Шильке, — является, по мнению многих, возможность ее научной проверки как эмпирическими методами, так и путем её логического анализа [Шильке 2016]. При этом он считает возможным разделить научные методы проверки этой гипотезы на прямые и косвенные. К первым, по его мнению, можно отнести исследования в области *этнолингвистики*, которая изучает соотношение языка, мышления и национальной культуры различных народов, в особенности тех, чья культура как бы существует в первозданном виде. К косвенным методам проверки он причисляет психолингвистические

исследования, которые ставят своей целью установление отношений между использованием данного языка и конкретным поведением людей [там же]. В настоящее время существуют две версии рассматриваемой гипотезы, которые именуются строгой и мягкой разновидностями [Гипотеза_лингвистической_относительности – википедия]. В соответствии с первой считается, что язык определяет мышление, т.е. лингвистические категории «ограничивают и определяют когнитивные категории», в то время как вторая версия исходит из того, что языковые структуры только лишь оказывают влияние на мировосприятие человека, но при этом не создают строгий (непреодолимый) барьер при взаимодействии человека с окружающим миром. Исходя из этого, сторонники мягкой версии гипотезы полагают, что мышление не обязательно находится в жестких рамках, «навязываемых» ему родным языком (at the mercy of the native language), оно может формироваться также под влиянием традиций и некоторых видов языкового поведения [Википедия]. В неформальной речи теория языковой относительности функционирует под разными названиями: the Whorf hypothesis (гипотеза Уорфа); the Sapir–Whorf hypothesis (гипотеза Сепира — Уорфа); the Whorf–Sapir hypothesis (гипотеза Уорфа — Сепира); Whorfianism (уорфианство). В нашей работе мы также будем пользоваться близкими по значению терминами, как то: *языковой детерминизм*, *релятивизм*, *гипотеза языковой относительности*, — памятуя о том, что первый из них, viz. *языковой детерминизм*, является самым радикальным, в соответствии с которым язык определяет и мышление, и культуру, и даже поведение человека. Итак, основной причиной противоположных взглядов на сущность релятивизма является тот факт, что данная гипотеза настойчиво продвигала тезис о том, что мышление человека и его мировоззрение определяются конкретным (= родным) языком. Со времени своего появления эта идея воспринимается неоднозначно: имеет одинаковое количество как последователей, так и серьезных противников [Кронгауз 2001]. Так, например, известный ученый Дж. Лакофф в [Lakoff 1987] отмечает, что в 60–70-е годы

XX века наиболее «ответственные ученые» дистанцировались от этой теории (перевод наш — Л. Хатухова); в оригинале — have steered clear of relativism; в официальном переводе книги на русский язык эта фраза переведена как «наблюдается отказ от релятивизма» [Лакофф 2004: 395]. «Релятивизм, — пишет он, — превратился в настоящее пугало, став символом научной безответственности, неясности мышления, недостатка строгости и даже аморализма» [Лакофф 2004: 395]. В то же время, считает он, «в поддержку релятивизма выступают те, кто полагает, что «ответственные ученые» — зашоренные личности, забывшие о реальности» [там же].

При этом мы следуем точке зрения тех ученых (см., например, [Кронгауз 2001]), которые полагают, что известный немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт (которого вряд ли можно обвинить в научной безответственности) одним из первых поднял вопрос о разнообразных связях языка, мышления, культуры и духовной жизни народа, создающего свою картину мира. Хотя само понятие *картина мира* широко эксплуатируется в современной литературе вопроса, «не всегда трактовки термина, — пишет Н.В. Верещагина, — развивают исходную позицию В. фон Гумбольдта, впервые методологически обосновавшего разграничение картины мира и промежуточного мира понятий в рамках языковой деятельности индивида» [Верещагина 2003: 111]. Вклад немецкого мыслителя в рассматриваемую проблему связан с тем, что он обратил внимание на то, что «различное членение мира языками, — пишет М.А. Кронгауз, — проявляется, в частности, в том, что для выражения одних и тех же понятий один язык использует отдельные слова, а другой — описательные средства» [Кронгауз 2001: 85].

Сложность проблемы взаимоотношений языка, мышления и окружающей действительности, наряду с сугубо «гумбольдтовскими» понятиями *духа народа* и *внутренней формы языка*, породила разные точки зрения и даже новые теоретические построения в философии языка и собственно лингвистике. Так, например, концепция творческого характера языка получила в XIX веке развитие в трудах известного российского ученого

А.А. Потебни, который придерживался мнения о том, что «язык не просто выражает готовую мысль, а создает ее» [Кронгауз 2001: 86]. Более того, А.А. Потебня, — считает М.А. Кронгауз, — «переосмыслил важное, но не вполне ясное понятие внутренней формы языка» и перенес «идею внутренней формы на слово и конкретизировал ее» [Кронгауз 2001: 86].

Впоследствии вопросы взаимосвязи языка и мышления в общем смысле способствовали возникновению еще одного направления в лингвистике и философии языка — *неогумбольдтианства*. Наиболее значимой фигурой этого направления является Лео Вайсгербер, известный немецкий лингвист (см. его работу [Вайсгербер 1993]). Его идеи отличаются гипостазированием роли языка в восприятии мира. При этом представители неогумбольдтианства настойчиво подчеркивают, что в зависимости от конкретного языка люди по-разному «воспринимают действительность и действуют в ней», что приводит их к мысли о том, что «картина мира» зависит от особенностей строения языка, которое определяет характер мыслительной деятельности человека» [Неогумбольдтианство. – Электронный ресурс]. Эта точка зрения подвергается критике на том основании, что она связана с идеалистическими позитивистскими философскими течениями. «Признавая высокий авторитет Лео Вайсгербера как автора весьма глубокой и тонко разработанной концепции языковой картины мира, — пишет профессор В.П. Даниленко, — мы не можем, однако, принять идею ее автора о том, что власть родного языка над человеком абсолютно непреодолима» [Даниленко – Электронный ресурс]. Концепция неогумбольдтианства и аналитический обзор взглядов наиболее значимых представителей этого направления содержатся в [Баранов, Добровольский, 1990; Радченко, 1997]. «Своеобразное преломление получают эти идеи, — отмечает Н.В. Верещагина, — и во французской этнолингвистике, в которой популярны концепции, основанные на понимании картины мира как способа внедрения языка в действительность» [Верещагина 2003: 11]. В этом случае не лишен основания вопрос о том, моделирует язык действительность или нет. Но мы не будем делать акцент на этом тезисе, поскольку, следуя ему,

можно прийти к отрицанию существования универсальных мыслительных категорий. Мы же в меру своей компетенции отметили бы бесспорное, как нам кажется, положение о том, что язык связан с мышлением, не делая попытку однозначно ответить на вопрос о том, как они взаимоопределяют друг друга. В этой связи нам близка точка зрения известного отечественного философа и лингвиста Г.В. Колшанского, который, по мнению С.И. Мельника и А.В. Шахнаровича, в эпоху господства структурализма в лингвистике, когда было принято изучать форму в отличие от содержания, одним из первых признал «необходимость «впустить» человека — носителя языка в мир лингвистических исследований» [Мельник, Шахнарович 1990: 4]. В частности, проф. Г.В. Колшанский подчеркивал, что «ни на одном этапе своего становления или развития человеческий язык никогда не являлся самостоятельной созидательной силой» [Колшанский 1990: 32]. Отсюда язык, будучи не способным создавать свою собственную картину мира, ословливает концептуальный мир человека, первоначальным источником которого (концептуального мира) является «реальный мир и деятельность в этом мире» [там же: 32]. Вместе с тем ученый настойчиво подчеркивает, что при всем том, что язык не способен самостоятельно познать мир и, следовательно, не создает какой-либо картины мира, «в языке, — отмечает он, — находит свое отражение все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной), результаты которой закрепляются» в нем [там же: 33].

В специальной литературе существет мнение о том, что в Америке аналогичное направление в лингвистике сформировалось независимо от европейской традиции [Кронгауз 2001] и получило название *этнолингвистика.* При этом считается, что как самостоятельное направление она возникла в виде ветви этнологии, получив при этом широкое распространение в языкознании США с 1870-х гг. Ее бурное развитие связывается, прежде всего, с интенсивным изучением многочисленных индейских племён Америки [БРЭ]. В работах американских ученых

синонимично используются термины «антрополингвистика», «этносемантика» и др. Считается, что это направление своим возникновением и распространением обязано таким ученым, как Ф. Боас и Э. Сепир [Толстой 2013]. Через два десятилетия, как отмечает лингвист и этнограф Н.И. Толстой, основные идеи этих ученых нашли свое развитие в теоретических построениях Б. Уорфа — ученика Э. Сепира. Отсюда это направление получило название гипотеза Сепира — Уорфа, «хотя это название считается ошибочным», поскольку «Эдвард Сепир и Бенджамин Уорф никогда не были соавторами и никогда не заявляли о своих идеях как о научных гипотезах» [Гипотеза…: URL]. В самом деле, как отмечает автор книги по этнолингвистике проф. А.В. Перехвальская, при сравнении взглядов этих ученых нетрудно видеть, что они во многом не совпадают. В этой связи приведем краткий, но выразительный отрывок сравнительного анализа идей этих известных ученых. «Там, где Сепир высказывается тонко, — пишет А.В. Перехвальская, — Уорф рубит сплеча. Сепир говорит о неразрывной связи языка и культуры, Уорф — о диктате языка, который фактически «порождает» культуру» [Перехвальская 2023: 83]. Существенное различие в их взглядах состоит и в том, что Сепир настойчиво подчеркивает мысль о том, «что реальность едина, а разные языки лишь предполагают разные ее видения» [там же: 83]. При этом основополагающий, по нашему мнению, тезис Сепира, отвечающий духу предлагаемой диссертации, заключается в том, что «все люди – существа со сходными когнитивными способностями, обладающие одними и теми же органами чувств и сходным мозгом» (разрядка в обеих цитатах наша — Л. Хатухова) [там же: 83]. Этим объясняется наличие универсалий в языке, что мы попытаемся продемонстрировать при сравнительном анализе практического материала работы. Видимо, рассогласование или расхождение идей этих ученых, которые считаются авторами известной теории, привело к наличию большого количества как ее резких противников, так и пропонентов. Несмотря на то, что гипотеза Сепира — Уорфа является одним из самых обсуждаемых теоретических конструктов практически во всех общественных

и поведенческих науках (social and behavioral sciences), ее научная состоятельность, как указывает Wouter Beek [electronic resource], до сих пор является довольно спорной. Некоторые исследователи рассматривают эту теорию как имеющую право на существование, в то время как другие категорически опровергают ее [там же]. Так, представители лингвистического феминизма (feminist language reform) [https://en.m.wikipedia.org/wiki/] утверждают, что существование грамматических правил и норм обусловлено гендерными факторами, что говорит в пользу валидности теории лингвистической относительности [Wouter Beek – Electronic resource]. Вместе с тем в соответствии с установками когнитивной лингвистики предполагается, что человеческое мышление основывается на универсальных категориях. В этой связи мы согласны с мнением П.В. Чеснокова, который справедливо полагает, что логические формы мышления носят общечеловеческий, универсальный характер, поскольку они порождены коренными потребностями человеческого познания и не зависят от специфики языка [Чесноков 2007]. На этом основании представители когнитивного направления отрицают принцип лингвистического релятивизма, поскольку, отмечает Wouter Beek [там же], безоговорочное признание этой теории с неизбежностью означало бы наличие существенных различий в мышлении людей, принадлежащих к разным культурам (which would, when true, imply the existence of cross-cultural differences in thought). Иными словами, мы с неизбежностью вынуждены были бы утверждать, что люди, принадлежащие к разным культурам, мыслят неодинаково. Здесь также уместно сослаться на интересные наблюдения З.А. Поповой и И.А. Стернина, которые считают, что по мере увеличения количества исследований национальных языков мира, проводимых с точки зрения гипотезы языкового детерминизма, в частности в связи с «национальным сознанием», становится ясно, что «воздействие языка на человека имеет вторичный и частный характер», в то время как «первичный характер имеет воздействие национального сознания, национальной картины мира на язык народа» [Попова, Стернин 2007: 3]. Как отмечают эти ученые,

«понимание того, что связь между историей и культурой народа и его языком устанавливается в мышлении народа», укрепилось вместе с возникновением когнитивной парадигмы, которая ввела в обиход такие термины, как *концепт*, *концептуализация*, *категоризация*, с помощью которых были объяснены процессы получения и обработки информации в естественном языке [там же 2007]. Следует обратить внимание в этой связи на роль отечественных ученых, которые, работая в рамках традиционной лингвистики в период господства структурализма, также высказывали методологически важные идеи относительно устройства и функционирования естественного языка. Так, еще во второй половине XX века до появления антропоцентрической парадигмы профессор Л.С. Бархударов подчеркивал, что помимо коммуникативной функции языку принадлежит особая роль в классификации, упорядочении и организации своего опыта (ср. с взглядами Г.В. Колшанского [Колшанский 1990]). При этом конкретно взятый язык осуществляет эту деятельность исходя из своих наличных ресурсов, в том числе форм и категорий, присущих только ему [Бархударов, 1969: 82]. Мы с полным на то основанием полагаем, что эти мысли ученого могут служить определением такого явления как *языковая картина мира* (далее — ЯКМ). Вместе с тем в отечественной лингвистике первые и серьезные попытки изучения проблемы представления действительности в языке, цитируя А.А. Уфимцеву [Уфимцева 1988: 114], связаны с именами таких ученых-философов, как [Брутян, 1973; 1976; 1979; Павилёнис, 1983]. Видимо, осознание того факта, что лексическая система представляет собой «основную форму объективации языкового сознания многих поколений людей» [Уфимцева, 1988:], побудило исследователей в 70-е годы XX столетия взглянуть на эту проблему под чисто лингвистическим углом зрения. Здесь уместно, вслед за А.А. Уфимцевой [Уфимцева, 1988а], упомянуть труды Ю.Н. Караулова [1976; 1976а; 1981], в которых освещение этой проблемы связано с тезаурусным изучением лексики и составлением идеологических словарей. Новое видение проблемы ЯКМ обусловлено резким изменением интереса

лингвистов к вопросам антропоцентризма естественного языка. В этой связи важно подчеркнуть мнение Н.Н. Болдырева о том, что элементы языковой картины мира, а также их взаимосвязь не могут считаться прямым отражением структуры мира и человеческого общества, поскольку язык как когнитивная способность антропоцентричен. Отсюда ученый справедливо полагает, «что языковая картина мира – это определенная его интерпретация и интерпретация знаний о мире в сознании человека» [Болдырев, 2014: 120].

Параллельно с обсуждением проблемы ЯКМ в отечественной лингвистике также широко обсуждались вопросы *концептуальной картины мира* (ККМ), *концептуальной модели мира* (КММ); ср. (*образы мира* по А.А. Леонтьеву 1983); см. также известные труды [Караулов, 1976; Колшанский, 1965; Рамишвили, 1981; Леонтьев, 1983 и др.]. Впервые с новых позиций эти понятия были рассмотрены под углом зрения антропоцентризма в коллективной монографии «Язык и картина мира» [Кубрякова, 1988а; Постовалова, 1988а; Серебренников, 1988а; Телия, 1988а; Уфимцева, 1988а]. В этом труде было заявлено о том, что естественный язык представляет собой конститутивное свойство человека, а не объект, изучаемый в отрыве от него [Постовалова, 1988а: 8]. Особенно наглядно деятельность человека в этой связи проявляется, по мнению авторов монографии, в такой сфере, как «формирование картины мира в языке и создание языкового инвентаря» [Серебренников 1988а: 5]. Один из ключевых тезисов, также широко обсуждавшихся в этом труде, был связан с методологической несостоятельностью отождествления языка и мышления, поскольку они, будучи тесно связанными, представляют собой две самостоятельные области [там же: 6]. Логическим продолжением признания этого тезиса явилось обоснованное разграничение двух картин мира — *концептуальной* и *языковой*. «Концептуальная картина мира, — с полным на то основанием отмечается в монографии, — богаче языковой картины мира, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные» [там же: 6]. Логическим продолжением этого тезиса является мысль Н.Д. Арутюновой о

том, что «человек воспринимает больше, чем может выразить язык. За его пределами остается несказанное, невыразимое, ненареченное, неизреченное» (цит. по [Макерова 2013: 70]). Причины несовпадения ККМ и ЯКМ, по мнению некоторых ученых, зависят от коммуникативных потребностей человека. Так, несмотря на реальность существования концепта в сознании человека, по мнению И.А. Стернина [Стернин 2016], он может быть вербализован или может не иметь конкретной языковой привязки. В этой связи ученый высказывает предположение о том, что «невербализованных концептов в сознании отдельного человека и общества в целом гораздо больше, чем вербализованных» [там же: 49–50].

В следующем разделе рассмотрим ключевые понятия, связанные с двумя указанными моделями, а именно концептуализация и категоризация.

1.2. Категоризация и концептуализация в теоретическом освещении

В связи с принципиально новым взглядом на язык в науке конца XX века, как отмечено нами выше, он стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый «в самом себе и для себя». В этой связи возникли новые вызовы современной лингвистики, среди которых главным является вопрос о том, «для чего в конечном счете осуществляется исследование языка и что оно само может объяснить» [Кубрякова 1995: 224]. Ответ на этот вопрос вызвал к жизни разные подходы и направления в изучении объекта лингвистики: когнитивное направление, связанное с изучением роли языка в познании, коммуникативная лингвистика и теория речевых актов, а также культурологическое направление, связанное с обеспечением нормальной жизнедеятельности всего общества в целом (см. [Кубрякова 1995: 225]). Отсюда в рамках когнитивного подхода к языку, конкретизирует Н.Н. Болдырев, лежит «понимание и изучение языка как средства познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании» [Болдырев 2014: 13]. При этом языковые формы, по мнению ученого, изучаются, исходя из того, «как они отражают определенное

видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, с точки зрения того факта, как в этих формах передается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды» [Болдырев 2014: 17]. В этом смысле методологически плодотворным является мнение В.И. Постоваловой о том, что новый взгляд на сущность языка способствовал переходу от лингвистики «имманентной» к лингвистике антропологической, которая предполагает изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием и мышлением [Постовалова 1988а: 8]. В качестве дополнения приведем тезис Н.В. Арутюновой о том, что «путь к осмыслению феномена человека лежит не столько через естественные науки, сколько через естественные языки» [Арутюнова 1999: 4]. Принцип антропоцентризма, являющийся методологической базой когнитивных исследований, заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям в развитии человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995: 212]. Далее, — продолжает ученый, — этот принцип «обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [там же: 212]. Как справедливо отмечает типолог Б. Хайне [Heine, 1997: 40], «в процессе категоризации мира мы прежде всего опираемся на устройство человеческого тела» (цит. по: [Lapaire – electronic resource]). Принципиальные отличия когнитивной лингвистики от традиционной рассмотрены в таких трудах, как: [Болдырев, 2001; 2001а; 2014; Кубрякова, 1994; 1995; 1996; 2004; Кронгауз 2001; Попова, 2001; Попова, Стернин, 2007; Рахилина, 1998; 1998а; 2000; 2000а; 2008]. Особо следует подчеркнуть мнение Е.С. Кубряковой о том, что чрезвычайная популярность когнитивной лингвистики в России вызвана прежде всего тем, что западные ученые в рамках этой научной парадигмы обращаются к тем темам, которые всегда находились в сфере пристального внимания отечественного языкознания: «языку и мышлению, главным

функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2004: 11]. Труды наиболее известных американских лингвистов — представителей когнитивного направления — Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джакендоффа и других подробно проанализированы в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1994, 1997, 1998, 1999], а также Е.В. Рахилиной и В.А. Плунгяна [Плунгян, Рахилина 1994; Рахилина 1998а]. При этом, по справедливому мнению ученых, «труды Е.С. Кубряковой стали фундаментальными, они легли в основу когнитивной лингвистики в России» [Попова, Стернин 2001: 6]. Одним из существенных отличий когнитивной лингвистики от других направлений, по мнению Н.Н. Болдырева, является то, что в ней центральное место отводится когнитивной семантике как общей теории *концептуализации* и *категоризации*, т.е. того, «как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений» [Болдырев 2001: 18]. Как подчеркивает при этом З.Д. Попова, вся «проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий – *концепт*, *концептуализация*, *категоризация*, *концептосфера* или *картина мира»* [Попова 2001: 9]. Поскольку эти термины являются для нашей работы основополагающими, ниже рассмотрим понятия, стоящие за ними, с точки зрения методологических построений ведущих отечественных и зарубежных ученых. В одном из первых сборников, посвященных методике и методологии когнитивных исследований языка в отечественном языкознании, было выработано «понимание концепта как единицы невербального в своей основе мышления, а лексических и фразеологических единиц языка – как средств опредмечивания, вербализации, объективации концепта» [Стернин 2001: 6]. Отсюда будем считать, что концепт — это результат осмысления и обработки информации, поступающей к человеку извне, что приводит к образованию определенных представлений о мире, в виде единиц знания: ср. концепты *времени*, *пространства*, *движения* и т.д. [Болдырев 2014]. В связи с этим еще в 1988 году ведущие отечественные ученые инициировали серию

исследований под названием «Человеческий фактор в языке». В этом коллективном труде, как указывает Е.С. Кубрякова, *концепт* трактуется расширительно, понимая под ним «разносубстратные единицы оперативного сознания»: представления, образы, понятия [Кубрякова 1988а: 143]. В этом контексте и возникла необходимость разграничения понятий ККМ и ЯКМ (см. выше). В отечественной литературе вопроса существуют три разные точки зрения на их соотношение. Согласно мнению Г.А. Брутяна основное содержание ЯКМ «покрывает все содержание концептуальной модели мира» [Брутян 1973: 109–110]. Вторая точка зрения, в соответствии с которой эти два понятия в определенном смысле можно считать тождественными, представлена, по мнению М.В. Пименовой и О.Н. Кондратьевой [Пименова, Кондратьева 2011], в концепции Г.В. Колшанского [Колшанский, 1990]; (см. об этом подробнее: [Дзюба, 2015: 21 и далее]). Наиболее распространена в отечественной лингвистике третья точка зрения, в соответствии с которой ККМ шире, богаче и разнообразнее ЯКМ (см. выше). Так, Е.С. Кубрякова со ссылкой на [Павилёнис 1983] указывает, что «концептуальная система как система определенных представлений человека о мире» является невербальным этапом получения информации о мире по отношению к формированию языкового образа мира [Кубрякова 1988а]. В этой связи с неизбежностью возникает вопрос о соотношении таких конструктов как *понятие, концепт* и *значение*. По этому поводу в специальной литературе также существуют различные взгляды. Так, Н.Н. Болдырев считает, что «различия между понятием и концептом обусловлены самим различием обыденного и теоретического познания» [Болдырев 2014: 40]. Существует также иной взгляд на сущность *концепта*, в соответствии с которым он приравнивается к значению слова; в других случаях концепт считается логической категорией и рассматривается в терминах абстрактной идеи, не имеющей прямой языковой привязки (о разных пониманиях концепта см. краткий обзор [Попова 2001: 12]).

В этом смысле мы считаем не лишенным основания возможность разграничения разных вариантов ЯКМ, которые исходят из разных типов лингвокогнитивной категоризации (научной, профессиональной, наивной) [Дзюба 2015: 6]. Показательно, например, что словари по-разному категоризуют денотат одного и того же животного. Ср. лексикографическое представление собаки в разных источниках: *a very common four-legged animal that is often kept by people as a pet or to guard or hunt* [Collins 2001] и *carnivorous quadruped of genus Canis of many breeds wild and domesticated* [CollOD]. Нетрудно видеть, что дефиниция в [Collins 2001] больше отражает результаты наивной категоризации (*широко распространенное четвероногое животное, которое люди часто держат в качестве домашнего питомца, для охраны или охоты*), в то время как в [CollOD] определение денотата этого животного носит более научный (профессиональный) характер (ср.: *четвероногое плотоядное животное рода Canis, представленное множеством пород, как диких, так и одомашненных*). Принципы наивной концептуализации и категоризации имеют более размытые «границы». Так, в русской лингвокультуре наблюдается прямо противоположная категоризация собаки, которая порождает предикативные метафоры, противоречащие друг другу. Ср. использование одной и той же лексемы в качестве бранного обращения (*Ах ты, собака*!) либо слова, выражающего восхищение или одобрение (*Учен, собака!* [Полонский 1986]). Любопытно, что коррелят русской лексемы *собака* в КЯ не имеет положительной коннотации: собак «любят», учитывая, что они охраняют хозяина и его имущество, но при этом в исламе это грязное животное (с религиозной точки зрения), которое не должно жить в доме.

Здесь возникает проблема соотношения понятия и концепта. Основания разграничения смыслов, которые отечественные ученые вкладывают в эти термины, рассмотрены выше (см., в частности: [Кубрякова 1988а: 143]). В этой связи В.З. Демьянков придерживается мнения о том, что «*концепт* и *понятие* – исторические дуплеты» ввиду того, что русское *понятие* калькирует латинское *conceptus* [Демьянков 2007]. При этом, считает ученый, в

современных научных и «ненаучных» узусах в эти термины вкладывается разный смысл. Понятия — это конструкты, обеспечивающие «общий язык» при обсуждении проблем, в то время как *концепты* реконструируются людьми «с той или иной степенью (не)уверенности, – отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций» [Демьянков 2007: 27]. Интересные идеи на этот счет содержатся в теоретических воззрениях Ю.С. Степанова. «Понятие (концепт), — пишет он, — явление того же порядка (разрядка наша — Л.Х.), что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение — в системе языка, понятие — в системе логич. отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике». [Степанов 1997: 383–384]. На основании рассмотренных мнений можно сделать вывод о том, что понятия и концепты имеют много общего. Однако по нашему мнению, понятийные характеристики денотата можно считать универсальными и в общем случае не зависящими от конкретной лингвокультуры, в то время как концептуальные характеристики имеют этническую специфику, т.е. «национально» окрашены. «В формах и категориях национального языка, — пишут О.О. Борискина и А.А. Кретов [Борискина, Кретов 2003: 5], — наиболее беспристрастного и уникального источника информации о национальном самосознании», проявляется этническая идентичность представителей конкретной культуры [там же 2003]. Эта проблема связана с другой, не менее сложной, — с соотношением концепта и значения слова. Итак, рассмотрев мнение ряда авторитетных ученых относительно терминов *понятие* и *концепт*, перейдем к анализу взгляда лингвистов на соотношение терминов *концепт* и *значение*. В зарубежной когнитивной лингвистике, по мнению Е.С. Кубряковой, наблюдается тенденция ставить знак равенства между ними. На примере анализа ключевых моментов теоретических построений Р. Джакендофа [Jackendoff 1992: 195] ученый отмечает, что «такой взгляд считается отличительной чертой когнитивного подхода в целом» [Кубрякова и др. 1996: 92]. Вместе с тем она подчеркивает, что концепты — «это посредники между

словами и экстралингвистической действительностью», в связи с чем «правильнее придерживаться мнения о том, — считает она, — что концепты являются понятиями, соотносительными со значением слова [Кубрякова и др. 1996: 92]». По меткому определению ученого «значением слова становится концепт, „схваченный знаком“» (цит. по [Кубрякова и др. 1996: 92]). В настоящей работе мы следуем за теоретическими воззрениями тех ученых, которые последовательно проводят разграничение терминов *концепт* и *значение*. Так, по мнению Н.Н. Болдырева, «языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта» [Болдырев 2001: 26 и далее], то есть значение слова, по его справедливому мнению, не может быть приравнено к концепту. «Концепт и значение в равной мере - явления мыслительной, когнитивной природы», — считают Попова и И.А. Стернин [Попова, Стернин 2007: 14]. Значение представляет собой лишь часть концепта как мыслительной единицы, но, в отличие от концепта, оно закреплено за языковым знаком для обеспечения соответствующих целей коммуникации [там же: 14]. В некоторых случаях концепт не имеет языковой привязки, но при необходимости, исходя из коммуникативных потребностей, он вербализуется разными языковыми средствами и способами [там же: 14].

Анализ различных точек зрения на рассматриваемую проблему позволяет сделать вывод о том, что концепты образуются в результате *концептуализации,* которая сама является понятийной классификацией [Кликс 1983] (цит. по [Кубрякова и др. 1996: 93]). Процесс *концептуализации* связан с другой классификационной деятельностью — процессом *категоризации.* Имея много общего, они различаются по своей цели и конечному результату [Кубрякова и др.: 93]. По определению Н.Н. Болдырева под категоризацией мы будем понимать «процесс отнесения тех или иных объектов к конкретной категории, включая присвоение им соответствующих названий» [Болдырев 2014: 115]. «У нас есть категории для биологических видов, — пишет известный ученый Дж. Лакофф, — физических субстанций, артефактов, разновидностей цвета, родственников, эмоций и даже категории предложений,

слов и значений. У нас есть категории для всего, о чем мы можем думать» [Лакофф 2004: 20] «Языковая категоризация мира, которую осуществляет человек, — утверждает Дж. Лакофф, — весьма отличается от классической» (цит. по: [Борискина, Кретов 2003: 5]). В предложенной работе основная идея заключается в выявлении специфики языковой категоризации статических пространственных ситуаций, а, следовательно, и «участников» этих ситуаций — *фигуры, фона* и средств кодирования их соотношения в языках, вовлеченных в анализ. В этой связи в следующем разделе рассмотрим теоретические вопросы, связанные с репрезентацией пространства в естественном языке.

1.3. Теоретические аспекты репрезентации пространства в языке

Известно, что в общем случае в статической пространственной ситуации представлены два «участника» или, в другой терминологии, объекта (*дом на холме*). Ни при каких обстоятельствах нельзя изменить эту фразу, переставив местами участников — **холм под домом*, ввиду того что эти объекты воспринимаются человеком (наблюдателем) по-разному, т.е. обладают, как говорят когнитологи, разным перцептивным статусом. Очередность восприятия, так сказать, такова: сперва человек упоминает *локализуемый объект*, а затем *область его локализации*, указывая при этом на то, в каких пространственных соотношениях находятся эти два объекта: ср. *дом под холмом, у холма* и т.д. В редких случаях наблюдаются симметричные пространственные отношения с «равноправием» участников ситуации; ср.: *Сосна и ель росли недалеко друг от друга*; *Сядьте поближе друг к другу* (примеры взяты из [Филипенко 2000: 23]). Объект, помещаемый куда-то, т.е. *локализуемый объект,* обычно кодируется грамматическим субъектом, в то время как «место» или область его локализации обозначается грамматическим объектом. При этом, как известно, пространственные ситуации бывают динамические и статические, что с неизбежностью находит отражение

в естественном языке. Так, простейшая динамическая ситуация[1], как правило, представлена также двумя ключевыми участниками. Но локализуемый объект **(X)** в такой ситуации находится в состоянии направленного движения и обозначается термином **«траектор»**, т.е. *движущийся объект* (trajector, TR). Под направленным движением имеется в виду то, что **траектор** движется либо к другому объекту **(Y)** или же от него. В таких случаях объект **Y** именуется термином **«ориентир»** (*точка отсчета, референциальный объект*). Ср. англоязычные термины *landmark, LM*; *reference object*, взятые из когнитивной грамматики Р. Лангакера [Langacker 1987; 1991]. В диссертации наше внимание сосредоточено на выявлении и анализе способов кодирования главным образом статических пространственных ситуаций, которые, как правило, выражают соотношение двух объектов, находящихся в состоянии покоя. В общем случае эти ситуации представляются в языках в виде пространственной конструкции.

1.3.1 Специфика реляционных конструкций и строевые особенности языка

В англоязычной литературе пространственные конструкции носят название relational constructions [Svorou 2012]. Пространственные ситуации кодируются при помощи обобщенной формулы **X R Y**, которая, как видно, содержит еще один символ, viz. **R**, что требует дополнительных комментариев. Итак, символом **X**, как правило, обозначается объект или предмет, вступающий в пространственное отношение с каким-либо местом, которое, в свою очередь, обозначается символом **Y** [Филипенко 2000: 22]. Простейший случай выражается в примерах: *книга **на** полке; собака **под** столом; конфеты **в** вазе*. В приведенных примерах рассматриваются объекты **X**-ы (*книга*, *собака*, *конфеты*) и места **Y**-и (*полка, стол, ваза*), которые также именуются «объектами»; отсюда мы имеем объекты **X**-ы и объекты **Y**-и, что не лишено оснований: если не быть слишком щепетильными, в данных

[1] В кратком виде динамические стиуации будут описаны ниже в соответствующем разделе.

примерах, по сути, речь идет о двух объектах. Символ **R** показывает, как «взаимодействуют», в каком пространственном соотношении находятся объекты по отношению друг к другу (ср. ***на*** *столе,* ***под*** *столом,* ***у*** *стола,* ***перед*** *столом,* ***за*** *столом*). По сути, получается, что **R** есть не что иное, как предлог, который задает или определяет тип пространственного отношения. Данная формула наиболее распространена и используется, например, при описании предложной семантики (см., например, [Селиверстова 2000]). В теоретических построениях О.Н. Селиверстовой (2004) **X** — это локализуемый объект, **Y** — *область локализации* или *область-релятум,* а **R** — *релятор*, который соответствует предлогу или наречию в русском языке (ср. *наверху, сзади*). В концепции В.А. Плунгяна **Y**-у соответствует *топологическая зона* [Плунгян 2002: 66]. В англоязычной литературе [Svorou 1994] *локализационной области* (= области локализации) соответствует термин *region.* В этой работе S. Svorou расчленяет внешнюю область ориентира на следующие подобласти: *top-region* (верхняя), *bottom-region* (нижняя), *front-region* (передняя), *back-region* (задняя), *left-region* (левая), *right region* (правая) (см. подробнее об этом [Мазурова 2002]). Кроме этого, S. Svorou предлагает термин *relational gram*, который соответствует *релятору* у О.Н. Селиверстовой. Формула **X R Y**, как видно, может успешно использоваться для описания статических пространственных ситуаций в языках со свободными формами — предлогами и послелогами — например, в русском и европейских языках (ср. *книга на столе* и *the book is on the table*) [Кимов 2010а]. В этих примерах налицо все три «компонента» типичной пространственной модели: X **— книга**, Y **— стол**, элемент **R** (= релятор), который соответствует русскому предлогу *на* (англ. *on*). При этом известно, что русский язык допускает нормативное отсутствие глагола, который, как правило, служит для обозначения реального расположения **X**-а по отношению к **Y**-у. Ср.: с одной стороны — *цветы <u>стоят</u> на подоконнике, дети <u>сидят</u> на скамейке;* с другой — *цветы на подоконнике, дети на скамейке.* Вместе с тем следует отметить, что для выражения динамических ситуаций опущение предиката, как правило, недопустимо

(*ребята* бегают *во дворе, собака* забежала *в конуру*). Иначе обстоит дело в статических ситуациях, в которых глагол выражает либо значение «находиться в определенном положении» (*книги находятся, хранятся в запаснике),* либо выполняет связочную функцию (*книги были <до сих пор> в запаснике)*, либо отсутствует вообще (*сегодня все книги на полках, в читальном зале, в научном абонементе).* Таким образом, рассматриваемая формула **X R Y** больше подходит для кодирования ситуаций типа *яблоки в вазе* или реже — *яблоки лежат в вазе.* Вообще, сказуемое зачастую опускается, когда для выражения смысла оно не является обязательным элементом: ср. *они весь день (были) на речке; все банки в погребе.* Однако в некоторых случаях рассматриваемая формула «плохо» подходит для описания онтологически тождественных пространственных ситуаций в отдельных языках (типах языков) в силу их строевых особенностей. Так, европейские языки для кодирования таких случаев, как правило, не допускают отсутствия сказуемого, в качестве которого в английском языке, например, используется предикат *to be* в пространственном значении (*the book **is** on the table*). При необходимости уточнения актуальной позиции объекта **X** (пока берем неодушевленные **X**-ы) в языках используются так называемые глаголы позиции: ср. stand *стоять,* sit *сидеть,* lie *лежать*. Следовательно, пропуск глагола-связки с грамматической точки зрения невозможен. Однако в тех случаях, когда релевантной оказывается семантика предлога, а не пространственного расположения **X**-а по отношению к **Y**-у, данная модель помогает в упорядоченном виде представить описание пространственных отношений, в частности в русском языке. Особенно она полезна, на наш взгляд, при анализе семантических или топологических свойств объектов **X** и **Y.** Рассмотренную модель условно назовем формулой О.Н. Селиверстовой, поскольку в отечественной лингвистике она получила популярность, начиная с работ этого ученого (см., например, работы О.Н. Селиверстовой и ее коллег [Селиверстова 1993; 1998; Лягушкина 2000; Мазурова 2000]; см. также [Плунгян, Рахилина 2000; Рахилина 2000б]. Репрезентация пространственных ситуаций в языках широко

исследуется и в других терминах при опоре на теоретические построения Леонарда Талми (L. Talmy), который ввел в лингвистический обиход такие понятия как *фигура* и *фон,* заимствованные им из немецкой гештальт-психологии. Различие ФИГУРЫ и ФОНА предопределяется, по его мнению, разными когнитивными характеристиками объектов, оказывающихся в поле зрения наблюдателя. Известный ученый отмечает, что восприятие человеком участников пространственной ситуации является строгим и определенным, т.е. подчиняется определенным закономерностям, что с неизбежностью отражается в естественном языке. На первый взгляд, как отмечает Л. Талми, может показаться, что при осмыслении пространственной ситуации человек безразличен к очередности восприятия объектов и что это не находит никакого отражения в языке (that language simply relates two objects in space without any inequality of status, i.e., without one serving as reference for the other [Talmy 2000: 183]. Для подкрепления своих рассуждений ученый приводит в качестве примера два предложения:

a. The bike is near the house. велосипед <стоит> у дома

b. ?The house is near the bike. дом <стоит> у велосипеда

При первом приближении, — пишет автор, — может показаться, что эти фразы являются синонимичными ввиду симметрического расположения объектов (с точки зрения формальной семантики в обоих примерах мы имеем *to be near*). Однако если дом может служить референциальной точкой для велосипеда, то велосипед, в силу определенных перцептивных характеристик, не может служить такой же точкой [там же: 183]. Как отмечает Я.Г. Тестелец, всякое указание на местонахождение того или иного предмета … соотносит данный предмет с некоторой областью пространства. Отсюда, чтобы задать такое пространство, нужно обладать «точкой отсчета», в качестве которой может служить предмет, местонахождение которого заранее известно [Тестелец 1980 Элект. ресурс]. Итак, любой объект окружающего мира, относительно которого можно определять местонахождение других объектов, называется **ориентиром**. В этой связи получается, что в примере (a)

ориентиром выступает *дом,* относительно которого определяется местонахождение велосипеда. Следовательно, пример типа **the house is near the bike* менее удовлетворителен, поскольку он, по мнению Е.В. Рахилиной, «требует дополнительных контекстных условий для того, чтобы стать сколько-нибудь приемлемым», и «такого рода несимметричность никаким образом не может быть исправлена (разрядка наша — Л.Х.), потому что она встроена в лексическую систему языка». [Рахилина, 1998а: 289]. Объекты, которые выдвигаются на передний план, т.е. воспринимаются в первую очередь (ср. *книга на столе*), названы Л. Талми *примарными* (*primary),* объекты же, на фоне которых они воспринимаются, названы им *секундарными (secondary objects).* Ср. наиболее распространенные русскоязычные термины *первичные и вторичные.* Последовательно показывая в своих работах обоснованность разграничения этих объектов по их роли, которую они играют в концептуальных сценариях такого рода, известный типолог предлагает интерпретировать их в терминах *ФИГУРЫ* и *ФОНА*. Эти термины и понятия, стоящие за ними, подробно описаны как в его работах, указанных выше, так и в трудах отечественных ученых, популяризирующих его теорию (в частности, работы Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной; см. также анализ этих терминов в [Филипенко 2000: 21-25] и др.), что избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на их интерпретации. Но при этом отметим некоторые важные моменты: в нашей работе X соответствует **фигуре,** Y — **фону.** Обобщая рассмотренные точки зрения, отметим, что *ФИГУРА (объект **X**)* — движущийся или потенциально движущийся объект; *ФИГУРА* меньше по размеру, геометрически более проста, при желании может быть представлена в виде точки, легче воспринимается с когнитивной точки зрения, т.е. более «салиентна» (термин Л. Талми в переводе Е.С. Кубряковой). *ФОН* при этом является стационарным объектом, он более громоздок, его границы как бы размыты, более сложно устроен с геометрической точки зрения и т.д. Со временем оказалось, что эта модель Л. Талми имеет большие эвристические возможности и успешно применяется в синтаксической и лексической

типологии, а также в области предложной семантики [Herskovits 1986]; см. также [Филипенко 2000]. Здесь важно прокомментировать мнение Л. Талми по поводу соотносительности его терминов с теми, которые предлагают другие ученые, работающие в области пространственного моделирования в языке. Ср.: Thus, Gruber's (1965) ``theme'' and ``trajector'' are quite comparable to my Figure, while Langacker's ``landmark'' compares with my Ground [Talmy 2000: 253]. В нашем переводе комментарии Л. Талми выглядят так: «термины ‘*theme’* — «тема» и *‘trajector’* — «траектор» (Gruber 1965) сопоставимы с термином «ФИГУРА», а термин *‘landmark’* (Р. Лангакер 1979) — с термином «ФОН» (цит. по [L.Talmy 2000: 253]); см. об этом также: [Филипенко 2000]. В ходе нашего исследования мы также будем оперировать терминами ФИГУРА и ФОН, предложенными Л. Талми. Следует отметить, что он в своих работах пишет эти слова с заглавной буквы, чтобы подчеркнуть чисто лингвистический смысл, который в них вкладывается в отличие от их первоначального значения. В нашем исследовании они будут поданы курсивом или выделены жирным шрифтом. В связи с рассмотрением фигурно-фоновых отношений необходимо отметить следующий важный момент. Так, при проецировании пространственных объектов и пространственных ситуаций в естественный язык, согласно Л. Талми, происходят существенные изменения, которые связаны с определенным огрублением действительности и отсеиванием многих параметров естественных объектов. Таким образом, процесс встраивания действительности в естественный язык назван им *схематизацией.* Причем этот процесс уподобляется им особенностям детского рисунка, в котором действительность идеализирована [Рахилина 1998а: 284]. Языковая модель (ЯКМ) отличается тем, что в ней все объекты видятся как представители нескольких эталонных форм — таких как поверхности, емкости, стержни, веревки и т.д., — которые названы им топологическими типами. В этой связи считается, что Л. Талми предлагает совершенно иную пространственную модель, как справедливо указывают ученые [Рахилина 1998а: 285]. Так, разыскания известного ученого на материале большого

количества языков мира привели его к выводу о том, что при концептуализации пространства геометрия Евклида, которая опирается на понятия размера, расстояния, длины, угла и т.д., имеет отдаленное отношение к ЯКМ. Развивая эти мысли, Л. Талми демонстрирует разницу между языковой и научной топологиями пространства (ср. *naïve* and *sophisticated conceptualization* в его терминологии [Talmy 2000: 224]) на основе интересных примеров, которые полезно рассмотреть в рамках нашей работы. Мы хорошо знаем, пишет он, что пространственные объекты (elements) могут выступать в самых разнообразных формах. Так, например, употребление предлога *in* требует, чтобы референциальный объект (объект **Y** — Л.Х.) был представлен в воображении как некая плоскоть (двухмерный объект), которую можно свернуть таким образом, чтобы она приобрела некую объемную форму: это может быть квадратная коробка (*in the box*), сфероидальная чаша (*in the bowl*) или плавательный бассейн в форме рояля (*in a piano-shaped swimming pool*) [Talmy 2000: 224]. Иными словами, в контексте предлога *in* фигурируют самые разные по форме или бесформенные, как мы говорим, объекты. Математическая топология, как известно, такой вольности «допустить» никак не может. Мы при этом, исходя из теории Л. Талми, считаем, что математическая топология (*mathematical topology*) есть не что иное, как *sophisticated conceptualization,* в то время как языковая топология (*linguistic topology*) — это то, что Л. Талми назвал *naïve conceptualization* (наивная или нативная, народная, бытовая). Более того, ученый считает, что наивная топология встроена в язык (built into language), но при этом обе разновидности сосуществуют параллельно [там же: 224]. Нетрудно видеть, что термины *linguistic topology* и *naïve conceptualization* можно считать синонимичными термину *языковой (= лингвокогнитивной) категоризаци*и. Приведем еще несколько интересных наблюдений ученого, поскольку его идеи и теоретические воззрения являются основополагающими для проведенного нами исследования. В пространственных конструкциях, рассмотренных в нашей работе, присутствует элемент, обозначенный символом **R** (релятор или

relational gram). За этим элементом стоит грамматическая единица, принадлежащая к так называемому «закрытому классу». Термин *закрытый класс* противопоставляется Л. Талми *открытому классу*. Ученый разводит их следующим образом. Концептуальный материал (видимо, имеется в виду информация, полученная субъектом из внешнего мира и переработанная его сознанием — Л.Х.) репрезентируется в языке, по мнению ученого, на двух уровнях — лексики и грамматики; лексический уровень, являющийся открытым классом (open-class elements), представлен знаменательными лексическими единицами (= элементами) языка, как то: основами существительных, глаголов, прилагательных. При помощи составляющих первого уровня можно описать разнообразное концептуальное содержание: чувства и эмоции, местные сплетни (слухи), устройство мироздания, понятие пространства и времени и т.д. Так, например, существительные представляют собой солидный список, который может неограниченно пополняться. Второй же уровень состоит из элементов закрытого класса (closed-class forms), который представлен, в частности, глагольными окончаниями, выражающими различные категории, например, время; их количество ограничено и список фиксирован [Talmy 1983: 227]. Следует при этом иметь в виду, что формы, представленные в данном списке, также способны кодировать концептуальный материал, но в гораздо более ограниченном объеме [Talmy 2000: 179]. При этом оказывается, что языки в значительной степени проявляют определенную «индифферентность» (нейтральность) по отношению к размеру объекта — участника пространственной ситуации.

Ср. примеры:

i. The lamp stood *in* the box. Лампа стояла в коробке

ii. The man stood *in* the barn. Человек стоял в сарае

iii. The building stood *in* the valley. Здание стояло/находилось в долине (все примеры взяты из Л. Талми [Talmy 2000: 224]

Как видно, один и тот же **предлог** обслуживает три разные пространственные сцены (ситуации), несмотря на существенное различие

размера объектов, которые составляют *фон*. Таким же образом языки «обходятся» и с расстоянием между участниками пространственной ситуации. Для сравнения ученый приводит два пространственных термина *this* (этот) и *that* (тот), которые соответственно обозначают близость к говорящему (*this*) или удаленность от него (*that*). Ср. примеры из [L. Talmy 2000: 225]:

a. This speck is smaller than that speck. Это пятнышко меньше, чем то

b. This planet is smaller than that planet. Эта планета меньше, чем та

Примеры снова подтверждают, что различие в размерах между пятном и планетой, а также различие в расстоянии между двумя пятнами и двумя планетами, выражаемое в милимметрах и парсеках соответственно, оказываются нерелевантными для языка (в данном случае английского), он не обращает на это внимание, т.е. указательные местоимения в одинаковой степени обслуживают и пятнышко, и планету [L. Talmy 2000: 225].

Приведем еще одну формулу пространственного отношения, которая принадлежит В.Г. Гаку [Гак 2000: 132-133], и рассмотрим ее особенности:

S(0) + VI + r + L, где

S(0) обозначает локализуемый объект (ср. *объект* **X**; *траектор*);

VI — глагол движения или местопребывания; он, как правило, содержит пространственную сему или компонент значения, в другой терминологии;

r — конкретный тип локализации, выражаемый предлогом; ср. *релятор* (О.Н. Селиверстова); *реляционный грам* (S. Svorou);

L — локализатор, то есть двух- или трехмерное пространство, в котором способен помещаться локализуемый предмет. Ср. *релятум* или *область локализации*; ср. также *ориентир* (Я.Г. Тестелец); *рефенциальная точка; ориентив* (В.А. Плунгян).

Основное отличие от предыдущей модели заключается в том, что здесь учитывается тип глагола — динамический и статический, или глагол движения и местопребывания (по терминологии В.Г. Гака). Отсюда, по мнению ученого, основные семантические типы пространственных моделей в

языке исчерпываются четырьмя разновидностями, перечень которых и сами примеры приводятся по [Гак 2000: 132]:

«1) статическая с глаголом местонахождения: *Петр находится в своей комнате;*

2) динамическая с глаголом движения: *Петр идет в комнату;*

3) каузативная статическая: *Петр держит документы в этом ящике;*

4) каузативная динамическая: *Петр кладет документы в ящик»*.

Из приведенных моделей нас будут интересовать только две: (1) и (3), поскольку наша работа связана с анализом статических пространственных ситуаций в языке. Развивая идеи Л. Талми [Talmy 1985: 85-93] и других ученых ([Гак 1966]; [Лопатин 1996]), Т.А. Майсак [Майсак 2005] указывает, что для глаголов позиции, как и в целом для всех глаголов, которые описывают статические пространственные ситуации, важным является «противопоставление трех основных аспектуально-каузативных типов»:

- нахождение в состоянии — рус. *лежать*, англ. *lie;*
- вхождение в состояние — рус. *ложиться/лечь*, англ. *lie down;*
- каузация вхождения в состояние — рус. *класть/положить*, англ. *lay (down)* [Майсак там же: 121].

Бесспорно, все указанные параметры пространственной (локальной) модели одинаково существенны для исчерпывающего описания семантики позиционных глаголов, но наше внимание будет направлено на модель (1). При этом важно обратить внимание на один существенный момент — модель, предложенная В.Г. Гаком, хорошо «работает» для русского языка и еще лучше для европейских языков, особенно английского. В этих языках (европейских и русском) существуют так называемые «адпозиты» — термин, который служит для обозначения свободных морфологических форм (free morphological forms). Они преимущественно функционируют в языке в предложных оборотах: либо в препозиции (prepositions): ср. *в комнате*, *in the room*, либо в постпозиции (postposition): ср. *sit down, go on*. Послелоги в языках мира выражают при этом падежные функции, а также служат показателями места, времени,

каузальности или инструментальности (см. об этом [Kumashiro 1994; Svorou 1975, 1978, 1983, 1985, 1994; H. Clark 1973; E. Clark 1978; Lakoff and Johnson 1980; Brugman 1981, 1983; Lindner 1981; Herskovits 1982, 1985, 1986; Casad 1982; Casad and Langacker 1985; Hawkins 1984 и др]).

1.3.2. Проблема позиционных глаголов как особого «лексического класса»

В данном разделе рассмотрим природу статических глаголов, которые впервые в российской лингвистике с типологических позиций нашли глубокое и всестороннее освещение в известной работе [Майсак, 2005]. Этот фундаментальный труд, основанный на обобщении исследований по десяткам языков мира, служит для нас методологической базой при обсуждении релевантных теоретических аспектов, а также анализа практического материала кабардинского языка как одного из малоизученных на этот (и не только) предмет языков. Итак, исследуемые глаголы, по мнению ученого, входят в особый «лексический класс» и по своей семантике отличаются от глаголов движения [2] тем, что последние кодируют пространственное перемещение, в то время как интересующие нас глаголы (ср. *sit, stand, lie* и *сидеть, стоять, лежать*) обозначают особый тип расположения субъекта в статике, т.е. его специфическую позу [Майсак 2005: 120]. Отсюда при их использовании в прямом (основном, номинативном) значении в качестве *фигуры* выступает, как правило, человек или животное, которые в зависимости от своих онтологических характеристик могут принимать любую из этих позиций (за исключением глагола *висеть*, в контексте которого в

[2] Обратим здесь внимание на мнение В.Г. Гака, который считает, что перемещение и движение не следует смешивать, поскольку группа глаголов движения может включать не только глаголы перемещения (ср. *идти, плыть* и т.п.), но и любые глаголы, которые обозначают отсутствие состояния покоя у объекта (ср. *качаться, дрожать* и т.п.) [Гак, 1996: 7]. Также отметим, что деление адыгских глаголов на динамические и статические глаголы является несколько условным. Во-первых, в адыгском языкознании термин *позиционные глаголы* используются редко: насколько нам известно, впервые было использовано в работах Р.С. Кимова [2006; 2010]. Мы в этой связи полагаем, что понятие *статические глаголы* шире, так как включает помимо предикатов локативного состояния, выражающих позу человека, и такие глаголы как *Ыгъын ‘держать’*, *иЭн ‘иметь’*. М.А. Кумахов рассматривает под одной рубрикой как глаголы обладания, так и позиции, т.е. он не выделяет в отдельную группу *позиционные глаголы* [Кумахов, 2006: 115].

пространственных конструкциях в общем случае выступают неодушевленные объекты). В специальных лингвистических работах по лексической семантике эти глаголы функционируют под разными названиями: глаголы позиции или позиционные глаголы. Второй термин стал популярным, по мнению Т.А. Майсака [Майсак 2005], после выхода в свет известной работы [Рахилина 1998]. Кроме этого в литературе вопроса существуют близкие по смыслу термины: глаголы положения в пространстве / предикаты местонахождения [Гак 1966; 1996; 1998], глаголы пространственного расположения предмета [Лопатин 1996], предикаты локативного состояния [Кимов 2010b], базовые глаголы покоя [Кузнецова 2020]. В англоязычной литературе глаголы позиции встречаются под разными названиями: posture verbs [Newman 2002; Newman, Rice 2004], stative verbs [Rothmayr 2009], locative predicates [Ameka, Levinson 2007]; at-rest verbs [Newman 2022], postural. В ходе исследования некоторые из этих терминов, в особенности русскоязычные, будут использоваться нами синонимично во избежание повторения.

Итак, изучаемые глаголы принадлежат к числу широкоупотребительных лексем, обозначающих состояние покоя, viz. ‘стоять’, ‘сидеть’ и ‘лежать’ (ср. англ. *sit*, *stand* and *lie*). Эти единицы представляют особый интерес для лингвистов ввиду того, что в языках мира они характеризуются разветвленной полисемией и относительно легко подвергаются переосмыслению в ходе развития когнитивного опыта, а значит, языковой категоризации взаимодействия человека с окружающей действительностью. Иными словами, они активно употребляются во вторичной номинативной функции — метафорической и метонимической, — не связанной с реализацией локативного значения. Вместе с тем, если на материале английского и русского языков данные глаголы изучены широко, то в так называемых миноритарных языках, в частности КЯ, их исследование находится на начальном этапе [Кимов 2006; 2010a; Хатухова 2023; 2024; 2025; Кимов, Хатухова 2025]. В этой связи описание семантических особенностей этих

единиц, особенно оснований их концептуального расширения, создающих условия для их функционирования в нелокативном значении, представляется, как указано выше, особенно **актуальным**. По справедливому мнению [Ameka & Levinson 2007: 847], значимость позиционных глаголов (verbal component) в пространственных предложениях не получает должного внимания, что не совсем оправданно. Так, считают ученые, если в английском языке информация о пространственной локализации одного объекта относительно другого практически «упаковывается» (packed) в предложные обороты с обобщенным (vacuous — *пустым, десемантизированным* в нашем переводе — Л.Х.) *to be*, то во многих языках мира, возможно даже в половине языков, имеется набор альтернативных позиционных глаголов. Последние реализуют классифицирующую функцию, кодируя особенности геометрических свойств *фигуры* и *фона*. В этой связи авторы предлагают сравнить несколько примеров, иллюстрирующих специфику кодирования пространственной ситуации в английском и немецком языках [Ameka & Levinson 2007].

(1) The book is on the table	(1a) Das Buch liegt auf dem Tisch
(2) The cup is on the table	(2a) Die Tasse steht auf dem Tisch
(3) The key is in the lock	(3a) Der Schlüssel steckt in dem Schloss
(4) The picture is on the wall	(4a) Das Bild hängt an der Wand

Как видно, в английском языке все примеры пространственных конструкций обслуживаются предикатом «широкого спектра действия», viz. *to be*, который не учитывает геометрических свойств *фигуры* (ср.: книга имеет плоскую форму и должна лежать, чашка имеет каноническую ориентацию, предназначена для «стояния», т.е. имеет основание) или *фона* (представляет ли он собой контейнер или вертикальную плоскость). Сравнение примеров демонстрирует, что немецкий язык максимально классифицирует или дифференцирует способ расположения фигуры. Ср.: (1a) liegt — *лежит*; (2a) steht — *стоит*; (4a) hängt — *висит*; (3a) steckt — букв. *вставлен в замок и торчит* [там же: 851]. Последний пример показывает взаимодействие *фигуры* и *фона*. Обратим внимание, что эти языки принадлежат к одной и той же

группе — германским языкам, а также, в определенном смысле, к одному культурному ареалу, но тем не менее мы видим существенные расхождения в кодировании *стативных* ситуаций. В то же время некоторые языки доводят эти различия до крайней степени. Так, например, отмечается, что язык Tzeltal (*цельталь* — один из языков майя) имеет более сотни разнообразных локативных предикатов, описывающих характеристики *фигуры* (форма, расположение, угол), а иногда и *фона*, а также соотношение того и другого [Levinson 1992: 29]. Такая вариативность выражения пространственной ситуации позволила типологам выделить четыре основных типа в немаркированных (неотмеченных) пространственных конструкциях:

Тип 0 — локативная конструкция *не имеет глагола*; один из редчайших типов, встречается в языке салиба (*Saliba*);

Тип I — *одиночный локативный глагол* (либо его супплетивная форма, обусловленная грамматическим аспектом);

Подтип Ia: *связочный глагол* (dummy verb), встречающийся в английском, немецком и тамильском языках; *экзистенциальный/локативный предикат*: юкатекский язык майя (*Yucatec*);

Подтип Ib: *локативный глагол*, определяемый грамматическими категориями (в японском, китайском и турецком языках);

Тип II — *большое или неограниченное количество позиционных глаголов*: языки ликпе *(Likpe)*, цельталь *(Tzeltal)*, сапотек *(Zapotec)*;

Тип III — *ограниченный набор позиционных глаголов.* К этому типу относятся языки: Guugu Yimithirr, Rossel, Dutch (голландский), Arrernte.

Поскольку ситуации, обозначаемые тремя базовыми глаголами, принадлежат к универсалиям жизненного опыта, во многих языках мира существуют специальные лексические средства (часто универбальные) для их обозначения. При этом языки довольно часто располагают тремя глаголами позиции (ср. английские и русские глаголы). Вместе с тем в языках мира, как мы выявили вслед за типологами, наблюдаются и более специфические лексемы, которые составляют периферию рассматриваемой группы. Так,

согласно [Newman 2000: 3] в английском языке к лексемам, выражающим специфическое *сидячее* положение, принадлежат: *squat* ‘сидеть на корточках’; *crouch* ‘припасть к земле, пригнувшись’; специфическое *стояние* выражается в этом языке через глаголы *lean* ‘наклониться, прислониться’ и *kneel* ‘стоять на коленях’. Как видно, вся специфика, т.е. дополнительные компоненты значения, которые сопровождают ядерную сему позиционных глаголов *стоять, сидеть, лежать,* встроена в семантику самого глагола и не имеет, следовательно, поверхностного выражения (ср. рус. *сидеть на корточках* и англ. *to squat,* в семантику которого как бы включен смысл, стоящий за компонентом «на корточках»). Забегая вперед, укажем, что языковая концептуализация (= категоризация) подобных ситуаций в КЯ напоминает русскую. Ср.: лежать ничком — *хэIубауэ* (ничком) *щылъын* (лежать). Об этой особенности КЯ речь пойдет ниже. Попутно отметим, что по данным [Кибрик, Кодзасов 1988: 85] во многих дагестанских языках имеется специальная глагольная лексема со значением ‘садиться, сидеть верхом’ (на лошади, мотоцикле) [Цит. по: Майсак, 2005: 123]. В КЯ также имеется лексема *шэсын,* которая используется только как инхоативный глагол со значением ‘сесть на лошадь’. При этом параллельно существует и такая конструкция, которая практически эквивалентна русской «сидя <верхом> на лошади». Ср. каб. *шым* (лошадь) *тесу* (букв. «на-сидя»).

В одной из серии известных работ, посвященных типологическому описанию глаголов позиции, Дж. Ньюман [Newman 2000] подчеркивает, что три базовые позы — *сидеть, стоять* и *лежать* — играют чрезвычайно важную роль в нашей повседневной жизни. В этой связи в языках мира глаголы, обозначающие эти позы, как правило, характеризуются широкой употребительностью, вследствие чего вовлекаются в разнообразные метафорические модели. Как правило, в центральном значении этих глаголов реализуются концепты — ‘находиться в сидячем положении’, ‘находиться в стоячем положении’, ‘находиться в лежачем положении’ —, которые служат в дальнейшем универсальным источником их концептуального или

семантического расширения [Newman 2000: 3]. Иными словами, высокая частотность их функционирования создает когнитивные основания для их альтернативной категоризации в ходе расширения опыта человека, что способствует формированию у них фигуральных (= переносных) значений, а также их превращению в грамматикализованные единицы языка. С целью более глубокого изучения механизмов концептуального расширения собственно глаголов позиции и примыкающих к ним «близких по семантике глаголов расположения субъекта», а именно взаимодействия их центральных и периферийных значений (переносных и грамматикализованных), ученый предложил генерализованный фрейм. Он включает: пространственно-временной домен (the spatio-temporal domain); домен динамики силы (the force dynamics domain); *активную зону*, связанную с каждым из глаголов (the active zone associated with each predicate); социокультурный домен (the socio-cultural domain) [Newman 2002: 3]. Здесь мы бы предложили вместо «домен» синонимичный термин «аспект» или «параметр». С точки зрения этих параметров исследована семантическая структура глаголов позиции во многих языках мира. В этой связи представляется оправданным кратко рассмотреть суть этих параметров, сохраняя предложенную ученым систематизацию и терминологический аппарат.

Пространственно-временной домен	*sit* ‘сидеть’	относительно положение	компактное
	stand ‘стоять’	вертикальное положение	вытянутое
	lie ‘лежать’	горизонтальное положение	вытянутое

Динамика силы	*sit* ‘сидеть’	средняя степень контроля и баланса (верхняя часть торса); позу легко поддерживать
	stand ‘стоять’	самая высокая степень контроля и баланса (верхняя и нижняя части торса); позу труднее всего удерживать
	lie ‘лежать’	самая низкая степень контроля и баланса; не требуется никаких физических усилий для поддержания позы
Активные зоны	*sit* ‘сидеть’	ягодичные мышцы (и верхний торс)
	stand ‘стоять’	ноги (и верхний торс)
	lie ‘лежать’	тело целиком
Социокультурный домен	*sit* ‘сидеть’	самая комфортная поза для работы и отдыха
	stand ‘стоять’	потенциально самая мощная в физическом смысле поза
	lie ‘лежать’	поза, которая ассоциируется с усталостью, болезнью, сном, смертью

Постуральный контроль отвечает за поддержание позы и равновесия, которые обеспечивают движение. Прилагательное «постуральный» восходит к английскому *postural* (от существительного *posture* — «пространственное положение, поза»).

Термин «динамика силы» по смыслу синонимичен термину «постуральный контроль». Иными словами, динамика силы подразумевает те физические усилия, которые затрачиваются человеком для удержания своего тела (= контроль и баланс) в одном из трех положений. Термин «активная зона» предложен Р. Лангакером [Langacker 1987] (цит. по [Newman 2002: 3]). Данный термин обозначает салиентную или выдающуюся часть денотата, которая непосредственно вовлечена в актуальное взаимодействие сущностей или в процесс постурального контроля. Так, для глагола blink ‘моргать, моргнуть’ активной зоной являются веки; для глагола kick ‘пинать, пнуть’ — ноги; в случае с глаголом позиции *sit* в качестве активных зон выступают, как видно из таблицы, ягодицы и верхний торс, поскольку они являются частями тела, которые в ситуации сидения оказываются самыми важными (задействованы наибольшим образом) для обеспечения постурального контроля. Для глагола *stand* в качестве салиентных составляющих выступают ноги наряду с верхним торсом, которые ответственны за вертикальное положение тела. Что касается глагола *lie*, в качестве активных зон выступают левый или правый бок человека, поскольку именно эти части тела обычно входят в контакт с плоской поверхностью [Newman 2002: 3]. Комментируя понятие *активных зон,* предложенное Р. Лангакером, Т.Г. Скребцова полагает, что оно пересекается с понятием метонимии в ее концептуальной интерпретации [Скребцова 2018: 172]. В качестве сравнения ученым приводится пример: *Your dog bit my cat* (‘Ваша собака укусила мою кошку’), в котором предикат *to bite* обозначает взаимодействие между отдельными частями объектов, а именно зубами собаки и определенной (хотя и не указанной в тексте) частью тела кошки [там же: 172]. Е.С. Кубрякова, анализируя концепцию Р. Лангакера, отмечает, что

концептуальное содержание шире и богаче значения языкового выражения, вследствие чего последнее возбуждает (invokes) лишь определенную часть этого содержания [Кубрякова 2004: 348]. Возвращаясь к *активным зонам* глаголов позиции, отметим, что именно эти зоны и вычленяют необходимую нам информацию hic et nunc. Не умаляя значимости всех ипостасей рассмотрения *постуралов*, можно указать, что для нас важным параметром является социокультурный аспект рассмотрения особенностей исследуемых глаголов, поскольку нам представляется, что именно эта ипостась (см. далее) предопределяет национальное своеобразие категоризации как самой стативной пространственной ситуации, так и ее участников. Рассмотрим комментарии ученого в нашем вольном переводе. Итак, — пишет автор, — все эти позы (положения тела) играют совершенно разную роль с точки зрения социокультурного контекста (play very different roles in the socio-cultural domain) [Newman 2000: 3]. Так, сидячее положение представляет собой относительно удобную позу, поскольку предоставляет возможность работать руками, а также беспрепятственно смотреть вперед и оглядываться вокруг себя, есть и пить, как обычно, но, вместе с тем, не чувствуя усталости ног, как при длительном хождении. Стоячая поза требует бóльших физических усилий, позволяет зрительно воспринять гораздо более удаленные объекты, является исходным положением для хождения и бега. Лежание же требует самых минимальных усилий, практически не связано с физическими действиями и, как правило, ассоциируется с состоянием покоя (отдыха), сном, болезнью и смертью.

1.3.3. Обзор частных исследований позиционных глаголов в разных языках

Одной из первых работ, посвященных исследованию стативных глаголов русского языка, как мы отметили выше, является статья «Семантика русских "позиционных" предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть*» [Рахилина 1998]. В ней автор показал, что при кодировании статических

пространственных ситуаций языки мира ведут себя по-разному, особенно в отношении местонахождения объекта. Однако при всем разнообразии средств, используемых для этих целей, языки можно разделить на те, для которых характерна *универсальная* тенденция, и на те, в которых преобладает *классифицирующая* тенденция. Первый тип предполагает наличие в каком-либо языке одного главного локативного предиката, который описывает любое локативное состояние независимо от типа объекта. К таким языкам относится, по мнению Е.В. Рахилиной, французский язык с глаголом *être*, который используется для кодирования нахождения локализуемого объекта в какой-либо области локализации, независимо от того, какое пространственное положение — *стоять, лежать, сидеть* или *висеть* — занимает объект. Соответственно, глаголы, обозначающие пространственную локализацию объектов, названы ученым «позиционными глаголами» или «позиционными предикатами» [там же: 69]. Вместе с тем некоторые языки требуют более «дробного» или расчлененного представления локализации *фигуры* по отношению к *фону*. Иными словами, чтобы в таком языке выбрать соответствующую лексему (= позиционный предикат) для описания ситуации «лежания» (= горизонтального расположения объекта), необходимо учитывать ряд факторов: одушевленность/неодушевленность, человек/животное, форма объекта и т.д. Отсюда получается, что позиционные глаголы выступают в качестве классификаторов *предметной* лексики, что дает основание назвать такие языки *классифицирующими*. К таковым принадлежат, по мнению Е.В. Рахилиной, грузинский, некоторые дагестанские языки, а также американские языки [Рахилина 1998]. Забегая вперед, отметим, что к таким языкам по праву можно отнести и КЯ, вовлеченный в настоящее исследование. Основания его причисления к классифицирующим языкам будут рассмотрены в соответствующем разделе. По мнению Т.А. Майсака [Майсак, 2005], как мы указали выше, термин *позиционные глаголы*, введенный в научный оборот Е.В. Рахилиной, стал популярным в специальной литературе вопроса после выхода в свет ее работы. В этой связи рассмотрим

труды других исследователей, имеющие непосредственное отношение к объекту предлагаемой диссертационной работы, т.е. к анализу глаголов позиции.

Глаголы положения в пространстве в норвежском языке, например, исследованы с точки зрения их лексико-семантических свойств, бытийно-локативных предикативных функций, а также особенностей их грамматикализации в [Стоянова 2013]. В работе Л.Н. Федосеевой [Федосеева 2004] на материале русского языка дана характеристика пространственных отношений с точки зрения лексической семантики, представлена классификация локальных значений, выявлена система основных средств выражения пространственных отношений на разных уровнях языковой системы — лексическом, морфологическом и синтаксическом. В исследовании [Сметанина 2007] на богатом фактологическом материале выявлены и описаны семантические особенности базовых пространственных глаголов английского языка, обусловленные категоризующей деятельностью человека. Оригинальность этой работы состоит в том, что категоризация пространственного положения объекта коррелирует с выбором одного из трех позиционных глаголов, вовлеченных в анализ. Представлена также авторская классификация объектов, упоминаемых в контексте этих глаголов. Системность и логичность анализа семантики и особенностей функционирования позиционных глаголов в высказывании обеспечивается удачной, на наш взгляд, классификацией объектов при этих глаголах. Так автор выделяет следующие объекты: 1) человеческие объекты (human), в т.ч. антропоиды, под которыми имеются в виду объекты из мира ирреального, но обладающие антропоморфными характеристиками (русалки, гномы, эльфы и т.п.); 2) нечеловеческие (nonhumans) объекты, которые подразделяются на одушевленные (животные, птицы, насекомые и т.п.) и неодушевленные. К последним принадлежат натурфакты — объекты, созданные без вмешательства человека (природно-ландшафтные объекты, такие как горы, холмы, пустыни, включая водные объекты: океан, море, река, озеро и т.п.);

артефакты — рукотворные объекты, т.е. созданные человеком. И, наконец, 3) абстрактные сущности, т.е. «абстрактные объекты», по терминологии автора. К ним относятся: радость, горе, беда, счастье и т.д. В работе подтверждена гипотеза об антропоцентрическом характере этих глаголов в английском языке [Сметанина 2007]. Исследование [Трофимова, Косова 2017] посвящено анализу семантики префиксальных дериватов (*подлежать, надлежать*, *залежать* и т.д.) с позиции теории композиционной семантики, истоки которой уходят к Г. Фреге. Данная работа послужила продуктивной основой для сопоставительного анализа в других языках, и в первую очередь — в КЯ. Обращение именно к таким лексемам в рамках композиционной семантики вызвано, как указывают авторы, тем, что они позволяют продемонстрировать наиболее ранние этапы концептуализации или освоения мира, сформированные в глубокой древности. В работе установлено, что основы позиционных глаголов, соединяясь с пространственными префиксами типа *в-*, *на-*, *под-*, *над-*, *пред-*, *за-*, образуют не просто аддитивные комплексы, а семантически спаянные идиоматические единицы, в которых наблюдается выцветание или зачастую даже утеря первоначального пространственного значения (*подсидеть*, *насидеть*, *предстоять*). Показано также, что в современном русском языке подобные значения передаются посредством бесприставочных глаголов и предложно-падежных форм: ср. *подлежать* <обсуждению> и *лежать под чем-л.*; *предлежать* (о пути) и *лежать перед чем-л.*, и т.д. Интересно, что авторы разграничивают понятие преверба и префикса (ср.: «префиксы, восходящие к превербам, фиксируют ориентацию человека в пространстве»). Возможно, данный тезис не лишен основания, но, как мы поняли, они употребляются синонимично. Заслуживающими внимания являются также наблюдения авторов над особенностями полисемантического развития изучаемых глаголов. В работе [Кузнецова 2021] с опорой на типологические исследования, посвященные описанию позиционных глаголов в языках мира, рассматривается взаимодействие области-источника и области-мишени, способствующее метафоризации глаголов позиции, т.е.

созданию условий для перехода от прямого смысла к переносному. В [Lichtenberk 2002] отмечается, что сидение, стояние и лежание могут считаться базовыми позами человека. Этим объясняется то, что в языках мира, как правило, имеются простые лексические единицы для их обозначения [Lictenberk 2002: 273]. Но при этом различия заключаются в следующем: субъект при этих глаголах может быть одушевленным или нет; сами глаголы могут быть только статическими или только динамическими, либо могут быть и теми, и другими одновременно; эти единицы могут быть моносемантами, реализуя строго пространственное значение, либо могут содержать дополнительные лексические значения [там же]. Кроме этого, в языках зачастую наблюдаются случаи, когда морфемы с пространственным значением приобретают грамматические функции. Во многих случаях это аспектуальные конструкции с прогрессивным, дуративным, имперфективным значениями [Lichtenberk 2002: 308]. Как мы отметили со ссылкой на [Майсак 2005], при изучении позиционных и вообще стативных (= статических) глаголов важным является разграничение выражаемых ими значений: а) нахождение в состоянии (позиции): *сидеть*, *стоять*; б) вхождение в состояние: *сесть*, *лечь*; в) каузация вхождения в состояние: *класть*, *положить* (англ. *lay down*). Это направление анализа, бесспорно, интересно и заслуживает внимания, но наша работа ставит целью изучение статических пространственных ситуаций в трех языках без учета других аспектов. Тем не менее укажем на интересную работу Pluger C. [electronic resource], в которой рассматриваются особенности вхождения в определенное состояние и перечисляются, какие средства используются для этого в одном из экзотических языков мира, что заслуживает внимания в контексте дальнейших разысканий. Заслуживает также внимания работа Várnai Zsuzsa, посвященная исследованию позиционных глаголов в языке Nganasan[3] [Várnai 2022]. На

[3] Нганаса́нский язы́к (устаревшее название — тавгийский (тавгинский) или тавгийско-самоедский) — язык нганасанов, распространённый в Таймырском районе Красноярского края в посёлках Усть-Авам, Волочанка и Новая. Относится к северной ветви самодийских языков. Число говорящих на нганасанском языке — 125 человек (2010) [Википедия].

основе обширного теоретического материала автор показывает особенности пространственной репрезентации окружающей действительности в одном из языков, находящихся на грани исчезновения. Отмечается, что расширение прототипического (центрального) значения глаголов позиции осуществляется в соответствии с общечеловеческими принципами развития когнитивного опыта по освоению окружающей действительности. Вместе с тем показано, что в языке проявляются специфические способы членения мира, выражающиеся в идиоэтнических метафорических моделях. Автор при этом ставит важный вопрос, связанный с тем, на каком этапе находится процесс грамматикализации постуралов в изучаемом языке, обусловленный семантической связью центрального и второстепенного значений этих глаголов. Заслуживают внимания ценные разыскания автора о том, какую из специфических поз с точки зрения языка могут «принимать» культурно отмеченные объекты, а также какие позы человека могут переноситься на «нечеловеческие» объекты, в том числе на поведение животных и явления природы. В исследовании [De Knop&Perrez 2014] акцент делается на том, насколько важно учитывать типологические особенности языка при выражении пространственных ситуаций. Так, авторы считают, что французский язык, принадлежащий к романской группе, с одной стороны, и немецкий и голландский языки, принадлежащие к германской группе, — с другой, по-разному кодируют пространственные отношения, т.е. пространственное положение субъекта и его локализацию. Отсюда типологические различия такого плана могут представлять определенные трудности для французов при изучении немецкого и голландского языков. Основная проблема при этом заключается, по мнению авторов, в том, что позиция субъекта и его локализация в германских языках выражается набором постуралов, в то время как романские языки используют предикаты «широкого спектра действия», ср. être (об этом см. также [Talmy, 2000]).

1.4. Превербы и пространственные префиксы адыгских языков в специальной литературе. Общие замечания

Этот раздел посвящен рассмотрению наиболее распространенных взглядов ученых на природу глагольных префиксов в теоретическом плане вообще и с точки зрения их характеристик как элементов системы КЯ в частности. Преверб традиционно представляет собой описательное понятие, используемое в индоевропейской лингвистике. Под этим термином понимаются морфемы, которые стоят перед глаголом (прикрепляются к нему спереди), тем самым образуя вместе с этим глаголом «семантически спаянную единицу» [Booij G; Van Kemenade 2003: 1]. Во многих случаях морфема, выступающая в качестве преверба, зачастую может функционировать самостоятельно, т.е. в свободном виде (without a preverbal context), как наречие или *адлог* (*adposition*). Последний в литературе вопроса — это термин, используемый для свободных форм в индоевропейском понимании, viz. предлогов и послелогов (см., например, S. Svorou 2007). Любопытно также, что, по мнению ученых, понятие преверба используется в качестве обобщенного обозначения (cover term) слов, содержащих в своем составе как, собственно, превербы, так и приглагольные префиксы (preverbal prefixes) [там же: 1].

1.4.1. Грамматика адыгейского литературного языка Н. Яковлева и Д. Ашхамафа как один из первых опытов описания превербов

В адыгском языкознании, насколько нам известно, превербы впервые упомянуты в известном труде «Грамматика адыгейского литературного языка» [Яковлев, Ашхамаф 1941], в котором они рассматриваются под рубрикой «Глагольные префиксы места и личного отношения». При этом под префиксами личного отношения (= личного направления) авторами понимаются такие «формальные» частицы, которые выражают или направление действия по отношению к первому лицу, или иные отношения действия, обозначаемого глаголом (например, отношения пользы или желания

лиц речи) [там же: 348]. Ср. каб. *хузотх* «пишу кому-то»[4] (в пользу лица) и *фIызотх* (против воли лица). Уже тогда превербы личного отношения впервые стали рассматриваться в двух терминах — центростремительные (движение внутрь, вглубь, т.е. в сторону конечной точки) и центробежные (движение из конечной точки). Такие префиксы личных отношений или личных направлений в адыгейском языке, по мнению авторов, представлены пятью единицами (*морфемами*, в современных терминах). Интересно, что термин *морфема* авторами не используется, что, видимо, соответствовало традиции грамматических описаний того времени. Кроме перечисленных выше, в составе адыгейского глагола, по их мнению, имеются и морфемы, выражающие различные, главным образом, пространственные отношения. Нетрудно заметить, что это была первая попытка классификации превербов на направительные и местные (в более поздней терминологии — директивные и локативные). В специальной литературе последнего времени направительные превербы именуются термином «дейктические глагольные префиксы» [Аркадьев 2017]. Любопытным представляется и наблюдение авторов, связанное с тем, что *направительные* префиксы, в отличие от *личных,* служат «собственно для образования новых глагольных основ», что придаёт им статус словообразовательных префиксов (приставок), «а не префиксов, с помощью которых происходит спряжение глагола» [Яковлев, Ашхамаф там же: 348]

Для освещения особенностей эволюции понятия преверба представляется необходимым остановиться кратко и на том, в каких терминах «префиксы места» рассматриваются этими учеными. Методологически важными и плодотворными, на наш взгляд, представляются и первые ценные идеи авторов о том, что «префиксы места» являются аналогами русских предлогов. При этом они справедливо отметили, что адыгейские префиксы

[4] *хузотх* реализует в КЯ три значения: а) писать кому-то <письмо, послание> — направительное значение; б) составить письменный текст по *чьей-либо просьбе*: проситель неграмотный; в) составить письменный текст <заявление> как жест доброй воли, в качестве благодеяния, богоугодное дело <он сам в жизни не сможет это сделать>.

«выражают такие оттенки пространственных отношений, которые в русском языке совершенно не различаются» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 348], что нашло подтверждение в описаниях адыгских языков конца XX – начала XXI в. Так, известно, что русский предлог ***в***, например, в общем случае является одним из пространственных предлогов. Сравнение контекстов употребления данного предлога и их переводов позволило авторам Грамматики 1941 идентифицировать несколько топологических разновидностей пространства, которые «не замечает» русский язык, но отмечаются в адыгейском языке:

- пустое, полое пространство;
- пространство внутри нежилого помещения;
- пространство внутри жилого помещения;
- пространство внутри вещества;
- горизонтально ограниченное (огороженное) пространство.

Важным следствием этого является то, что они впервые обратили внимание на то, что все эти виды пространств упоминаются в контексте совершенно разных превербов, говоря современными терминами. Например, показано, что значение предлога ***в*** может быть передано следующими превербами.

Ср.:

(1) *ПхъашIэр унэм* ***и****-с.*

Плотник находится в доме (буквально: внутри, в жилом помещении).

(2) *Коцыр хьэмбарым* ***и****-лъ.*

Пшеница лежит в амбаре (буквально: внутри, в полом пространстве).

(3) *Колхозникыр бэдзэрым* ***хэ****-т.*

Колхозник находится на базаре (буквально: внутри, среди толпы).

(4) Мыжъор псым ***хэ***-лъ.

Камень лежит в воде (буквально: внутри, в веществе воды).

Следует отметить, что особую ценность представляет словарь префиксов адыгейского языка, которым они снабдили рассматриваемую работу. Так, например, в (3) лексема *бэдзэр* (рус. базар) допускает двоякую интерпретацию,

которая укладывается в метонимическую формулу *место* > *люди* или, говоря современными терминами, метонимическую концептуализацию. В таком случае базар может быть проинтерпретирован как место (ср.: *Многие предприниматели работают на базаре и даже об этом не знают*) и как люди, находящиеся на базаре (ср.: В*есь базар гудел* о *том, как прибыл военный эшелон с молодыми лейтенантами* ….). Здесь мы наблюдаем вариативность использования пространственных превербов: а) преверб *те-* в таких примерах, как *бэдзэрым те-т-ын* (по аналогии с *хьэмым те-т-ын*, букв. «стоять на току́») и б) преверб *хэ-* в примере *бэдзэрым хэ-т-ын* (букв. «находиться среди толпы людей). Подобное положение дел, как нам кажется, связано с тем, что ко времени опубликования этой работы [Яковлев, Ашхамаф, 1941] лексика рассматривалась как составная часть грамматики, т.е. вопросы полисемии как таковой еще не изучались. «Под лексикой, — пишут они, — мы понимаем тот **отдел грамматики** (— Л.Х.), который изучает состав слов языка, различную классификацию этих слов, отражающуюся в их синтаксическом употреблении, историю развития слов и т. д.» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 206].

Разработка теории полисемии в отечественном языкознании впоследствии позволила ответить на многие вопросы, связанные с семантической производностью, в частности с вопросом об интерпретации одного и того же денотата с разных точек зрения. Ср. метонимические формулы, которые представляют собой абсолютную языковую универсалию: *дом* как здание, *дом* как семья, *дом* как хозяйство и т.д. Иными словами, лексема *бэдзэр* вне зависимости от языка может быть представлена двумя лексико-семантическими вариантами (далее — ЛСВ), взаимосвязь которых описывается формулой *место* > *люди* (ср. *просторный актовый зал* и *весь зал встал под эту песню*). Ср.: *И весь базар гудел, обсуждая это необычное явление.* Не подвергая критическому анализу информацию, извлеченную нами из указанного труда, хотелось бы подчеркнуть, что эти данные направлены на то, чтобы показать особую значимость разных подходов к обработке фактологического материала для последовавших за этим описаний адыгских

языков вообще и КЯ в частности. Естественно, в то время не существовало таких терминов, как *позиционные глаголы*, *объемные объекты*, *двухмерное и трехмерное пространства*, *пространственный континуум*, *множественные сущности*, *топологические типы объектов, неевклидова геометрия*, *языковая картина мира* и т.д. Тем не менее любопытными представляются подходы исследователей к интерпретации материала, к осмыслению многих языковых явлений, которые с современных позиций можно было бы трактовать иначе. К слову, в более поздних грамматических построениях, в частности в теории В.В. Виноградова, префиксы *направительные* и *личные,* рассмотренные в этой грамматике, также стали интерпретироваться в несколько иных терминах: как *формообразующие* и *словообразующие*. Принципы их разграничения можно найти в следующем высказывании известного ученого: «Формами слова являются те видоизменения одного и того же слова, которые, обозначая одно и то же понятие (разрядка наша — Л.Х.), одно и то же лексическое содержание, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли, либо различаются некоторыми дополнительными грамматическими оттенками, не создающими нового слова» [Виноградов 2001: 38]. Развивая идеи академика, Е.С. Кубрякова, рассматривая отличие формообразования от подлинного словообразования, подчеркивает, что в случае формальной производности «мы имеем дело с варьированием грамматических характеристик единицы […] при условии сохранения абсолютного лексического тождества исходных форм» [Кубрякова 1965: 28].

1.4.2. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка и вопросы морфологической структуры глагола

В этом академическом издании 1957 года (для краткости — ГКЧЛЯ 1957) уже предлагается дифференциация превербов (= глагольных приставок) на словообразовательные и формообразовательные. По мнению авторов, явления словообразования и формообразования тесно связаны друг с другом [ГКЧЛЯ 1957]. При этом классификация словообразовательных

приставок осуществляется здесь в соответствии со структуралистским подходом к изучению языковых фактов. Так, авторы, в частности М.А. Кумахов, выделяют три группы приставок (= превербов): 1) простые, 2) отыменные, 3) сложные. [там же: 101]. Рассмотрим семантические характеристики приставки ***дэ-*** (***ды-***), относящейся к группе простых. В соответствии с мнением авторов, данной приставке можно приписать 4 значения. Приведем их в том виде, в каком они даются в этом источнике:

а) положение, пребывание внутри предмета:

i. *пхъуантэм дэлъын* — ‘лежать в чемодане’

ii. *шкафым дэтын* — ‘быть, стоять в шкафу’

б) действие, движение, которое направляет внутрь или изнутри предмета:

i. *ашычым дэлъхьэн* — ‘вложить в ящик’

ii. *ашычым дэхын* — ‘выложить из ящика’

в) положение, пребывание в горизонтально ограниченном пространстве:

i. *пщIантIэм дэсын* — ‘сидеть во дворе’

ii. *уэрамым дэтын* — ‘находиться на улице’

г) направление действия, движения в горизонтально ограниченное пространство или из горизонтально ограниченного пространства:

i. *пщIантIэм дыхьэн* — ‘входить во двор’

ii. *пщIантIэм дэкIын* — ‘выходить из двора’

Нетрудно видеть, что рассматриваемая приставка (= преверб) выражает: а) нахождение внутри объекта в определенном состоянии, viz. стоять, сидеть или лежать; б) вхождение в это состояние. Иными словами, говоря современными терминами, этот преверб обслуживает как динамические, так и статические пространственные ситуации. Однако обращает на себя внимание еще один момент, в соответствии с которым авторы считают, что ящик представляет собой предмет или объект, наделенный такими же свойствами, что и сундук, что позволяет использовать один и тот же преверб ***дэ-*** в примерах

(а) и (б). На самом деле, как нам кажется, в контексте существительного *ашыч* ‘ящик’ использование данного преверба сомнительно, поскольку в КЯ ящик это — объект, который осмысляется как обыкновенная емкость типа ведра, бака. Поэтому более уместным был бы в таких случаях преверб ***и-***, в контексте которого упоминаются ведра, баки, вазы, т.е. типичные емкости. Здесь, в этой связи, может быть два объяснения: либо в тот период, когда появилась эта грамматика, ящики обладали другими физическими характеристиками, что позволяло носителям языка приравнивать их к таким объектам как сундук или чемодан, либо авторы не очень «щепетильно» отнеслись к топологии этих объектов. Вместе с тем последние — сундук или чемодан — представляют собой объекты иного рода, они оба могут закрываться наглухо. Что касается ящика, то с точки зрения КЯ это открытая прямоугольная коробка: даже если поместить в ящик яблоки, например, и закрыть наглухо, информанты считают, что это «образцовый контейнер». Еще один важный момент: в СКЧЯ преверб ***дэ-*** представлен следующим образом: «глагольная приставка обозначает, что действие происходит где-л., между чем-л., внутри чего-л.» [СКЧЯ 1999], и подаются примеры: (1) *Тракторыр къуажэм дэтщ* — ‘трактор находится (есть) в селе’; (2) *Сабийхэр уэрамым дэлъэдащ* — ‘дети выбежали на улицу’; (3) *Тхылъыр шкафым дэлъщ* — ‘книга в шкафу’ (букв. ‘лежит’). Нетрудно видеть, что в (1) и (3) данная глагольная приставка «обозначает» не действие, мы имеем здесь дело с нахождением трактора и книги в определенном месте, viz. в селе и книжном шкафу. Сказанное подтверждает, что обращение с языковым материалом требует особой тщательности и скрупулезности, тем более что данный словарь является самым авторитетным лексикографическим источником на сегодняшний день. Что касается примеров под буквой (а), определение «*положение, пребывание внутри предмета*» представляется довольно расплывчатым: под эту дефиницию можно абсолютно нормативно подвести такие примеры как: *мывэр чейм **и**лъщ* — ‘камни лежат в бочке’; *псыр пэгуным **и**тщ* — ‘вода находится (букв. «стоит») в ведре’. Однако, как можно заметить, в этих

случаях мы имеем дело с другим превербом, в частности, превербом ***и***-. Для подтверждения сказанного можно обратиться к интерпретации значения преверба ***и***- в грамматике [ГКЧЛЯ 1957]. Так, в соответствии с данным источником глаголы с этой приставкой (= превербом) обозначают «положение, пребывание внутри предмета (полого пространства, углубленного места, сосуда)». Эта идея сопровождается следующими примерами: *жыпым илъын* — ‘лежать в кармане’, *гъуэм исын* — ‘сидеть в норе’, *шынакъым итын* — ‘находиться в чаше’. Как видно, дефиниции превербов ***и***- и ***дэ***- в грамматике [ГКЧЛЯ 1957] фактически совпадают. Наши рассуждения в данном случае сводятся к тому, что осмысление языковых фактов, предопределяемое уровнем развития теоретической мысли того времени, не позволяло максимально дифференцировать условия контекстуальной реализации тех или иных превербов. Этому способствовали, видимо, идеи структурализма, который сосуществовал с традиционной лингвистикой (ср. выше классификацию приставок на три группы в зависимости от структуры — простые, отыменные и сложные [ГКЧЛЯ 1957: 101]). Вместе с тем надо отдать должное авторам этого труда, так как значительный поворот в сторону относительно нового (для того времени) понимания глагольных префиксов КЯ произошел именно с появлением этой грамматики, где были пересмотрены традиционные представления о сущности глагола как части речи, что привело к возможности новых рубрикаций глагола в адыгских языках, в частности в КЯ. Так, в этом издании, несмотря на то, что оно заявлено как «Грамматика», представлены важные сведения о фонетике, лексике, этнолингвистике и стилистике наряду с информацией о грамматическом строе КЯ. При этом уровнем развития теоретической мысли того времени можно объяснить и тот факт, что в группу статических глаголов вошли глаголы *обладания*, *желания*, *намерения* и т.д, а не собственно глаголы позиции или глаголы локативного состояния в современном понимании. Все эти вопросы будут рассмотрены нами в соответствующем разделе.

1.4.3. Сравнительный анализ теоретических воззрений Н.Ф. Яковлева, Г.В. Рогавы и З.И. Керашевой и описание превербов

Практически через 10 лет после выхода ГКЧЛЯ 1957 в г. Майкопе появилась Грамматика адыгейского языка Г.В. Рогавы, З.И. Керашевой [1966]. По свидетельству А.С. Чикобавы (ред.), автора Предисловия к этому изданию, «Грамматика адыгейского языка» призвана прежде всего обслуживать культурные потребности адыгов (разрядка наша — Л.Х.). «Но показания адыгских языков (адыгейского и кабардинского), — пишет известный ученый, — представляются существенно важными как для истории иберийско–кавказских языков, так и с точки зрения общелингвистической» [Рогава, Керашева 1966]. Значимым для адыгского языкознания является также тезис известного ученого о том, что «глагол адыгских языков оформился раньше имени». Кроме этого, существенными для теории адыгских языков являются допущения А.С. Чикобавы о правомерности различения статических и динамических глаголов, поскольку «статические глаголы наиболее близки к именам и представляются наиболее древними в системе спряжения» [там же: 3].

Несмотря на то, что это издание появилось еще в 1966 году, в нем представлен более систематизированный и подробный анализ превербов, основанный на достижениях лингвистической науки 60-х годов. Опираясь на теоретическую значимость этой грамматики, в настоящем исследовании мы, по мере необходимости, привлекаем содержащиеся в ней материалы теоретического и практического описания адыгейского языка — что важно не только для сравнительных, но и типологических разысканий. В этой связи представляется важным рассмотреть подход этих авторов, а также Н.Ф. Яковлева к проблеме превербов. Как и в предыдущих описательных грамматиках кабардинского и адыгейского языков, превербы со структурной точки зрения подразделяются на *простые* и *сложные*; *превербы направления и места*; *превербы динамических и статических глаголов*; *превербы конкретного и абстрактного значения* (ср. *первичные* и *вторичные превербы*

у проф. М.А. Кумахова). Обращает на себя внимание и то, что каждый преверб описывается в отдельности, т.е. представляется как бы в виде словарной статьи (= вокабулы) с дефиницией и примерами под отдельной рубрикой. Рассмотрим, например, как представлено значение преверба *хэ-* в этой грамматике [Рогава, Керашева 1966] с точки зрения традиций описания того времени. Структура текста и примеры максимально сохранены в авторском варианте за исключением примеров, в которых преверб сочетается с динамическими глаголами.

Преверб хэ-

Преверб хэ- может употребляться в связи с именами, каковы:

пщагъо — «туман», *пщэ* — «облако», *уае*[5] — «дождь», *осы* — «снег», *фыртын* — «буря», *Iугъо* — «дым» и т.д.

«Постановки преверба *хэ-* требуют следующие имена»:

1. обозначающие вещество:

псы «вода», *щэ* «молоко», *дышъэ* «золото», *коцы* «пшеница», *шэфы* «воск», *цы* «шерсть», *пшахъо* «песок», *чIы* «земля», *шэкIы* «материя».

2. обозначающие отвлеченные понятия:

гушIуагъо «радость», *тхьамыкIагъо* «горе», *чъые* «сон», *уахътэ* «время», хъяр «благополучие», …, а также *нэфынэ* «свет», *шIункIы* «темнота», *пщагъо* «туман».

3. имеющие собирательное значение, а также имена во множественном числе:

дзэ «армия», *мэзы* «лес», *купы* «группа людей», *уцы* «трава», *цIырау* «сорняки», *Iэхъогъу* «стадо», *отэр* «отара», *джэгу* «игра, свадьба», *зэIукI* «собрание». Сюда же относятся названия различных организаций, как *комсомол*, *партия*, *пионерская организация*, *профсоюз*, *колхоз*.

4. служащие для обозначения мягких вещей:

къазыц «перина», *шъхьант* «подушка», *тошмыш* «постель», *пIэ* «постель».

[5] В КЯ *уае* — это не «дождь», а «непогода», «холод», «стужа».

Мы специально привели этот список, чтобы показать, какому осмыслению подвергались превербы в разные времена в близкородственных языках, *как и на каких принципах* осуществлялась классификация предметов и явлений окружающего мира с их «участием». При этом остается непонятным, почему *туман* попал в одну рубрику со словами *радость*, *горе*, *время*. Любопытно также, что по классификации М.А. Кумахова (см. далее) *щIыIэ* «холод», *хуабэ* «жара», *мамырыгъэ* «мир, тишина», *пэж* «правда», *пцIы* «ложь» попали в группу существительных с абстрактным значением [Кумахов 2006: 201], в то время как в адыгейском они вынесены в отдельную группу, правда без рубрикации. Ср. также парадоксальную категоризацию: *ткань*, *материя* находятся в группе имен, обозначающих вещество, в то время как *къазыц* «гусиный пух» находится в группе «мягкие вещи» вместе с *подушкой*. Последняя — тоже мягкая вещь, но она набита пухом. Нам кажется, что подушка могла бы быть причислена к категории емкостей типа *мешок*, *перина*, *пакет* и т.д., которые употребляются и в кабардинском, и в адыгейском языках в контексте преверба *и-*, выражающего понятие вместилища. Непонятными остаются также основания включения существительного *пшагъо* «туман» в состав отвлеченных понятий. [Рогава, Керашева 1966: 119]. К такой ситуации приводило отсутствие разработанных принципов категоризации предметного мира. Во вступительном слове к этому изданию [Рогава, Керашева 1966: 119] А.С. Чикобава отметил, что оно представляет собой наиболее полный систематический анализ грамматического строя адыгейского языка, поскольку оно, в отличие от других грамматик, построено не на рассмотрении переводных фраз, а представляет собой «анализ реалий живой многообразной адыгейской речи» (цит. по: Рогава, Керашева 1966: III). Методологически важными при этом являются рекомендации академика А. Чикобавы о необходимости монографического исследования глагольных приставок адыгейского языка [там же: с. 3]. Справедливости ради надо отметить, что мысли о необходимости уделить особое внимание глаголу настойчиво проводятся уже в рассмотренной нами грамматике Н. Яковлева, Д. Ашхамафа

[1941]. Обратим внимание и на то, что все рекомендации по адыгейскому языку справедливы и по отношению к КЯ. Так, ученый полагал, что применительно к адыгейскому языку (ср. с кабардинским) необходимо установить несколько иное количество главных членов предложения (в отличие, например, от русского и других европейских языков), считая самым важным среди них *сказуемое* или *предикат*, поскольку «в адыгейском предикате выражены почти все связи слов в предложении» [там же: 23]. При этом ученый указывал, что в большом числе случаев те отношения, которые выражают русские предлоги, передаются в адыгейском языке специальными частицами (префиксами и суффиксами), входящими в состав сказуемого или предиката [там же: 23]. По этой причине, по его мнению, адыгейское сказуемое часто переводится на русский язык целым предложением. Кроме этого, особую ценность для науки представляют его идеи, связанные с тем, что сходный с адыгейским строй языка обнаруживается также в кабардинском, абхазском и абазинском языках на Кавказе, а также во многих языках американских индейцев (в современной терминологии называемых америндскими — Л.Х). Исходя из этого, в науке языки этого строя называются «полисинтетическими (многосоставными), инкорпорирующими (включающими) или предикатными» [там же: 23]. Эти наблюдения известного ученого станут определяющими в типологических описаниях, а также при рассмотрении функций превербов с позиции антропоцентрической лингвистики или человеческого фактора в языке в трудах ученых конца XX века (см., в частности: [Серебренников 1988]). Как мы уже отметили со ссылкой на А.С. Чикобаву, важно, что в грамматике [Рогава, Керашева 1966] уже проводится разграничение динамических и статических глаголов на том основании, что *динамические* глаголы выражают действие, процесс действия (ср.: *сэ сэкIо* ‘я иду’; *сэ сэчъэ* ‘я бегу’; *сэ сэдэ* ‘я шью’, *сэ ащ седжэ* ‘я это читаю’), в то время как *статические* выражают состояние и результат

действия[6]. Кроме этого, уникальной чертой адыгских языков, как отмечается в [Рогава, Керашева 1966], является и то, что имена в позиции предиката приобретают черты «глагольности». Ср., например, адыг. *ар дахэ* ‘он красивый’; *ар студент* ‘он студент’. Это дает основание авторам причислять прилагательное *дахэ* и существительное *студент* к статическим глаголам [там же: 101]. В подобных случаях в кабардинском языке при реализации этих же функций они, в отличие от адыгейского, оформляются копула-суффиксом. Ср. каб. *ар дахэ**щ*** и *ар студент**щ***. Такие отыменные единицы, которые реализуют функцию глагола в виде сказуемого, именуются *вторичными статическими глаголами*, в отличие от первичных, которым системой языка предписана глагольная функция (ср.: ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’, ‘висеть’ и т.д.) В этой связи в данной грамматике [Рогава, Керашева 1966] превербы делятся на: *превербы направления* и *превербы места* (= локальные) в зависимости от того, основы каких глаголов они сопровождают: в составе динамических глаголов, как правило, выступают направительные превербы, показывающие в общем случае направленное движение: от говорящего или к говорящему (ср. движение внутрь или изнутри). Особо ценными являются, на наш взгляд, мысли авторов Грамматики 1966 о том, что «превербы места в адыгейском языке выполняют примерно те же функции, что и местные падежи в дагестанских языках» [Рогава, Керашева 1966: 114]. Кроме того, хотелось бы отметить, что в условиях отсутствия письменных текстов на адыгейском языке авторы делают смелые допущения относительно происхождения префиксов места.

Так, утверждается, что по своему происхождению адыгейские префиксы места связаны с именными или глагольными корнями. В подтверждение этого приводится тот факт, что до настоящего времени в адыгейском языке целый ряд именных корней со значениями «нога», «рука» и «рот» (мы бы от себя, вслед за Р.С. Кимовым [Кимов 2010], добавили бы «нос», «голова» — Л.Х.)

[6] Отметим, что авторы причисляют изучаемые нами глаголы позиции к статическим. Однако интересно, что в этот же список ими включаются корреляты глаголов типа *хотеть*, *иметь*, которые в современной лингвистике трактуются как глаголы желания и обладания.

оказываются включенными в состав глагольной основы. Ценными для науки являются также идеи авторов относительно происхождения некоторых других глагольных префиксов. Так, в дополнение к допущениям в [Рогава, Керашева 1966], когда-то такими же по происхождению, т.е. самостоятельными словами, как предполагают авторы Грамматики [Яковлев, Ашхамаф 1941], были и все глагольные префиксы места, функционирующие в современном языке. Рассмотрим некоторые из этих префиксов, на которых делается акцент этими учеными:

- префикс «и-» — „внутри, в полом пространстве“, по мнению авторов восходит к глагольному корню «и» „обмазывай глиной“ (императив к глагольному корню *ин „обмазывать/обмазать глиной“* — примечание наше — Л.Х.), который первоначально обозначал «в сосуде или сапетке, обмазанной глиной». В КЯ имеется идентичный глагол *ин* (*унэ блыныр ин* — „обмазать стены дома глиной“).

- префикс «хэ-», как считают авторы, имеет обобщенное значение „в веществе, в лесу, среди людей“ и т.д. Тем самым его можно возвести к слову «хы» — „море“, которое первоначально выступало в значении „вода“ и буквально обозначало „в воде“.

- префикс «дэ-» в качестве этимологической основы имеет глагольный корень «дэ» — „сшивай, скрепляй“. Отсюда, по замечанию этих же авторов, он приобрел значение формальной частицы со значением *„вместе, рядом, между, внутри огороженного пространства, внутри горизонтально ограниченного пространства“*; при этом предполагается, что лексема «*дэ*» — „орех“ семантически связана с одноименным превербом[7] [Яковлев, Ашхамаф 1941: 352].

- префикс «чIэ-» — „под“ происходит от слов «чIэ» — „дно, низ“ и «чIы» — „земля“.

[7] Возможно, такое мнение связано с тем, что грецкий орех в идеале представляет собой створчатый объект. Любопытно также, что грецкий орех в английских словарях иногда именуется Circassian walnut (черкесский орех). Ср. “Circassian walnut.” Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster, [https://www.merriam-webster.com/dictionary/Circassian%20walnut].

- префикс «пы-» — „с короткой стороны“ происходит от слова «пэ» — „острие (орудия), нос, конец“.

- префикс «шъхьэ-» — „над чем-нибудь“ происходит от слова *шъхьэ* — „насадка орудия, голова“.

- префикс «Іу-» — „возле отверстия, возле края“ происходит от слова *Іу* — „рот, отверстие”, и т.д.

Хронологически позже увидела свет монография, посвященная описанию кабардино-черкесского языка — Грамматика литературного кабардино-черкесского языка Н.Ф. Яковлева [Яковлев 1948]. Здесь уже указывается, что префиксы места входят в структуру глагольной основы и по своему значению соответствуют русским предлогам (ср. [Яковлев, Ашахамаф 1941]). Кроме того, отмечается, что, как и в адыгейском языке, отношения пространства, времени и др., выражаемые в русском языке служебными словами при именах (ср. *в поле, у дома; в полдень, в четыре утра* и т.д.), в КЯ кодируются префиксами в составе глагольной формы. Это важное замечание, которое подробно будет прокомментировано в соответствующем разделе. При этом подчеркивается, что большое количество глагольных префиксов места приписывается именно этому факту. В этом же издании приводится «перечень важнейших префиксов места» [Яковлев 1948: 87]. Поскольку в данном разделе диссертации освещается эволюция превербов, мы полагаем важным привести их список в том виде, в каком они представлены в грамматике Н.Ф. Яковлева [Яковлев 1948].

Итак, рассмотрим префиксы места (*локативные превербы* в современной терминологии). Отметим при этом, что значения превербов представлены в авторском переводе [Яковлев 1948] на русский язык, что, несомненно, является большим преимуществом, поскольку переводные тексты обеспечивают более широкий доступ к пониманию значений и смысла превербов.

Ср.:

(1) *бгъу-ры* — сбоку, рядом (букв.: «боком»)

(2) *гуэ* — плотно вместе, вплотную вместе (букв.: «сердцем»)

(3) *гъуэ* — на гнезде; в постели (букв.: «нора, берлога»)

(4) *дэ* — в горизонтально-ограниченном пространстве; между; рядом; например: «во дворе, на улице, в ущелье»; также: «в ящике (с крышкой)»

(5) *бгъэ-дэ* — лицом к лицу; сбоку-рядом (букв.: грудью + рядом)

(6) *щхьэ-дэ* — через верх (букв.: через голову рядом, вверх рядом)

(7) *и* — во внутренней полости; например: «в сундуке, в кадке, в сосуде, в сапетке» (исторически: «в обмазанном глиной»)

(8) *пэ* — концом, у конца, на конце, стык в стык, вися на, торчком на (например: «у огня, на ветке»)

(9) *те* — на, сверху на

(10) *Іу* — возле отверстия; например: «у двери, у окна, у берега» и т.д. (букв. «рот; отверстие»)

(11) *хэ* — в веществе, в жидкости; также: в толпе, в лесу, в траве, в куче и т.д. (истор. «в воде»)

(12) *кІэ* — на круп (лошади), в тороká (букв.: «к хвосту, у хвоста»)

(13) *кІэ-ры* — у края, над краем (обрыва), у подножья (обрыва) (букв.: «хвостом»)

(14) *щы* — в какой-нибудь местности; где-то

(15) *щІэ* — под; в крытом помещении; в доме; из-за чего, по причине чего (букв. «дно») [Яковлев 1948: 87-88].

Из приведенных примеров нетрудно видеть, что подобное представление превербов КЯ является первым опытом их введения в подлинно научный обиход в соответствии с уровнем развития теоретической мысли того времени, а также традициями грамматического описания. Справедливости ради, следует также отметить, что данный труд появился хронологически позже известной работы [Яковлев, Ашхамаф 1941]. Отсутствием традиции описания значений глагольных префиксов, а также семантических различий префиксов, обозначающих место и «личное направление» (по терминологии автора), можно, по-видимому, объяснить достаточно размытую интерпретацию

семантики некоторых превербов. Так, из определения значения превербов (1) и (5) неясно, чем они отличаются друг от друга и что предопределяет их возможное контекстуальное употребление. Кроме этого, не совсем точно проинтерпретирована семантика преверба *и-*, который используется, как правило, в контексте вместилищ, viz. ведро, бак, ящик, ваза и т.д. При этом с точки зрения КЯ сундук принадлежит к контейнерам особого рода, категоризация которых сродни объектам типа «шкаф» (ср. 4), но не к контейнерам в общем смысле (ср. 7). Как известно, превербы всегда функционируют в языках типа кабардинского в связанном виде. Однако Н.Ф. Яковлев [Яковлев 1948] привел инвентарь превербов места, не указав ни одного корня, с которым бы конкретный преверб мог сочетаться (преверба без корня не существует). Это существенно облегчило бы задачу как исследователя, так и рядового читателя, пользующегося его книгой. Такой принцип представления материала был соблюден в его более раннем описании адыгейского языка (ср. [Яковлев, Ашхамаф 1941]). Возвращаясь к сказанному, продолжим, что в тексте обеих дефиниций[8], а именно (1) и (5), повторяются идентификаторы *сбоку*, *рядом*. Вместе с тем, в (5) *сбоку-рядом* пишется через дефис. Возможно, здесь подразумевается, что мы имеем дело со сложным понятием. Далее, параллельно с этим, в кратком толковании того же значения предлагается отрезок текста *лицом к лицу*. В таком случае получается парадоксальная ситуация: один и тот же префикс служит для обозначения онтологически разных ситуаций. Ср. русские эквиваленты кабардинского префикса *бгъэдэ-*, которые приводит Н.Ф. Яковлев [1948: 88], а именно: «лицом к лицу» и «сбоку-рядом». Раскроем, например, значение единицы *лицом к лицу*. Ср. эквиваленты, предлагаемые словарем: *один против другого, совсем близко друг к другу; лицом к лицу* [СТСРЯ]. Из данного определения видно, что ключевыми словами дефиниции являются *против* и *совсем близко*. Иными словами, наречие *лицом к лицу* предполагает двоякую интерпретацию

[8] Собственно говоря, это не дефиниции, а русские эквиваленты, раскрывающие значение кабардинских превербов; тем не менее для удобства эти тексты названы дефинициями.

пространственной ситуации: с одной стороны, как обязательное условие — строго симметричное нахождение двух объектов друг напротив друга, а с другой — близость одного объекта по отношению к другому. Подтвердим сказанное, обратившись к толкованию ключевой единицы — наречия *против (= напротив)*. Итак, предлог *против* означает «прямо перед кем-чем-н., напротив кого-чего-н.»; ср., например, *остановиться против дома* [СОЖ]. Вместе с тем, словосочетание *близко друг к другу* можно понять как «рядом друг с другом», но не обязательно «напротив». Сравним с примерами из английского языка. Так, в соответствии со словарем [Farlex] наречие *face to face* (*face-to-face*) представлено двумя значениями, которые толкуются следующим образом:

1. within each other's presence; ср. рус. *лично, наедине*; "*she met the president face-to-face*";

2. directly facing each other; ср. рус. *лицом к лицу* и иллюстративные примеры:

"*the two photographs lay face-to-face on the table*";

"*lived all their lives in houses face-to-face across the street*".

Как видно, осмысление значений префиксов в (1) и (5) сродни таковому в русском и английском языках. Естественно, в то время лингвистика (мировая) находилась не на том уровне, чтобы можно было подвести теоретическую базу под интерпретацию подобных явлений, чему будет посвящен специальный раздел. Комментируя далее приведенный список и особенности его представления, следует отметить важное упущение: не приводится ни один пример употребления префиксов места, что не позволяет не владеющему КЯ читателю сделать необходимые выводы относительно семантики того или иного преверба — ср., например, представление преверба (3). Более того, вызывает сомнения сам статус данной единицы как местного преверба. Если дефиниции превербов (4), (9), (11) более или менее адекватно представлены и для них можно подобрать корневые глагольные морфемы, хотя и с определенными оговорками и натяжками, то значения других

превербов, в частности *кIэ* (12) *и кIэ-ры* (13), истолкованы не вполне приемлемо. Из соответствующих дефиниций невозможно составить мнение о том, в контексте каких объектов, предметов или частей этих предметов можно употреблять эти превербы: ср. *на круп (лошади), в тороκа́ (букв.: «к хвосту, у хвоста»)* (12); *у края, над краем (обрыва), у подножья (обрыва) (букв.: «хвостом»)* (13). Далее, в этом издании [Яковлев 1948] также не учитываются аспектуальные свойства глаголов, с которыми сочетаются некоторые превербы, в частности динамический или статический характер семантики глагола; ср. также грамматику [Турчанинов, Цагов, 1940]. Отсюда налицо не совсем корректная дефиниция значения *щхьэ-дэ* (6) — «через верх» (букв.: *через голову рядом*, *вверх рядом*), из которой невозможно вывести характер пространственной ситуации, viz. динамичность/статичность. Как оказалось, этот префикс «предназначен» сугубо для глаголов, *выражающих действие*, т.е. для *динамических глаголов*: ср. *щхьэдэ-хын* в значении «преодолеть», букв. *«перейти»* через невысокую ограду, через невысокий холм и т.д. [СКЧЯ 1999]. Здесь мы не даем критический анализ, а, скорее, констатируем факт: наша задача, главным образом, заключаются в том, чтобы показать эволюцию теоретических знаний в описании языка (в частности, адыгских) и значимость новых теоретических знаний для науки о языке. Отметим также, что отсутствие примеров во многом создает препятствия к пониманию не только смысла конкретного преверба, но и его возможного употребления. Ср. определение значения префикса *пэ (8) — концом*, у *конца*, *на конце*, *стык в стык*, *вися на*, *торчком на* (например: «*у огня, на ветке*»). Из приведенных толкований не совсем понятно, какая именно ситуация описывается: например, симметричное расположение двух объектов, которые находятся в контакте, или же ситуация, при которой один объект висит на другом, и т.д.

1.4.4. Фундаментальный труд «Кабардино-черкесский язык» как отражение нового взгляда на ключевые проблемы диссертационного исследования

Продолжая рассмотрение эволюции лингвистических знаний о превербах, следует отметить особую значимость фундаментального труда «Кабардино-черкесский язык» [2006], представленного коллективом авторов. Данное издание вбирает в себя новейшие успехи в области абхазоведения и адыговедения, а также достижения теоретической мысли в мировой лингвистике, в частности, в области когнитивного анализа языка и концепции языковой картины мира.

В рецензии на это издание известные лингвисты-кавказоведы Ю.А. Ландер и Я.Г. Тестелец особо подчеркивают, что этот труд является значительным вкладом в изучение адыгских языков не только как справочное издание, но и как фундаментальная исследовательская работа, представляющая собой «важную историческую веху в истории исследования кабардино-черкесского языка» [Ландер, Тестелец 2007: 136]. Особенно ценным, по мнению авторов, является то, что в этом академическом издании наряду с использованием реальных текстов для иллюстрирования описываемых фактов приводятся примеры, полученные в ходе опроса носителей КЯ, что позволяет «выявить ряд тонкостей, которые остаются в тени при опоре на тексты» [Ландер, Тестелец 2007: 136]. Теоретическая состоятельность этой мысли ученых будет продемонстрирована в ходе нашего анализа. Важно подчеркнуть, что на момент выхода в свет данное издание представляло собой самое актуальное и полное описание многих важных сфер языка.

1.4.5. Пространственные превербы в концепции М.А. Кумахова

Интересующие нас разделы, посвященные морфологии, а также морфемике кабардинского глагола, написаны в основном М.А. Кумаховым. Взгляды ученого на природу преверба в этой связи будут изложены нами по

возможности подробно с соответствующим анализом и нашими комментариями. Итак, согласно авторам академического издания «Кабардино-черкесский язык» превербы КЯ делятся на направительные (директивные) и местные (= локативы) [КЧЯ 2006: 258]. Глагольные основы, как указывается, образуются в КЯ с помощью превербов. Вместе с тем, как отмечают ученые, в абхазском и абазинском языках имеются превербы-основы, которые характеризуются двойственной природой: в одних случаях они выступают в качестве основ, являясь носителями лексического значения глагола, в других — они же функционируют в роли собственно превербов. Такие превербы менее распространены в КЯ [КЧЯ 2006: 258]. При этом типологически важная особенность КЯ, по мнению М.А. Кумахова, состоит в том, что выражение места в этом языке подвергается большой степени детализации, т.е. максимально дифференцируется. По сути, эти положения являются продолжением и подтверждением мыслей, высказанных в первых грамматиках адыгских языков [Яковлев 1948]. Вместе с тем, как мы отметили выше, теоретическое осмысление превербов до сих пор исходило из традиционных представлений о языке как системе, т.е. не в полной мере отвечало современным взглядам на сущность преверба. Однако, обращаясь каждый раз к наблюдениям ученых-адыговедов старшего поколения, которые оставили нам богатейший эмпирический материал, мы обязаны выразить им огромную благодарность, поскольку их идеи заложили основу, на которой строится описание КЯ в разных научных парадигмах — от компаративистики до когнитивной или антропоцентрической лингвистики. В этой связи, для того, чтобы понять природу преверба именно в адыгских языках, в том числе и КЯ (в восточнокавказских языках они имеют несколько иные специфические характеристики), необходимо рассмотреть релевантную информацию, представленную в [КЧЯ 2006], на которой будет строиться часть нашего анализа, посвященная семантическим свойствам преверба.

Итак, авторы [КЧЯ 2006] делят превербы, рассматриваемые этимологически, на *первичные* и *вторичные*. К первым относятся те,

которые не имеют коррелятов ни среди полнозначных, ни среди служебных единиц языка, как то: *дэ-, хэ-, и-*. Они всегда функционируют в виде связанных морфем. Иначе обстоит дело с другой группой превербов, которые выступают в КЯ в двояком статусе: с одной стороны, как связанные единицы языка, с другой — как корреляты именных основ типа *блэ, пэ, лъы, гуэ, кIуэцIы, Iэпы*, которые выступают в языке в виде самостоятельных номинативных единиц. Относительно замечания М.А. Кумахова о невозможности проследить этимологическую историю первичных превербов, т.е. невозможности достоверно определить, от каких основ они происходят, мы хотели бы указать на альтернативное мнение других ученых. Как отмечалось выше, в [Яковлев, Ашхамаф 1941: 67, 69] эти ученые придерживаются прямо противоположной точки зрения. Кратко напомним, что, по их мнению, префикс «и-» этимологически восходит к глагольному корню «и» „обмазывай глиной“ (императив к глагольному корню *ин „обмазывать глиной“* — примечание наше — Л.Х.). Далее, префикс «хэ-» (первичный преверб, т.е. не имеющий коррелята среди полнозначных лексем, по М.А. Кумахову) этимологически связан, по их мнению, со словом «хы» — „море“, который первоначально выступал в значении „вода“. Префикс «дэ-» этимологически может быть возведен к глагольному корню «дэ» в значении „сшивай, скрепляй“ [Яковлев, Ашхамаф 1941]. Опираясь на мнение даже весьма авторитетных в своей области ученых, трудно однозначно констатировать наличие этимологической связи указанных превербов и полнозначных лексем адыгейского языка. В этой связи можно было бы поддержать мнение М.А. Кумахова о том, что первичные превербы кабардинского языка не имеют коррелятов в виде знаменательных единиц. Тогда получается, что историческая связь первичных превербов и корней характерна только для адыгейского языка (см. [Яковлев, Ашхамаф 1941]), хотя это маловероятно: языки очень близкие, корни практически одни и те же. Поэтому любая из точек зрения должна быть справедлива по отношению к обоим языкам, тем более, что речь идет о нескольких превербах сразу, а не о единичном случае. Однако, как нам кажется, обе точки зрения на

современном этапе — гипотетические: лингвистический материал, добытый в условиях отсутствия надежных исторических памятников, не может служить достаточной доказательной базой. Так, например, вызывает большие сомнения, что адыгское «хы» (*море)* первоначально имело значение «вода». Вместе с тем наличие связи между вторичными превербами и соматизмами — факт неоспоримый, и в работах [Кимов 2010; 2010а; 2022] впервые показаны пути и условия превращения соматизма в грамматикализованный элемент языка. В этой связи попутно подчеркнем, что, в отличие от многих языков, в КЯ каждое восьмое слово представляет собой собственно соматизм или восходит к нему. При этом опора КЯ, как показано в этих работах (см. выше), на две модели концептуализации мира — антропоморфную и зооморфную — предопределяет специфику лингвокогнитивной категоризации пространственных ситуаций [Кимов 2010а]. С точки зрения морфемной структуры вторичные превербы могут быть расклассифицированы на простые (непроизводные) и сложные (составные) [Кумахов 2006].

При этом следует обратить внимание на интересный факт, который зачастую выпадает из поля зрения исследователей: один и тот же преверб может «обслуживать» как динамические, так и статические ситуации. Однако словари, а также грамматики КЯ не всегда последовательно отмечают этот факт.

В этой связи сравним представление превербов *хэ-* и *дэ-* в СКЧЯ[9] и прокомментируем. Итак, согласно Словарю, ***хэ- (хы-)*** — глагольный префикс, который:

1. Обозначает нахождение, пребывание в чем-л., где-л.;

2. Обозначает направление действия *во что-л.*, *внутрь чего-л., куда-л.* При этом интересно, что ни одна из дефиниций не снабжена иллюстративным материалом, что делает их малоинформативными. Более того, дефиниции этих же значений на КЯ, представляя собой кальки с русского языка, являются

[9] При использовании словарных материалов мы максимально пытаемся сохранить структуру словарной статьи; для облегчения восприятия материала мы намеренно опускаем тексты толкования на КЯ.

малопригодными для анализа, так как искажают семантику изучаемого преверба. Дадим дефиницию 2. в русском переводе. Ср.: «*глагольный префикс, показывающий, что* ***работа*** *направлена в* ***середину****».* Комментарии: в КЯ отсутствует слово *действие*, поэтому оно заменено эквивалентом *(= работа); внутрь* или *во что-л.* передано через слово *середина.* Здесь, как видно, могут иметь место разнообразные причины объективного плана, к которым мы будем неоднократно возвращаться. Среди основных назовем неразработанность метаязыка описания значения слов или, скорее, его отсутствие. Поэтому не представляется возможным с достаточной степенью уверенности проинтерпретировать следующий текст: «обозначает направление действия *во что-л., внутрь чего-л., куда-л.».* Вместе с тем, судя по тексту толкования, ясно, что в первом значении этот преверб может присоединяться к глагольной основе с локативным значением (объект стоит, сидит или лежит в каком-либо месте) для репрезентации статической пространственной ситуации. В то же время под толкование значения 2 может быть подведена и динамическая ситуация вхождения объекта в какое-либо пространство, среду и т.д.

Сравним с определением преверба ***дэ-.*** Этот преверб представлен в Словаре единственным значением, которое толкуется следующим образом (текст толкования сохраняется полностью): *глагольная приставка обозначает, что действие происходит где-л., между чем-л., внутри чего-л.* Из этого толкования, как видно, следует, что преверб ***дэ-*** присоединяется к глаголу для выражения динамического действия. При этом, в отличие от преверба ***хэ-,*** в случае с ***дэ-*** дефиниция снабжается следующим иллюстративным материалом:

(1)*Сабийхэр уэрамым* ***дэ****лъэдащ.*

Дети выбежали на улицу (= *улица между выбежали*).

(2) *Тхылъыр шкафым* ***дэ****лъщ.*

Книга лежит в шкафу (= *шкаф между лежит*).

(3) *Тракторыр къуажэм дэтщ.*

Трактор находится в селе (= *село между стоит*).

Даже беглое рассмотрение иллюстративных текстов показывает, что в (1) преверб ***дэ-*** присоединяется к основе динамического глагола («выбежать»), в (2) — к основе позиционного глагола «лежать». При этом СКЧЯ не отмечает возможность использования рассматриваемого преверба для маркирования статической пространственной ситуации наряду с динамической, как, например, в случае с превербом ***хэ-***. Иными словами, мы наблюдаем отсутствие унификации при лексикографическом портретировании превербов, что имеет важное научное значение и требует дополнительного внимания исследователей. В лексикографических источниках, как мы полагаем, желательно подчеркнуть, что один и тот же преверб в зависимости от семантики глагольного корня может иметь и направительное, и местное значение. Уместно отметить, что М.А. Кумахов отчасти «исправил» положение, внеся определенную ясность. Так, он указал, что при употреблении с динамическими глаголами превербов *дэ-, и-, хэ-* образуются производные основы (= слова — Л.Х.), которые обозначают «направление действия, движение внутри или изнутри предмета» [КЧЯ 2006: 261]. В то же время соединение основ статических глаголов с этими же превербами обозначает нахождение, пребывание внутри предмета [там же: 261]. Напомним, что СКЧЯ издан в 2000 г (подписан в печать в 1999), а академическое издание «Кабардино-черкесский язык» увидело свет в 2006 году. В 1999 году, естественно, литература по когнитивной лингвистике была малодоступна, практически все авторы-составители Словаря творили в духе традиционной лингвистики, в рамках которой наблюдения Н.Ф. Яковлева и Г.Ф. Турчанинова 40-х годов XX века не в большой степени отличаются от описания кабардинского глагола даже в начале XXI века. Поэтому составители Словаря, естественно, не могли опираться на новое понимание природы собственно позиционных глаголов, отличающих их от других статических глаголов. В этой связи уместно подчеркнуть, что практическая лексикография обязательно должна опираться и на результаты теоретических

достижений науки, что позволит будущим поколениям толковых и двуязычных словарей усовершенствовать систему лексикографического портретирования лексем — особенно глагольных. Отметим еще раз, что к тому времени [КЧЯ 2006] специальных описаний средств пространственного моделирования КЯ еще не существовало: см. подробный обзор работ западных и отечественных лингвистов в [Майсак 2005]. Тем не менее весьма полезной является интерпретация значений динамических и статических глаголов, которые выступают в сочетании с тремя превербами: *дэ-, и-, хэ-*, как это представлено в [Кумахов 2006: 26]. Важным моментом, имеющим значение при поморфемной нотации текстов, является указание М.А. Кумахова на то, что превербы имеют алломорфы, которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Ср, в частности, алломорфы преверба *хэ-*.

хэ-дзэн — «бросить что-то во что-либо» <камень в воду>;

хы-зодзэ — «*я бросаю что-то во что-либо*» *<камень в воду>;*

хе-дзэ — «он бросает что-то во что-либо» <камень в воду>;

хи-дзащ — «он бросил что-то во что-либо» <камень в воду>.

Отсюда из всех вариантов условимся считать, что исходной является форма *хэ-*, тем более, что в Словаре она подается в виде отдельной вокабулы.

Итак, каждый из превербов, по его данным, может сочетаться как с динамическими, так и статическими глаголами. Например:

дэ- (ды-): *къалэм ды-хьэн* «входить, заходить в город»*, но*

къалэм дэ-сын «быть, находиться в городе»;

пщIантIэм дэкIын «выходить со двора»;

пщIантIэм дэсын «находиться, сидеть во дворе»;

хэ- (хы-): *псым хэкIэн* «влить в воду»;

псым хэлъын «лежать, находиться в воде»;

уэсым хэкуэн «вывалять в снегу»;

уэсым хэтын «стоять, находиться в снегу»;

мэзым хыхьэн «входить, войти в лес»;

мэзым хэсын «находиться, сидеть в лесу»;

и-*: *стаканым икIэн «налить в стакан» <воду>;

стаканым итын «быть в стакане», букв. ‘стоять’ в стакане (о воде);

хъуржыным икIутэн «всыпать в корзину»;

хъуржыным илъын «сидеть в корзине».

Проф. Кумахов М.А., приведя эти примеры, справедливо подчеркивает, что все три преверба **имеют значение «внутри»**, т.е. обладают семантической общностью, **но** при этом **не могут считаться синонимами**, поскольку за каждым из этих превербов закреплен определенный круг имен существительных, которые отличаются друг от друга по своей семантике (КЧЯ 2006: 261). Самым многочисленным оказывается список имен, встречающихся в контексте преверба «хэ-». Приведем этот список с сохранением рубрикации автора [Кумахов 2006: 261].

1) **предметно-вещественное значение**: *псы* «вода», *лы* «мясо», *хугу* «пшено», *нартыху* «кукуруза», *прунж* «рис», *гуэдз* «пшеница», *мыIэрысэ* «яблоко», *кхъужь* «груша», б*жьын* «лук», *фо* «мед», *шыгъу* «соль», *фошыгъу* «сахар», *махъсымэ* «махсыма» (национальный напиток), *санэ* «вино», *жызум* «виноград», *щIакхъуэ* «хлеб», *кхъуей* «сыр», *шэ* «молоко», *гъущI* «железо», *дыщэ* «золото», *жьы* «воздух», *нэху* «свет», *уэс* «снег», *уэшх* «дождь»;

2) **абстрактное значение**: *гукъеуэ* «горе», *гуфIэгъуэ* «радость», *гупсысэ* «дума, мысль», *дыхьэшх* «смех», *щIыIэ* «холод», *хуабэ* «жара», *мамырыгъэ* «мир», тишина», *пэж* «правда», *пцIы* «ложь»;

3) **собирательное значение**: *гуп* «группа», *щIалэгъуалэ* «молодежь», *зэшхэр* «братья», *ныбжьэгъухэр* «*друзья», бийхэр* «враги», *дзэ* «армия».

Интересно, что в более раннем варианте Грамматики кабардино-черкесского литературного языка [1957] тот же автор, описывая семантические особенности этих же превербов, отмечает, что глаголы, образованные посредством приставки **и-**, обозначают положение **внутри полого пространства, углубленного места, какого-нибудь сосуда** (выделено нами — Л.Х.), в то время как глаголы с приставкой **хэ-** обозначают положение внутри какого-нибудь вещества, жидкости, однородных предметов [Грамматика 1957]. При этом количество примеров для подтверждения того или иного положения было довольно ограничено. Далее, в этой же грамматике к этим трем префиксам был отнесен и преверб *щIэ- (щIы-)*, который сочетается с глаголами действия и состояния. Анализ его значения приводит автора к интересному выводу: при помощи этой приставки образуются глаголы, обозначающие: а) положение, пребывание п о д предметом, ср. *жыгым щIэ-тын* — ‘стоять под деревом’, *жьауэм щIэсын* — сидеть в тени; б) действие, движение, которое направляется п о д предмет, ср. *щIыхьэн* — ‘входить’ и *щIэкIын* — ‘выходить’. Вместе с тем эта же приставка, по мнению ученого, реализует в некоторых контекстах и другие значения, а именно ‘в н у т р ь’ и ‘в н у т р и’. С р. в) положение, пребывание в н у т р и предмета (помещения, здания): *пэшым щIэлъын* — ‘лежать в комнате’; *школым щIэсын* — ‘быть, находиться в школе’; г) действие, движение, которое направляется в н у т р ь или и з н у т р и предмета: *унэм щIэхьэн, унэм щIэхын*. Естественно, в то время (1957) исследователи, в том числе и М.А. Кумахов, оказались перед лицом парадоксальной ситуации: под одним и тем же формальным тождеством оказались два разных пространственных значения, viz. ‘под’ и ‘внутри’. В тот период развития науки это была трудноразрешимая задача. Как мы отметили выше, в последнем академическом описании кабардино-черкесского языка [КЧЯ 2006: 262] пересмотрены многие теоретические положения и взгляды ученых, в том числе и на семантические характеристики превербов. Так, с учетом достижений лингвистики начала XXI века, в данном труде преверб *щIэ-* уже подается исключительно как имеющий о д н о

з н а ч е н и е : проф. М.А. Кумахов считает, что «преверб *щIэ* образует основы статических и динамических глаголов и вносит в основу глагола значение «под» (ср. *щIэ* «дно»)» [КЧЯ 2006: 262]. Как видно, другое значение, viz. ‘внутри’, вообще не упоминается. Мы считаем этот факт неслучайным, и в соответствующих разделах по анализу локативных комплексов будут представлены альтернативные взгляды на природу некоторых превербов с учетом новых взглядов на проблему.

ВЫВОДЫ

В данной главе рассмотрены положения теоретической лингвистики, связанные с выявлением языковых средств вербализации пространства в естественном языке. Ключевые понятия, образующие теоретические предпосылки нашего исследования, рассматриваются с позиций когнитивной лингвистики, которая сформировалась как научная парадигма благодаря резкому отмежеванию ученых от традиционного взгляда на язык как на системно-структурное образование, которое должно изучаться «в самом себе и для самого себя». Новый подход, по единодушному мнению ее последователей, в первую очередь предполагает изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью. Отсюда данное направление именуется антропоцентрическим подходом, который предполагает перенос внимания на исключительную роль человека в языке и языка в человеке. При этом методологические проблемы связи языка и мышления, языка и объективной действительности в этой главе рассмотрены с точки зрения выдающегося вклада отечественной науки в развитие новых направлений лингвистики в конце XX и начале XXI века. Именно отечественные авторы концепции человеческого фактора в языке убедительно продемонстрировали, что во время господства структурализма на Западе семантика никогда не выпадала из поля зрения отечественных ученых. В этой связи теория языковой номинации, широко разрабатываемая в 80-х годах прошлого столетия, по праву считается предтечей когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языка. В свете новейших достижений зарубежной когнитивной лингвистики подвергнуто теоретическому осмыслению кодирование пространства в естественном языке. В этой же главе представлен анализ теоретических проблем, имеющих частнонаучную направленность: типологические характеристики позиционных глаголов КЯ, локальные превербы как аналоги адпозитов в языках со свободными формами, в частности русском и английском. Решение этих проблем опосредованно, в конечном счете, выходит на общетеоретическую проблему — выявление и

описание специфики моделирования пространства в естественном языке. Особое внимание при этом уделено мнению известных языковедов, которые небезосновательно считали, что описания эмпирического материала адыгских языков (адыгейского и кабардинского) являются «существенно важными как для истории иберийско–кавказских языков, так и с точки зрения общелингвистической» (А. Чикобава). В соответствующем разделе проанализированы наиболее распространенные взгляды ученых на природу глагольных префиксов вообще в теоретическом плане. Из приведенных примеров нетрудно видеть, что подобное представление превербов КЯ является первым опытом их введения в подлинно научный обиход в соответствии с уровнем развития теоретической мысли того времени, а также традициями грамматического описания.

Кроме того, прослежена эволюция понятия *преверб*, начиная с первых опытов их грамматического описания и введения их в подлинно научный обиход в соответствии с уровнем развития теоретической мысли того времени [Яковлев, Ашхамаф 1941; Яковлев 1948; Рогава, Керашева 1966], до их новейшего описания в фундаментальном труде «Кабардино-черкесский язык 2006». Современное понимание превербов в свете когнитивной парадигмы, как показано в соответствующих разделах, предопределяет своеобразие пространственных (= реляционных) конструкций адыгских языков по сравнению с русским и английским.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ СТАТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ В ИЗУЧАЕМЫХ ЯЗЫКАХ

2.1. Специфика реляционных конструкций в свете типологических характеристик кабардинского языка

В предыдущей главе специальные разделы были посвящены проблемам репрезентации пространственных ситуаций в естественном языке. Как оказалось, все существующие подходы к этому вопросу в основном ограничивались индоевропейскими языками, что значительно сужало наши представления о кодировании пространства в естественном языке. В этой связи в данном разделе с теоретических позиций в кратком виде будет показана специфика реляционных конструкций КЯ, которая определяется его строевыми особенностями. Возможно, что эта часть нашей работы органично вписалась бы в соответствующий раздел I-й главы (см. 1.3.1.), где рассмотрены особенности пространственных конструкций в русском, английском и других языках. Однако в связи с объективной сложностью материала КЯ, его недостаточной изученностью, было решено рассмотреть релевантные теоретические и практические вопросы в рамках данной главы. Преимущество такого «совместного» описания этих вопросов заключается и в том, что здесь же мы должны коснуться проблемы статических и динамических глаголов, статус которых в КЯ до сих пор не определен, и, следовательно, не существует однозначного мнения и четких критериев их разделения. От их интерпретации зависят, как нам кажется, принципы представления статических и динамических пространственных ситуаций в этом языке. Кроме этого, сказанное касается также места и роли превербов в структуре морфемных комплексов, «обслуживающих» разные виды пространственных ситуаций. Восполнению пробелов в этих вопросах посвящено описание практического материала, которое строится в свете теоретических воззрений ученых, в особенности адыговедов. Как отмечено в предыдущей главе, значительный

период развития лингвистической науки XX века прошел под знаком структурализма. Последний отличался, как известно, преимущественным вниманием к структуре плана выражения как более доступной строгому описанию, что приводило к забвению содержательной стороны, а тем самым к гипостазированию роли отношений между элементами системы и игнорированию самих элементов как языковых сущностей.

В связи с развитием когнитивной лингвистики стало ясно, что описание языка исключительно как системно-структурного образования оказалось явно недостаточным. В этом контексте в конце 80-х гг. традиционные подходы к описанию языковых фактов оказались неудовлетворительными для глубокого изучения не только устройства, но и функционирования естественного языка. В частности, применительно к нашей работе можно отметить, что простое перечисление имен (без глубокого анализа их семантики), в контексте которых выступает конкретный преверб, как это делалось в рамках структурализма, не только предоставляет скудную информацию относительно участия глагольных префиксов в пространственном моделировании мира, но и искажает когнитивную сущность превербов. Ср. краткий анализ пространственных превербов в работе [Кумахов 2006]. Такое положение дел оказалось не совсем приемлемым для понимания природы языка и предопределило новый взгляд на объект исследования (ср. неоднократно упоминаемую нами серию работ, посвященных роли человеческого фактора в языке). Так, в одной из работ Б.А. Серебренников [Серебренников 1988] предлагает по-новому взглянуть на членение онтологического пространства средствами естественного языка. Академик Сереберенников Б.А. отмечает, что в адыго-абхазских языках, в том числе и КЯ, мало местных падежей. Отсюда в этих языках именно г л а г о л ь н ы й к о м п л е к с , по его мнению, превращается в средство указания на другие части речи. Этим объясняется то, что семантические аналоги предлогов или послелогов располагаются не перед именами существительными, как в языках со свободными формами, а инкорпорируются в структуру глагольной лексемы, образуя самостоятельную

единицу *(ср.* ***те****-т-ын ‘стоять на’ (*букв*. ‘****на****-стоять’);* ***и****-т-ын ‘стоять в’ (*букв. *‘****в****-стоять’);* ***Іу****-т-ын ‘стоять у’* (букв. *‘****у****-стоять’*) [Серебренников 1988: 200]. На эти особенности превербов адыгских языков в свое время обратили внимание ученые, которые также подчеркивали, что «превербы места в адыгейском языке выполняют примерно те же функции, что и местные падежи в дагестанских языках» [Рогава, Ашхамаф 1966: 114]; (см. об этом также [Яковлев, 1941]). В других терминах и с учетом новейших достижений лингвистической науки эти положения относительно адыгейского языка были развиты в теоретических воззрениях В.А. Плунгяна. Так, известный лингвист на широком типологическом фоне продемонстрировал, что при отсутствии формальных показателей центральных синтаксических ролей при именах, различные элементы глагольного комплекса берут на себя выражение всех компонентов ориентационной семантики, как то: локализация объекта, семантическая роль локативного аргумента и «даже семантический тип ориентира» [Плунгян 2002: 72]. То же самое справедливо и по отношению к глагольным комплексам КЯ и превербам, в частности, хотя об этом стали говорить гораздо позже. К числу первых попыток такого описания КЯ, основанного на теоретических взглядах В.А. Плунгяна, отнесем исследования Р.С. Кимова [Кимов 2010; 2010а]. Затем, когда в России стала возрастать значимость когнитивной парадигмы научного знания, благодаря популяризаторской деятельности российских лингвистов, многие известные факты, а также ценные наблюдения и достижения предшествующих ученых стали рассматриваться в новом ракурсе. Например, появилась возможность по-новому взглянуть на проблему членения пространственного континуума в естественном языке, в частности на так называемые динамические и статические пространственные ситуации. В следующем разделе рассмотрим ключевые моменты этой проблемы с тем, чтобы определить статус КЯ в терминах типологической теории лексикализации движения в языках мира, впервые предложенной Л. Талми [Talmy 1985].

2.1.1. Динамические пространственные ситуации и понятие сателлитов

Предлагаемый раздел посвящен, как явствует из названия, сравнительному анализу двух типов пространственных ситуаций в КЯ на фоне русского и английского языков. Думается, что анализ этих ситуаций — разных по своим когнитивным характеристикам — прольет свет на многие спорные вопросы традиционного деления глаголов КЯ на *статические* и *динамические* (Кумахов 2006 и др.). Так, до настоящего времени не существует однозначного мнения относительно их природы, особенно *статических* глаголов. В кабардинских грамматиках, например [Кумахов 2006], понятие *статических глаголов* толкуется расширительно: к ним причисляются *иІэн* ‘иметь’*, хуеин* ‘хотеть’. Отсюда, по мнению авторов, эти глаголы (ср. англ. have и want) могут также использоваться в естественном языке для описания статических пространственных ситуаций. Мы не будем в этом разделе рассматривать разные подходы к классификации глаголов в языке[10] — это другая и сложная тема — отметим лишь то, что такие единицы традиционно в языкознании категоризуются глаголами *обладания* и *желания*. По нашему мнению, понятие *статический (стативный,* в другой терминологии) в общем случае должно быть противопоставлено понятию *динамический*. Поскольку в наши задачи входит выявление языковых средств кодирования онтологически универсальных пространственных ситуаций, мы кратко обсудим когнитивные основания разграничения таких ситуаций на *динамические* и *статические.* Представляется оправданным начать с рассмотрения примеров из русского и английского языков, чтобы на их фоне проинтерпретировать описание тождественных ситуаций в КЯ:

*Ср.: мышь **за**бежала **в** нору* (1)

*мышь <сидит> **в** норе* (2)

the mouse ran **into** the hole (3)

the mouse is **in** the hole (4)

[10] Применительно к КЯ эти глаголы кратко рассмотрены в [Кимов 2010а].

Нетрудно видеть, что (1) и (3) выражают *динамическую ситуацию*, поскольку содержат глагол движения, а (2) и (4) — *статическую*. Для того чтобы показать, чтó мы понимаем под *динамической пространственной ситуацией,* обратимся к идеям Л. Талми, который одним из первых охарактеризовал ее как «событие» (ср. *motion event*, в его терминологии). В этой связи он предложил выделить в таких ситуациях следующие компоненты: *фигура* — Figure, *фон* — Ground[11], *путь* — Path и *движение* — Motion. При этом «путь означает не только направление, но и место, занимаемое фигурой» (цит. по [Массалина 2009]).

В соответствии с типологической теорией лексикализации движения в языках мира Л. Талми [Talmy 1985] выдвинул идею о том, что собственно динамические пространственные ситуации могут выражаться в языках мира двумя способами, которые послужили основанием для их классификации. В этой связи выяснилось, что при кодировании *динамической ситуации* информация о способе движения (manner) или о маршруте перемещения (path) в языках мира может передаваться разными способами. В первом случае эта информация как бы встроена в семантику глагольного корня. Например, в (1) способ передвижения выражен корневой морфемой *-беж-*; в (3) — морфемой *run*. Но при этом важно обратить внимание на то, что в (1) маршрут передвижения как бы дублируется, т.е. передается префиксом и предлогом одновременно (ср. ***за**бежала **в** нору*). В этой связи уместно вспомнить идеи В.В. Виноградова о том, что в таких конструкциях русского языка как ***в**ъехать **в** город; **от**ойти **от** дома* и т.п. выражение предложной зависимости от приставочных глаголов регулируется законом удвоения приставки-предлога. «Глагольная приставка, — пишет известный ученый, — как бы требует употребления предлога — омонима или синонима — для обозначения объектных отношений *(добраться до..., исходить из..., присоединиться к..., отказаться от...* и т. п.)» [Виноградов 2001: 522]. При этом отмечается два

[11] Понятия *фигуры* и *фона* в теоретическом плане рассмотрены выше.

возможных варианта предложного управления префиксальных глаголов движения (= *динамических глаголов*) в русском языке: а) предлог повторяет приставку (ср.: ***в**ъехать **в** город, **до**ехать **до** города);* б) предлог и префикс синонимичны по смыслу, но формы не повторяются (ср.: ***вы**бежать **из** дома*; ***за**бежать **в** нору*) [Золотова 1973: 57]. Вместе с тем в (3) маршрут передвижения выражается адвербиальной частицей. Как видно, префикс **за-** и предлог **в**, так же, как и постпозитивная частица ***into***, вынесены за пределы корневой морфемы. В этой связи, в целях адекватной интерпретации ситуации движения, для тех элементов, которые не встроены в корневую морфему, Л. Талми ввел термин ***сателлит*** [Talmy 1978: 627–649]. Этот термин в астрономии, из которой он заимствован, определяется как c*elestial body, such as a moon, planet, comet, or other solar system body, that orbits a larger body* (небесное тело, такое как Луна, планета, комета или другое тело Солнечной системы, которое вращается вокруг тела, большего по размеру). В более поздней работе [Talmy 1985] отмечает, что *сателлитом* можно считать такой компонент в описании ситуации движения, который указывает на локализацию движения или на его направление и выражается глагольными префиксами или постпозитивными частицами. Последние представляют собой языковые элементы, которые играют особую роль в *субкатегоризации* или *модификации* глагольного значения [там же]. В английском языке в качестве сателлитов, как показано в примере (3), могут выступать адвербиальные частицы, которые вынесены за пределы корневой морфемы (ср.: come *in*, run *out*). По классификации Л. Талми, русский и английский языки можно считать «сателлитными» или сателлитно-ориентированными (*satellite-framed*) на том основании, что в общем случае способ передвижения встроен в семантику глаголов (ср. англ. *run* и рус. *бежать*), а сам маршрут (куда и в каком направлении) вынесен за пределы корня. В то же время в романских языках, в частности, во французском, который Л. Талми классифицирует как «глагольный» или глагольно-ориентированный (*verb-framed*), способ передвижения маркируется или,

иными словами, выражается за пределами глагольного корня: ср. *entrer en courant* (см. об этом [Выренкова, Полинская и др., 2014; Майсак, 2005; Массалина, 2009; Панов, 2011]). Более подробно комментируя данный пример, укажем, что *entrer* — глагол, который обозначает идею *входить* (целенаправленное движение). Если человек попадает в конечную точку бе́гом, т.е. посредством быстрого перемещения, русский язык прибегает к глаголу **в***бежать* (см. выше). Французский язык использует глагол *entrer,* но то, каким способом (шагом, бегом и т.д.) человек достигает ориентира или конечной точки движения, выражается в нем не с помощью *сателлита*, а посредством герундия; с грамматической точки зрения оборот *entrer en courant* является герундием [Гак 2000: 197], а сама фраза переводится на русский язык как «вбегать» [Гак 1989: 222].

В этой связи возникает вопрос, что́ считать подлинным *сателлитом*, например, во фразе ***за****бежала* ***в*** *нору* (1) — префикс, предлог, или оба элемента одновременно? В соответствии с одной из точек зрения подлинным сателлитом в примерах типа (1) можно считать префикс [Панов 2011]. Другие ученые, например, И.П. Массалина [Массалина 2009], вслед за Л. Талми и Е.С. Кубряковой считают, что «к категории сателлитов относятся предлоги, префиксы, постпозитивные частицы и наречия, объединённые общностью передаваемого концепта» [Цит. по: Массалина 2009]. В примере (1) мы наблюдаем ту самую концептуальную общность (ср. префикс **за-** и предлог **в**). Отвлекаясь от разных точек зрения на природу сателлитов в языках, отметим, что оба взгляда имеют право на существование. При этом интересные данные содержатся в работе В.А. Панова [Панов 2011], который отмечает, что большинство древних индоевропейских языков (древнегреческий, санскрит, древнеперсидский, авестийский, древнеирландский, готский и др. древнегерманские, хеттский [12]) относятся к языкам *сателлитного* типа, поскольку в этих языках роль *сателлитов*, показателей глагольной

[12] Существует теория о возможном родстве хаттского (не следует смешивать с хеттским) и абхазо-адыгских языков.

ориентации, играют именно *превербы*. В соответствии с темой нашей диссертации рассмотрим, как средствами КЯ кодируются два типа ситуаций (динамическая и статическая), выраженные в (1) и (2). Для этого обратимся к следующему примеру:

(5) *Дзыгъуэр гъуэм <u>и-лъэда-щ</u>* [13]

мышьABS нораERG **в**-беж-ать:3PST

Мышь забежала в нору.

Из примера явствует, что идея целенаправленного движения [забежать в] выражена лексемой *и-лъэда-щ.* Эта единица представляет собой морфемный комплекс, в составе которого имеется преверб ***и-*** и корневая морфема *-лъэдэ-/-лъэда-.* Как видно, преверб ***и-*** выражает маршрут, а корневая морфема — способ передвижения. Преверб ***и-*** семантически коррелирует, на наш взгляд, с концептами, стоящими за префиксом **за-** + предлогом **в**, которые в русском языке, как показано в (1), выражают маршрут. В то же время корневая морфема *-лъэдэ-/-лъэда-* является концептуальным коррелятом корневой морфемы *-беж-*. Как видно из морфемного анализа глагольной лексемы в (5), КЯ можно причислить к глагольному типу. Если в примере (1) намеренно не учитывать роль предлога (ср. ***в*** *нору*) и его вклад в семантику всей фразы, то с достаточной степенью условности можно считать, что принципы кодирования онтологически тождественных динамических ситуаций в русском и КЯ во многом сродни: каждый из этих глаголов (ср. **за-**беж-ала, где *-ала* трактуется нами как единый грамматический формант) оформляется по идентичной модели: префикс + корневая морфема + грамматический формант. Что касается английского языка, в рассматриваемой ситуации маршрут обозначается частицей *into.* При этом в рассмотренных примерах русские глаголы, выражающие динамические ситуации, как и в КЯ, представляют собой морфемные комплексы, которые фиксируются в словарях в виде самостоятельных единиц (ср.: забежать, выбежать и т.д.). Вместе с тем здесь

[13] Принципы поморфемной нотации с примерами условных обозначений представлены на с. 107; полный список глосс см. в Приложении А, с. 225.

возникает интересная проблема, обусловленная строем сравниваемых языков. Условимся считать, что русские глаголы **за***бежать,* ***вы****бежать,* ***у****бежать,* ***под****бежать* представляют собой морфемные комплексы, которые, пусть и отдаленно, но напоминают структуру кабардинского глагола (ср. пример 5). Если отсечь префиксальные морфемы русских глаголов, то мы получим *бежать* в качестве инфинитивной (словарной) формы, которая содержит корневую морфему -*беж*- со значением, выражающим способ передвижения. Относительно КЯ такие формальные операции недопустимы: в этом языке инфинитивной формы *лъэдэн* не существует, лексема приобретает смысл только в составе морфемного комплекса (*и-лъэдэ-н*), который выражает динамическую ситуацию. Иными словами, в системе КЯ эта корневая морфема существует только в связанном виде и приобретает инфинитивную форму только присоединяясь к превербам, в отличие от русского *бежать*. Однако важно то, что какой бы локативный преверб ни сопровождал этот корень, комплекс, который образуется в результате такоего слияния, содержит идею целенаправленного пути строго в сторону *фона* или ***ориентива*** (термин В.А. Плунгяна). Эти характеристики делают -*лъэдэ*- семантически отличным от русского глагола *бежать*, для которого ориентация действия является факультативным моментом в некоторых контекстах (ср. *бегать куда?*). Ср.: *бежать в сторону леса / сломя голову / куда глаза глядят; выбежать из* и т.д.

Сравним несколько примеров из КЯ, образованных по модели «преверб + *лъэдэ*»:

Іу*-лъэдэ-н* — подбежать к (дому);

те*-лъэдэ-н* — забежать на (крышу);

и*-лъэдэ-н* — забежать в (нору);

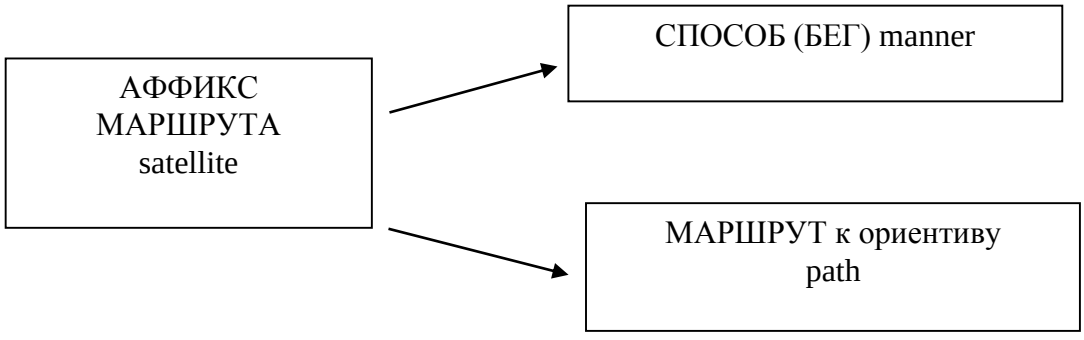
хэ*-лъэдэ-н* — вбежать в (воду).

При этом любопытно, что сама корневая морфема -*лъэдэ*- со структурной точки зрения представляет собой комбинацию двух элементов, viz. *лъэ-дэ-н*. Первый элемент можно однозначно возвести к лексеме *лъэ* ‘нога’, поскольку

рекуррентность морфемы *-лъэ-* в составе серии глаголов, указанных выше, позволяет это сделать. Более того, в КЯ существует не только самостоятельная лексема *лъэ* ‘нога’, но и соотносительный глагол *лъэн* ‘прыгать’, образованный, как мы полагаем, в результате транспозиции [Кубрякова, Гуреев 2002]. Итак, корневую морфему *-лъэдэ-* на синхронном уровне можно считать условно членимой: чётко прослеживается элемент *лъэ* в значении ‘нога’, в то время как элементу *дэ* невозможно приписать никакого значения (хотя он омонимичен превербу *дэ-* в значении *‘между’*). Подводя итог краткому представлению динамических пространственных ситуаций в трех языках, сделаем определенные выводы.

Однозначно причислить динамические глаголы КЯ к одному из двух типов (*глагольному* или *сателлитному*) не представляется возможным. Так, казалось бы, структурное тождество глаголов позволяет считать кабардинский и русский языки относящимися к одному и тому же типу в рассматриваемых терминах. Например, в русском *забежать* (как вариант — ***в****бежать* <в вагон>) корневая морфема выражает способ передвижения. То есть этот способ как бы встроен в семантику глагола *бежать*. На этом основании можно было бы сделать вывод о том, что русский язык принадлежит к сателлитно-ориентированным языкам, поскольку маршрут задается префиксами *за-* или *в-*. Кабардинский глагол *и-**лъэдэ**-н* отличается тем, что в корневую морфему, с одной стороны, встроены две идеи, viz. *способ передвижения* + *глагольная ориентация* (= к ориентиву). С другой стороны, семантика преверба д у б л и р у е т конечную точку маршрута. Таким образом, семантику кабардинских глаголов типа *и-лъэдэ-н* можно выразить формулой:

Схема 1

Отметим, что глагольные типы, предложенные Л. Талми, впоследствии были уточнены, поскольку, по мнению некоторых ученых, в частности Т.А. Майсака, «языки далеко не всегда представляют „чистые“ типы в рамках бинарной – или даже тернарной – классификации, среди них много „смешанных“ и промежуточных случаев» [Майсак 2005: 107]. Справедливость этой точки зрения наглядно подтверждается материалами КЯ, представленными в этом разделе в информативных целях. Параллельно отметим, что это отдельная тема, требующая серьезного исследования в будущем с точки зрения типологии. Пока что укажем, что превербы КЯ как в динамических, так и статических конструкциях с полным на то основанием можно считать *сателлитами.* В следующем разделе мы покажем, что их ключевая роль состоит в модификации семантики глагольного корня. Будучи интегральной частью глагольной лексемы, сателлиты выражают одну из трех поз субъекта/объекта, образуя так называемые локативные комплексы в кабардинском языке.

2.1.2. Статические пространственные стиуации. Понятие локативного комплекса

В этом разделе рассмотрим, как КЯ кодирует именно статические пространственные ситуации. Русский язык, как и английский, кодирует такие ситуации при помощи синтаксических конструкций, в составе которых присутствуют один из позиционных глаголов (ср. *стоять, сидеть, лежать* и *stand, sit, lie*) и, в обязательном порядке, предложный оборот (ср. *на столе* и *on the table*). При этом очевидно, что позиционнные глаголы русского языка в общем случае не только не имеют префиксов, но и сами не являются обязательными элементами пространственных конструкций (ср. *собака в конуре* и *собака сидит в конуре*). Вместе с тем в КЯ существуют четыре глагола (предиката), обозначающих пространственное расположение субъекта: *щы**т**ын, щы**лъ**ын, щы**с**ын и фIэ**лъ**ын,* которые имеют корреляты в русском и английском языках:

щытын ‘стоять’ — to stand;

щысын ‘сидеть’ — to sit;

щылъын ‘лежать’ — to lie;

фIэлъын ‘висеть’ — to hang.

Последний глагол из дальнейшего описания исключен специально, что будет прокомментировано позже.

Итак, наше внимание будет сосредоточено на трех базовых глаголах, а именно: *щытын* ‘стоять’, *щысын* ‘сидеть’и *щылъын* ‘лежать’. Все три лексемы в дальнейшем описании будут именоваться *предикатами*, *позиционными глаголами*, *глаголами позиции*, *постуралами* (от англ. *posturals*), выражая особый тип расположения субъекта в пространстве, поскольку «прежде всего они описывают специфическую позу человека (или животного)» [Майсак 2005: 121]. Все три глагола с морфемной точки зрения являются структурно сложными (производными), состоящими из префикса ***щы-*** и других элементов, а именно: *-**т**-ын*, *-**с**-ын, -**лъ**-ын*. Морфемный анализ данных глаголов позволяет увидеть, что в каждом из них содержится далее нечленимый срединный элемент в виде соответствующей корневой морфемы, которая является носителем их основного лексического значения. Сравним: **-т-** ‘стоять’, **-с-** ‘сидеть’, **-лъ-** ‘лежать’. При этом в КЯ все они существуют только в связанном виде и состоят из одного согласного. Относительно глагола *фIэ-**лъ**-ын* ‘висеть’ укажем, что с точки зрения концептосферы КЯ «висение» означает нахождение в лежачем положении (букв. «лежание без опоры»). Это еще раз подтверждает допущение исследователей о том, что состояние *лежания* можно приравнять к *бездействию*, т.е. лежачие предметы, как правило, «выключены из жизни» [Рахилина 1998; Майсак 2005]. В этой связи мы его исключили из рассмотрения, поскольку он не играет значительной роли в рассматриваемых ситуациях.

Теперь кратко сравним позиционные предикаты КЯ с коррелятами в английском и русском языках с точки зрения их структуры и семантики. В русском и английском языках соответствующие предикаты локативного

состояния употребляются в виде отдельных относительно простых номинативных единиц. Что касается статуса элемента *щы-* в КЯ, мы считаем, что это, бесспорно, префиксальная морфема (традиционно обозначаемая термином «преверб» в кавказоведении), поскольку она удовлетворяет всем требованиям, которые предъявляются к префиксальным морфемам подобного рода: она *рекуррентна* (регулярно повторяется в составе нескольких слов или словоформ), выступает в *связанном виде*, обладает *дистрибутивным* значением и выполняет *дифференциальную* функцию. Не имея в распоряжении достоверных этимологических данных, невозможно однозначно определить значение этого преверба. Но при этом с большой долей уверенности можно сказать, что этот префикс в КЯ имеет пространственное значение. Прокомментируем наше допущение и рассмотрим префикс *щы-* в составе еще одного морфемного комплекса. Так, этот же префикс выступает в составе основного бытийного глагола КЯ ***щы****Iэн*. Эта лексема является концептуальным коррелятом русского глагола «быть» и его аналогов: «находиться», «пребывать» (ср. англ. *to be*). Вместе с тем «быть» и его коррелят в английском (ср. франц. *être*) функционируют в соответствующих языках в двойном «обличии». Так, с одной стороны, они являются знаменательными глаголами, которые существуют для обозначения пространственных ситуаций: he *is* in the room, le garçon *est* dans la chambre и т.д. С другой же стороны, помимо передачи пространственного значения каждый из них выступает в связочной функции (ср. *he* ***is*** *a doctor*, *il* ***est*** *docteur*). Русский глагол *быть* в обоих случаях проявляет своеобразие: ср. *он в комнате* и *он* ***был*** *в комнате* (в локативном значении *он* «выплывает» только в форме прошедшего времени). Точно так же и в связочной функции он не всегда «проявляет» себя. В русском языке связка бывает, по выражению Н.Д. Арутюновой, как «сокровенной», т.е. скрытой от непосредственного наблюдения, так и «откровенной» [Арутюнова 1980; ср. также Арутюнова 1998: 449–461]. Сравним две фразы: а) *Он — врач*; б) *До войны он <u>был</u> врачом*. Что касается КЯ, глагол ***щы****Iэн* «быть», «находиться» тоже выступает в этом

языке в двух ипостасях: а) как глагол с экзистенциальным значением; б) как локативный предикат (= глагол со значением ‘нахождение’ с широкой концептуальной основой (т.е. без конкретного указания на локализацию). Попутно отметим, что *щыIэн* никогда не выступает в КЯ в связочной функции, т.е. его семантика исчерпывается локативным значением. Но это большая и сложная тема, которая была бы интересна в типологическом плане.

В этой связи приведем примеры с русскими предложениями и рассмотрим их переводы на КЯ.

а) Великаны существуют.

Иныжь ***щы****-Iэщ.*

Букв.: великаны ***есть*** *(= существуют).*

б) Хасан в Нальчике.

Хьэсэн Налшык ***щы****-Iэщ.*

Букв.: Хасан Нальчик ***находится*** <проживает или поехал по делам и находится там>.

Как видно, в (а) комплекс *щы-Iэ-щ* реализует экзистенциальный смысл, в то время как в (б) он выступает в локативном значении. Вместе с тем значение корневой морфемы *Iэ/Iа* в составе *щыIэн* не удается определить, хотя можно предположить, что формально морфема *Iэ-* совпадает с лексемой *Iэ* ‘рука’, т.е. восходит к соматизму. Дело в том, что в КЯ идея обладания передается через лексему ***Iэ*** ‘рука’, которая в результате транспозиции превращается в глагол *иIэн* «иметь, обладать», где *и-* является посессивным префиксом [14] . При этом важно, что *щыIэн* имеют полную парадигму, характерную для «обычных» глаголов:

в) *Хьэсэн дыгъуасэ Налшык* <u>*щыIащ.*</u>

Хасан вчера в Нальчике <u>был</u>.

[14] Отсюда *машынэ сиIэщ* — у меня есть машина (*си-Iэ-щ* , букв. *в моя рука есть*). О связи категории бытия и обладания см. [Друзина, 2005].

г) *Хьэсэн пщэдей Налшык щыIэнущ.*

Хасан завтра в Нальчике будет.

д) *Хьэсэн Налшык <тIэкIурэ> **щоI**эри къокIуэж.*

Хасан в Нальчике <немного> побудет <как водится>, потом возвращается.

Во всех грамматических формах (их количество можно увеличить) *щы-* в составе лексемы *щы-Iэн* реализует локативное значение; ср. с примером (а), где эта же лексема реализует бытийный смысл.

Рассмотрим теперь случаи, когда этот же преверб *щы-* сопровождает другие глаголы:

i. *Москва **щы-**джэгун* — играть в Москве (футбольная команда);

ii. рестораным ***щы-**шхэн* — питаться, трапезничать в ресторане <дома, у соседей>;

iii. *школым **ще-**джэн* — учиться в школе <в университете, колледже>;

iiii. *собранэм **щы-**псэлъэн* — выступать с речью на собрании <в клубе>;

iiiii. *къалэм **щы-**псэун* — жить, проживать в городе <в селе, в лесу, в Америке>.

Как видно, во всех этих примерах реализуется модель «преверб *щы-* + основа глагола». В обобщенном виде семантику таких комплексов можно сформулировать как «место, где происходит действие, обозначенное глагольным корнем (основой)». При этом важно обратить внимание на тот факт, что все глагольные корни представляют собой самостоятельные лексические единицы с соответствующей полной парадигмой грамматических форм. Ср.: *джэгун* «играть»; *шхэн* «есть, питаться»; *еджэн* «учиться»; *псэлъэн* «говорить, выступать с речью»; *псэун* «проживать».

Тем не менее, совершенно иначе ведет себя префикс ***щы-*** вкупе с корневыми морфемами, передающими «особый тип расположения субъекта в

пространстве», т.е. в составе одного из указанных выше позиционных предикатов. Забегая вперед, подчеркнем, что СКЧЯ представляет префиксальную морфему ***щы-*** исключительно в локативном значении, т.е. возможность использования этой морфемы в экзистенциальном значении никак не обозначена. Но при этом любопытно, что лексема *щыIэн* определяется в том же словаре следующим образом: «существовать, быть, находиться где-л., иметься, быть в наличии». Позиционные глаголы в языках мира в теоретическом освещении (см., прежде всего, работу [Майсак 2005]) рассмотрены в разделе 1.3.2. Здесь рассмотрим, как «ведут» себя собственно позиционные глаголы КЯ. Еще раз напомним, что в этом языке существуют три базовых глагола: ***щы****тын* ‘стоять’, ***щы****сын* ‘сидеть’, ***щы****лъын* ‘лежать’ (а также *фIэлъын* ‘висеть’, который в дальнейшем не рассматривается), обозначающие общие пространственные отношения, и каждый из них содержит преверб *щы-*. Вместе с тем, по справедливому замечанию В.Г. Гака, при моделировании пространственных ситуаций (при их категоризации — Л.Х.) субъекту когниции приходится учитывать большое количество частных локативных позиций одной субстанции по отношению к другой. Здесь, по мнению В.Г. Гака, можно выделить несколько разновидностей локализации, которые представлены: 1) в виде точки (или трехмерного пространства): а) «внутри» – «вне»; б) «спереди» – «сзади»; в) «сверху» – «снизу»; г) «возле» – «в отдалении»; 2) в виде линии (плоскости): «сквозь», «через» и т.д. (см. об этом подробнее [Гак 1996: 9–10 и далее]). Как мы отмечали, пространственное отношение двух субстанций (X и Y; *фигура* и *фон; траектор и ориентир; локализуемый предмет A и локализатор L*) может быть выражено разными языковыми средствами: флексии, глаголы, глагольные префиксы и предлоги (предложные сочетания). Для таких языков, как русский, именно предлоги и предложные сочетания являются «важнейшим средством выражения пространственных отношений» [Гак 1996: там же]. Далее ученый отмечает, что простые предлоги сравнительно немногочисленны и не образуют строгой системы, что является

недостатком языковой системы. Но при этом русский язык компенсирует такое положение наличием сложных предлогов (*из-за, из-под, по-над*), предложных сочетаний или составных предлогов (*рядом с, сбоку от*), а также предлогов, омонимичных наречиям (*около, вокруг*). «Последние две категории слов, — пишет он, — особенно составные предлоги, позволяют бесконечно дифференцировать (разрядка наша — Л.Х.) частные локативные отношения (ср.: *в и в середине, вне и вдали от, у и справа от, рядом с* и т.д.)». Рассуждения В.Г. Гака позволяют прийти к выводу о том, что способы выражения статической пространственной ситуации в английском и русском языках во многом сродни. При этом трудно, однако, согласиться с его же категоричным мнением о том, что «в каждом языке выделяются предлоги, указывающие на место процесса или (метонимически) на сам процесс и приобретающие абстрактный характер» [Гак, 1996: 10]. Ср.: *на рынок, с рынка*; *на охоту, с охоты*. Приходится думать, что ученый имел в виду языки со свободными формами (русский и европейские, в частности французский), поскольку в КЯ, как известно, предлогов нет (ни простых, ни составных). Поэтому для выражения *частных позиций* этот язык прибегает к другим средствам и способам, о которых мы поговорим ниже.

Здесь важно подчеркнуть, что при выражении частных локативных позиций базовые глаголы КЯ ***щы****тын* ‘стоять’, ***щы****сын* ‘сидеть’, ***щы****лъын* ‘лежать’ подвергаются словообразовательным трансформациям. Так, все три глагола «теряют» общелокативный преверб *щы-*, который заменяется одним из превербов разветвленной системы, выражающих разнообразные отношения двух «субстанций» (термин В.Г. Гака).

Итак, в силу типологических характеристик, в частности специфики грамматического строя КЯ, любая статическая пространственная ситуация репрезентируется при помощи устойчивого морфемного комплекса (локативный преверб + глагол позиции), который мы вслед за Р.С. Кимовым назвали *локативным комплексом* (далее — ЛК) [Кимов, 2010а]. Понятие и определение локативного комплекса уточнено и расширено в [Хатухова 2024].

Рассмотрим два примера, чтобы пояснить, что́ мы имеем в виду:

А) Махуэ псом ди хьэр щы-лъ-щ

день весь POSS-PL-собакаABS LOC-лежать:3PRS

Весь день наша собака лежит <состарилась, обленилась>.

Пример (А) недвусмысленно показывает, что на протяжении всего дня в силу разнообразных причин собака находится в привычной для нее локативной позе («лежание»). Как видно, никаких указаний на конкретное место фраза не содержит.

В) *Хьэр тетIысхьэпIэм те-лъ-щ*

собакаABS скамейкаERG LOC_SUPER-лежать:3PRS

Собака лежит на скамейке.

В примере (В) содержится указание на *фон* и конкретную локализацию собаки по отношению к скамейке (*на скамейке*). При кодировании этой ситуации общелокативный преверб *щы-* отсекается или «отпадает» (поскольку место локализации собаки максимально конкретизировано). Вместо него к корневой морфеме *-лъ-* присоединяется соответствущий преверб, выражающий частную локализацию (= привязанную к конкретной ситуации). В примере (В) лексема *телъщ* в буквальном переводе звучит как ***на-лежит*** и представляет собой, как видно, комбинацию морфем. Корневая морфема в зависимости от актуальной позы субъекта (собака) может быть представлена в виде: **-т-** *стоять*, **-с-** *сидеть*, **-лъ-** *лежать*. В этой связи сделаем сильное допущение: важнейшей типологической чертой КЯ при кодировании статических пространственных ситуаций является о б я з а т е л ь н о е наличие одного из *постуралов* (= глаголов позиции) в виде связанной корневой морфемы, показывающей, говоря упрощенно, *что́* «делает» X по отношению к Y-у. Корневая морфема связана только с п р е в е р б о м и, как правило, следует за ним.

Наличие таких ЛК представляет собой еще одну важную типологическую черту КЯ: ЛК — это не просто аддитивное сложное образование, состоящее из нескольких морфем (в данном случае — трех, если учитывать грамматический формант — показатель инфинитива), а лексикализованный комплекс морфем. Ввиду беспрецедентности этого явления при сборе практического материала мы столкнулись с дилеммой — что́ считать позиционным глаголом: а) только три базовых глагола (***щы****тын* ‘стоять’, ***щы****сын* ‘сидеть’, ***щы****лъын* ‘лежать’) или б) все локативные комплексы (см. таблицу 2).

Мы приняли второе решение по следующим основаниям. Каждый из этих комплексов представляет собой самостоятельную цельнооформленную единицу системы КЯ, которая образовалась в результате процесса лексикализации (ср. их буквальные переводы: ‘в-стоять’, ‘в-лежать’, ‘на-сидеть’, ‘между-сидеть’ и т.д.). Для облегчения восприятия материала, а тем самым и обеспечения широкого доступа к нашему исследованию, все ЛК будут передаваться на русский язык как:

и*-лъын* — ‘**в-**лежать’ или ‘лежать в’;

и*-сын* — ‘**в-**сидеть’ или ‘сидеть в’;

и*-тын* — ‘**в-**стоять’ или ‘стоять в’;

щIэ*-лъын* — ‘**под-**лежать’ или ‘лежать под’.

Аналогов таких единиц, как ЛК, нет ни в русском, ни в английском языках, и в целом в языках со свободными формами. В русском языке сохранились единицы типа *настоять* (настаивать; ср. *настоятель*); *подсидеть* (букв. *сидеть под*), *предстоять* (ср. *предстоятель* — стоящий перед чем-либо, служитель), *надлежать* и т.д. Мы согласны с мнением исследователей о том, что такие глаголы русского языка «отражают первый этап освоения человеком пространства и частично сохраняют следы древнего мировосприятия» [Трофимова, Косова 2017]. При этом мы бы от себя добавили, что их семантика свидетельствует об универсальности логических

принципов категоризации пространства, когда локативные аффиксы в комплексе с позиционными предикатами в ходе развития языка приобретают нелокативные значения. Так, английский глагол *underlie* впервые зафиксирован в 1600 году в значении *“to be situated under, lie under or beneath”* (букв. «лежать под чем-л.»), что представляет собой сугубо локативное значение. Прошло два с половиной века, прежде чем глагол приобрел в 1852 г. нелокативное (= метафорическое) значение *"to be the basis of"* [https://www.etymonline.com/word/underlie] — «лежать в основе чего-л». Однако по нашему мнению, пространственное значение этимологически локальных префиксов подверглось «выветриванию», «переосмыслению» и глубоко «утоплено» как в английском, так и в русском языках. В этом примере их можно было бы интерпретировать в терминах морфологического опро́щения. При этом в КЯ они живут «самостоятельной» жизнью: вписываются в глагольную парадигму, т.е. в систему грамматических категорий (лицо, время, наклонение и т.д.), обладают самостоятельной номинативной функцией, которая, естественно, приводит к их семантическому расширению, предопределяемому разными когнитивными основаниями. Иными словами, наблюдается «живая» связь между локативными превербами. Относительно директивных превербов, отметим, что они остаются вне поля нашего зрения, поскольку в соответствии с заявленной темой мы изучаем статические пространственные ситуации.

Приведем таблицу превербов КЯ.

Таблица 1

Пространственные превербы кабардинского языка

Форма преверба	*Тип глагольной сочетаемости*	*Семантический ярлык (концепт)*	*Глосса*	*Пространственное отношение*
1	*2*	*3*	*4*	*5*
Простые				

И-	*Статич., динамич.*	*IN*	*LOC_IN*	*Внутри полого пространства*
ХЭ-	*Статич., динамич.*	*IN*	*LOC_IN*	*Внутри веществ, континуума — множественной сущности, эмоций*
ДЭ-	*Статич., динамич.*	*IN + BETWEEN*	*LOC_IN + BETWEEN*	*Внутри <огороженного с двух сторон> пространства*
ТЕ-	*Статич., динамич.*	*SUPER*	*LOC_SUPER*	*На поверхности фона*
ПЭ-	*Статич., динамич.*	*ANTE, OPPOSITE*	*LOC_ANTE*	*У фона, перед фоном*
ПЫ-	*Статич., динамич.*	*END, CONT*	*LOC_ END|CONT*	*На конце фона*
ЩЫ-	*Статич., динамич.*	*LOC*	*LOC*	*В некотором месте, обозначенном фоном*
ФІЭ-	*Статич., динамич.*	*POINT*	*LOC_POINT*	*На конце фона*
КЪУЭ-	*Статич., динамич.*	*POST*	*LOC_POST*	*За фоном, сзади*
КІЭ-	*Статич., динамич.*	*SUB, APUD*	*LOC_SUB*	*Под фоном, около нижней части*
ГУЭ-	*Статич., динамич.*	*BESIDE*	*LOC_BESIDE*	*Рядом с фоном, в непосредственной близости*

КІУЭЦІЫ-	*Статич., динамич.*	*IN*	*LOC_INTERIOR*	*Внутри фона*
ІУ-	*Статич., динамич.*	*ANTE, APUD*	*LOC_APUD*	*Рядом с фоном, у передней стороны, края фона*
ЩІЭ-	*Статич., динамич.*	*SUB, IN*	*LOC_SUB*	*Под фоном*
Сложные				
БГЪУРЫ-	*Статич., динамич.*	*BESIDE*	*LOC_BESIDE*	*Сбоку от фона, рядом*
БГЪЭДЭ-	*Статич., динамич.*	*BESIDE*	*LOC_BESIDE*	*Рядом с фоном, около*
ЖЬЭДЭ-	*Статич., динамич.*	*INSIDE-BETWEEN*	*LOC_ MOUTH_BETWEEN*	*Во рту субъекта*
ЩХЬЭЩЫ-	*Статич., динамич.*	*OVER, ABOVE*	*LOC_ABOVE*	*Поверх фона, на верхней части*
ЖЬЭХЭ-	*Статич., динамич.*	*APUD, ANTE*	*LOC_MOUTH_ ANTE*	*Очень близко к фону, у фона*
ПКЪЫРЫ-	*Статич., динамич.*	*INSIDE, INTERIOR*	*LOC_BODY_IN*	*В теле субъекта*
ІЭЩІЭ-	*Статич., динамич.*	*HAND*	*LOC_HAND_IN*	*В руке субъекта*
ПЭЩІЭ-	*Статич., динамич.*	*ANTE, OPPOSITE*	*LOC_ANTE_APUD*	*Перед фоном, напротив*

Комментарии к таблице. Во втором столбце показано, что рассматриваемые превербы могут сочетаться как с динамическими, так и статическими глаголами. Для удобства условимся разграничивать их

следующим образом: те, которые «обслуживают» динамические глаголы, назовем директивными превербами или просто *директивами*; префиксы, сочетающиеся со статическими глаголами, обозначим как локативные префиксы или *локативы*. М.А. Кумахов [Кумахов 2006] предлагает делить превербы, как было указано выше, на первичные и вторичные на том основании, что вторичные имеют отсоматическое происхождение и до сих пор в большинстве случаев сохраняют концептуальную связь со своим «источником», в то время как первичные невозможно этимологически возвести к какому-либо соматизму. В дополнение к точке зрения ученого отметим, что наше понимание превербов и их семантическая интерпретация опираются преимущественно на теоретические взгляды, изложенные в [Мазурова 2002; Майсак, Мерданова 2002; Майсак 2005; Плунгян 2002, 2003]. Именно эти исследования создали методологическую базу, позволившую впервые проанализировать специфику репрезентации пространственных ситуаций в КЯ (см. работы [Кимов 2010; 2010а]). Теоретические достижения указанных ученых позволили по-новому взглянуть на грамматикализацию названий частей тела в КЯ, т.е. их превращение в служебные элементы языка (см. также [Кимов 2022]).

Как указывалось в предыдущих разделах, в отличие от европейских языков, в частности русского и английского, в адыгских языках превербы выступают как когнитивные аналоги предлогов в индоевропейском понимании. Этот факт был отмечен уже в первых описаниях адыгских языков. Так, в известной работе [Яковлев, Ашхамаф 1941] сравнение адыгейских префиксов места с русскими предлогами в терминах развития их значений показало, что русские предлоги по своей семантике представляют собой «более обобщенные и более абстрактные по своему значению частицы», чем префиксы адыгейского языка. В этой связи, считают они, предлогов русского языка намного меньше, чем адыгейских префиксов. Последние, будучи более конкретными или специализированными по своей семантике (как, собственно, и в КЯ), выражают гораздо более тонкие и разнообразные различия

пространственных отношений. При этом, по мнению Н.Ф. Яковлева, их бóльшее количество (по сравнению с КЯ — Л.Х.) является непреложным фактом, предопределяемым бóльшей древностью адыгейского языка по своему строю [Яковлев, Ашхамаф 1941: 352]. Важно также указать, что в КЯ имеются свободные формы в виде незначительного количества *послелогов*, которые выражают пространственные отношения. Послелоги адыгских языков, участвующие в языковом моделировании пространства, бесспорно заслуживают внимания. Это также большая и сложная проблема, требующая целенаправленного описания: на настоящий момент существуют только грамматические (морфологические) классификации послелогов, которые малоинформативны для нашего исследования, поэтому мы оставляем их в стороне. Попутно отметим, что морфология КЯ, особенно глагольная, гораздо реже оказывается в поле зрения лингвистов даже в наши дни, в отличие от лингвокультурологических исследований этого языка, число которых сравнительно высоко (см. работы [Бижева 2000; Дзасежева 2007; Дзуганова 2008; Хутова 2008]).

По причинам, обозначенным выше (см. раздел 1.3.1.), пространственные модели, предложенные рядом исследователей (ср. В.Г. Гак, О.Н. Селиверстова, S. Svorou, отчасти Л. Талми), «плохо» подходят для полисинтетических языков, в частности для КЯ, в силу целого ряда причин. Подробно рассмотрим эти причины, которые предопределяют своеобразие и неповторимость категоризации стативных пространственных ситуаций в КЯ. Прежде чем мы коснемся этих вопросов, представляется важным показать, как будет представлен материал КЯ в дальнейшем описании.

О представлении материала кабардинского языка

В связи с развитием типологических исследований **актуальным** является вопрос о корректном представлении иноязычного материала (в том числе морфологических данных). Этот вопрос, по мнению В.А. Плунгяна, имеет как практическое, так и теоретическое значение. С практической

стороной вопроса связана культура обращения с языковым материалом. Теоретическая сторона предопределяется тем, что информация о структуре словоформ проливает свет на многие вопросы о том, как устроен морфологический компонент модели изучаемого языка. Кроме этого, следует иметь в виду, что в настоящее время поморфемная нотация стала практически обязательной принадлежностью типологических работ, поскольку они, как правило, *рассчитаны не на специалиста по данному языку, а на потенциального читателя, не владеющего никакой информацией об упоминаемом языке* [Плунгян, 2002: 330–332]. Достаточно сказать, что в редком академическом издании, посвященном описанию адыгских языков, в том числе морфологическому, примеры обеспечиваются поморфемной нотацией (ср. работы [Майсак, 2002, 2005; Мазурова 2007]). Наличие таких описаний, бесспорно, способствовало бы более широкому доступу к научной литературе не только по языкам мира вообще, но и по близкородственным, в частности абхазо-адыгским языкам: не все кабардинцы, например, владеют абхазским, адыгейским или абазинским, и, наоборот, не все абазины владеют кабардинским и т.д.

При этом мы не всегда успешно справляемся с этой задачей в силу целого ряда объективных причин, например, из-за сложности подбора семантического ярлыка для конкретных превербов, особенно тех, в означаемом которых представлены два концепта, что мы покажем ниже.

Итак, приведем в качестве иллюстрации пример из КЯ, представляющий собой типичную реляционную (= пространственную) конструкцию в этом языке, и его корреляты (= переводные тексты из русского и английского языков):

(1) ***Тхылъ-ыр стIол-ы-м те-лъ-щ***

книгаABS столERG LOC_SUPER-лежать 3SG

(2) Книга лежит на столе.

(3) The book is on the table.

Условные обозначения:

ABS — абсолютив[15]

ERG — эргативный падеж

LOC_SUPER — семантический ярлык, передает значение ***на.***

3SG — 3 лицо, единственное число

Пример (1) нуждается в более подробных комментариях, чтобы в дальнейшем изложении можно было бы объяснить специфику категоризации статических пространственных ситуаций в КЯ.

Во-первых, непривычными для языков номинативного строя являются падежи *абсолютив* и *эргатив*. Что касается абсолютивного падежа, будем считать его в нашем случае синонимом *именительного падежа* (см. об этом [Мазурова 2007]). *Эргативный падеж* — это явление, характерное для иберийско-кавказских языков. По другой терминологии его именуют «активным падежом». Как следует из этого названия, он употребляется при глаголах активного действия в качестве субъекта (например, в конструкции «Парень пишет письмо», слово *парень* стоит в эргативе, а *письмо* — в абсолютиве). Однако в данной работе мы рассматриваем статические ситуации (*книга лежит на столе*). В таких конструкциях эргативным падежом оформляется существительное *стол.* Отсюда условимся считать, что в кабардинских текстах примеры с существительными в эргативном падеже (1) соответствуют в русском языке грамматическим объектам в предложном падеже: ср. русск ***на*** *столе,* ***у/около*** *стола*. Итак, в (1), (2), (3) мы имеем двух участников: локализуемый предмет/объект ***X*** *(фигура)* и область локализации **Y** (*фон)*. Вместе с тем в (1) обращает на себя внимание необычный порядок следования: *фон* располагается непосредственно после *фигуры,* а их соотношение в актуальной ситуации кодируется при помощи преверба и одного из трех позиционных глаголов. В качестве аналога предлога в КЯ выступает преверб ***те-***. Он соответствует предлогам (как свободным формам),

[15] Абсолютив (= абсолютный падеж) — падежная форма в языках эргативного строя; соответствует именительному падежу в языках номинативного строя (см. [Мазурова 2007]).

таким как русское *на* (2) и английское *on* (3). Однако ввиду строевых особенностей КЯ преверб всегда выступает вкупе с одним из позиционных глаголов: ср. ***те****-лъ-ын*, т.е. буквально ‘***на****-лежать’* (см. выше).

Итак, формула моделирования статической пространственной ситуации в кабардинском языке выглядит следующим образом:

X Y RV

Подчеркнем, что все компоненты таких структур (X — фигура, Y — фон, R — преверб, V — *постурал*) одинаково важны для КЯ, хотя будут подвергнуты анализу с разной степенью детализации в зависимости от специальной задачи соответствующего раздела. Что касается *постуралов* КЯ, наше внимание будет сосредоточено в основном на глаголе *щысын* ‘сидеть’ вкупе с превербом. Выбор комплексов с глаголом ‘сидения’ в основном обусловлен тем, что на шкале «активности», так сказать, *сидячее положение* занимает срединную позицию: *стояние* является самой активной локативной позицией, *лежание* ассоциируется с полным бездействием, в то время как *сидячая* поза представляет собой промежуточное положение (Newman 2002). Кроме того, по нашим наблюдениям за «языковым поведением» этого глагола именно *щысын* ‘сидеть’ чаще других обнаруживает тенденцию к альтернативной категоризации, т.е. приобретению экзистенциального значения в результате действия механизма метафоры или метонимии.

Прокомментируем в кратком виде представление особенностей категоризации статической пространственной ситуации в КЯ, для чего покажем, что понимается под каждым из четырех элементов, выраженных соответствующими символами.

В этой формуле **X** (*фигура*) накладывает ограничение на выбор позиционного глагола, т.е. его позицию могут занимать разные существительные. Это зависит от тех характеристик **X-а**, которые присущи ему по природе. Так, люди и четвероногие животные *стоят, сидят, лежат.*

Но говорящий, с точки зрения КЯ, может наделить некоторых животных разными характеристиками, считая, что рептилии *лежат/сидят,* а насекомые *сидят* (в английском языке мухи букв. «стоят» — *the fly stands*). Здесь следует иметь в виду, что это не актуальная концептуализация, придуманная для данного случая, т.е. совпадающая с моментом речи, а закрепленный в общественном (коллективном) сознании способ репрезентации ситуации, результаты которого фиксируются в системе языка. По сути, это и есть то, что в свое время Е.С. Кубрякова назвала «принципами сортировки опыта», принятыми в данном языке, или языковой категоризацией мира. Выбор конкретного преверба при кодировании пространственной ситуации определяется топологическими (= денотативными) свойствами **Y-а,** который является *фоном,* т.е. того конкретного места, в котором расположен **X.** При этом **Y** может быть плоским предметом, вертикальной поверхностью, жидкостью и т.д., или иметь такие свойства, которые не присущи ему по природе, но человек видит его таким и приписывает ему эти свойства. При этом под денотативными свойствами мы вслед за Е.В. Рахилиной [2000] будем понимать не физические характеристики экстралингвистического (природного) объекта, а семантические свойства, т.е. такие характеристики и свойства, которыми объект наделяется в результате *лингвокогнитивной категоризации*, т.е. в результате деятельности человеческого разума. Так, ситуация «соринка **в** глазу» с точки зрения КЯ буквально осмысляется как «**под** глазом». Ср. также «птичка на дереве» и *“the bird is in the tree”*. Как видно, ситуации одни и те же, но человек наделяет их разными семантическими свойствами (дерево как плоскость в русском языке, дерево как емкость в английском).

Прокомментируем теперь морфемный комплекс, обозначаемый как **RV** (***те***-*лъ*-*ын* ‘**на**-лежать’). Как отмечалось выше, такие комплексы именуются *локативными* (ЛК). Структурно они членятся на три морфемы (если учитывать грамматический формант — показатель инфинитива). Рассмотрим структуру ЛК на примере *те-лъ-ын*, который состоит из:

1) преверба **те-**, представляющего в нашей формуле компонент **R** (коррелятами в русском и английском языках выступают соответственно предлоги *на* и *on*);

2) корневой морфемы **-лъ-** (‘лежать’);

3) форманта инфинитива **-ын**, который в нашем анализе не участвует. Второй и третий компоненты вместе образуют компонент **V** (постурал) в формуле.

Семантически данный ЛК кодирует ситуацию статического расположения объекта **X** на плоскости объекта **Y**. В отличие от русского и английского языков, в КЯ преверб и глагол позиции образуют неразрывное лексическое целое. Именно эта слитность позволяет комплексу *те-лъ-ын* функционировать как самостоятельная предикативная единица: он легко принимает показатели грамматических категорий (ср. *те-лъ-щ* ‘лежит’), что подтверждает его статус лексикализованной единицы.

Для полного представления об инвентаре ЛК с участием всех трех позиционных глаголов покажем их в виде таблицы.

Таблица 2

Глаголы позиции кабардинского языка

A	B	C
1. щы-Т-ын *стоять*	***щы-С-ын*** *сидеть*	***щы-ЛЪ-ын*** *лежать*
2. бгъэдэТын стоять около Y	***бгъэдэСын*** сидеть около Y	***бгъэдэЛЪын*** лежать около Y
3. бгъурыТын стоять сбоку от Y	***бгъурыСын*** сидеть сбоку от Y	***бгъурыЛЪын*** лежать сбоку от Y
4. гуэТын быть приставленным, пристроенным сбоку от Y	***гуэСын*** сидеть сбоку от Y	***гуэЛЪын*** лежать сбоку от Y
5. дэТын	***дэСын***	***дэЛЪын***

стоять между кем-чем-л.	сидеть между кем-чем-л.	лежать между кем-чем-л.
6. жьэдэТын находиться во рту (о жидкости)	***жьэдэСын*** находиться, сидеть в пасти/во рту	***жьэдэЛЪын*** находиться, лежать во рту
7. жьэхэТын стоять близко перед Y	***жьэхэСын*** сидеть близко перед Y	***жьэхэЛЪын*** лежать близко около Y
8. иТын находиться, стоять внутри Y	***иСын*** сидеть внутри Y	***иЛЪын*** лежать внутри Y
9. къуэТын стоять за Y	***къуэСын*** сидеть за Y	***къуэЛЪын*** лежать за Y
10. кIэрыТын стоять около Y	***кIэрыСын*** сидеть около Y	***кIэрыЛЪын*** лежать боком к Y
11. кIэщIэТын стоять под Y	***кIэщIэСын*** сидеть под Y (касаясь Y)	***кIэщIэЛЪын*** лежать под Y
12. кIуэцIыТын находиться внутри Y (о завернутом)	***кIуэцIыСын*** сидеть внутри Y (о живом, напр., мышь в свертке)	***кIуэцIыЛЪын*** лежать внутри Y (напр., конфеты в свертке)
13. пэрыТын стоять перед Y (об огне)	***пэрыСын*** сидеть у/перед Y	***пэрыЛЪын*** лежать перед Y (у костра)
14. пэщыТын стоять перед/напротив Y	***пэщыСын*** сидеть перед/напротив Y	***пэщыЛЪын*** лежать перед/напротив Y
15. пыТын расти, висеть на Y	***пыСын***	***пыЛЪын*** лежать на кончике

	сидеть на кончике, на краю	
16. теТын стоять на Y	***теСын*** сидеть на Y	***теЛЪын*** лежать на Y
17. хэТын стоять в Y	***хэСын*** сидеть в Y	***хэЛЪын*** лежать в Y
18. щхьэщыТын стоять над Y	***щхьэщыСын*** сидеть над Y	***щхьэщыЛЪын*** лежать на/над Y
19. щIэТын стоять под Y	***щIэСын*** сидеть под Y	***щIэЛЪын*** лежать под Y
20. IуТын стоять у/около Y	***IуСын*** сидеть у/около Y	***IуЛЪын*** лежать у/около Y

В таблице представлен список локативных комплексов КЯ в количестве 60 единиц[16], выражающих соответствующие **статические** пространственные ситуации. В строке **1** представлены три глагола общей (= базовой) позиции[17]. Каждый из них состоит из общелокативного преверба *щы-* и глагола позиции в виде соответствующей корневой морфемы, выражащей одну из трех специфических поз (см. об этом подробнее [Майсак, 2005: 120 и далее]. Эти глаголы не имеют конкретной «привязки» к области локализации или *ориентиру*. Так, в предложении *собака сидит* констатируется только локативное состояние фигуры, но не указываются ни ее взаимодействие с фоном, ни топологические характеристики области

[16] В действительности количество ЛК в КЯ может быть значительно больше: мы сюда не включили комитативные структуры. Так, русская фраза *сидеть рядом друг с другом* в переводе на КЯ может быть «свернута» и подведена под одну лексему *зы-бгъэдэсын*. Эта единица также представляет собой локативный комплекс и зафиксирована в словаре в виде вокабулы (а не формы слова). Таким образом, введение префикса *зэ-* в структур*у* большинства превербов (ср., например, строку **20** таблицы 2, где комитативный префикс невозможен ни в одной из ячеек) существенно увеличило бы количество таких ЛК. Вместе с тем, хотя ЛК с комитативным аффиксом были исключены из основного списка, для демонстрации природы этих структур, мы более подробно рассмотрели несколько примеров (см. далее).

[17] Термины *общая позиция* и *частная позиция* заимствованы нами из [ГАК 1996: 9–10], в которой рассматривается выражение пространственных отношений в предложных конструкциях. В настоящей работе они применяются нами при описании различий в семантике локативных комплексов.

локализации. Если же глагол содержит преверб, в структуру которого встроена специфика расположения *фигуры* и *фона,* перед нами ЛК частной позиции: ср. ***те-****сын* ‘**на-**сидеть’, ***бгъуры-****сын* ‘**рядом-**сидеть’, ***и-****сын* ‘**в-**сидеть’. В таком случае приходится сделать допущение о том, что в КЯ отсутствуют структурно простые *глаголы позиции (постуралы)*. Ср. глаголы-корреляты кабардинских постуралов — *стоять, сидеть, лежать* и *stand, sit, lie*, которые являются структурно простыми. Отсюда при отсутствии простых позиционных глаголов в КЯ, за исходную форму нами принимаются три ЛК *общей позиции*, которые представлены в строке **1**. Вместе с тем при необходимости уточнения соотношения *фигуры* и *фона* в актуальной ситуации преверб *щы-* «исчезает», и его место занимает один из **19** локальных префиксов (= превербов), которые, будучи когнитивными аналогами пространственных предлогов русского и английского языков, классифицируют, конкретизируют, модифицируют и детализируют то, как соотносятся локализуемые объекты **X** с областью локализации **Y**. Как видно, в каждом из трех столбцов корневая морфема остается неизменной и выделена для большей наглядности в виде заглавной буквы (ср.: **Т**, **С**, **ЛЪ**). Превербы в таблице представлены в алфавитном порядке, каждому из них отведена одна строка, пронумерованная соответствующей цифрой. Столбцы обозначены буквами А, В, С, каждая из которых соответствует одной корневой морфеме. Таким образом, пересечение строки и столбца представляет собой одну ячейку, которая соответствует одному локативному комплексу или лексеме. Возьмем ячейку **16 В** (ЛК *те-сын* ‘**на-**сидеть’) в качестве образца по нескольким основаниям: самый легкий для восприятия неносителями языка, относительно простой по формальной структуре (графической и звуковой), имеет в английском и русском языках эквивалент в виде простых предлогов. Вместе с тем, как видно, другие превербы реализуют значение «рядом, около» (по данным Словаря). Поскольку наше внимание в основном направлено на глаголы со значением *щысын* ‘сидеть’, мы взяли все ЛК из столбца **В** (всего 20 единиц). При

необходимости (= при нехватке ситуаций и примеров), обусловленной денотативными (= топологическими) свойствами *фигуры* и *фона*, будем обращаться к другим ЛК из столбцов А и С. Так, например, все ЛК в строке **6** (столбцы А, В, С) кодируют в общем случае ситуацию нахождения **X** во рту (**Y**). Очевидно, что это может быть любой Х (конфетка; палка в пасти собаки), который способен находиться во рту человека или животного. Но при этом количество Х-ов для ячейки **6В** (*жьэдэсын*) в КЯ довольно ограничено. Например, во рту могут буквально «сидеть» насекомые: букашка, муха, комар или пчела, случайно попавшие туда, но обязательно еще живые, иначе они попадут в ячейку **6С**, т.е. будут считаться «лежащими». Поэтому, если в русском языке вполне естественно звучит вопрос: «Что <там> у тебя во рту?», кабардинцы обязаны при ответе не только назвать этот объект, но обязательно указать, как мы не раз отмечали, какую «частную» позицию он занимает, т.е. что он там «делает». Однако ротовая полость человека или животного представляет собой специфический объект с ограниченными возможностями, конкретное расположение объектов в закрытой ротовой полости непосредственному наблюдению не поддается. В таких случаях при описании не очень очевидных ситуаций мы будем обращаться к «соседним» ячейкам в строке, т.е. использовать ЛК с глаголами ‘стоять’ и ‘лежать’ (столбцы **А** и **С**). Еще раз повторимся, что для обеспечения более «комфортного» восприятия материала после названия ЛК сразу подается его приблизительный перевод на русский язык или же калька (‘**на**-лежать’, ‘**грудь**-сидеть’ и т.д.).

2.1.3. Пространственные конструкции с глаголом *щысын* ‘сидеть’. Общие замечания

В предыдущих разделах мы с теоретических позиций показали, что в европейских языках, в том числе в русском, как языках со свободными формами, статическая пространственная ситуация кодируется при помощи пространственных или реляционных конструкций. Последние состоят из трех элементов: *фигура, фон* и *релятор;* как правило, в простейшем случае именно

релятор (ср. предлоги *в, на,* и *in, on*) показывает, в каком пространственном соотношении находятся *фигура* и *фон*. С определенной степенью условности нам придется сделать допущение о том, что все глагольные лексемы КЯ, кодирующие статическую пространственную ситуацию, являются производными от трех глаголов базовой или общей позиции, которые и принимаются за исходные (см. таблицу 2). Исходя из этого, чтобы понять природу всех ЛК, включающих корневую морфему глагола ‘сидеть’ [см. об этом Хатухова 2023], кратко рассмотрим лексикографический портрет единицы *щысын* ‘сидеть’ как базового глагола, выражающего это значение. В локативных комплексах этот позиционный глагол представлен в качестве производящей базы в виде корневой морфемы -**с**-, которая является носителем идеи «занимать сидячее положение». Иную интерпретацию соотносительные комплексы могут получать в других кавказских языках. Так, исследователи З.И. Керашева и Л.П. Чкадуа считают, что «статические глаголы, корень которых составляют локативные превербы, помимо выражения местонахождения предмета, часто выступают и в переносном значении» [Керашева, Чкадуа, 1977: 109].

В нашей работе локативные комплексы приравнены к лексическим единицам, которые выступают в СКЧЯ в виде заглавных слов в словарной статье. В этой связи для разграничения анализируемых ЛК по их семантическим особенностям, как уже было сказано выше, мы, вслед за В.Г. Гаком, ввели термины глаголы общей и частной позиции. К *глаголам общей позиции* относятся *щытын* ‘стоять’, *щылъын* ‘лежать’ и *щысын* ‘сидеть’. Каждый из этих глаголов представляет собой локативный комплекс с превербом *щы-* и соответствующей корневой морфемой. Все остальные глаголы таблицы 2 в качестве рабочего термина мы обозначаем как *глаголы частной позиции.* Кратко проанализируем семантическую структуру *базового глагола* (= глагола общей позиции) *щы**С**ын* ‘сидеть’ так, как она представлена в СКЧЯ. Будучи типичным ЛК, этот глагол объединяет в себе идеи сидения (собака *сидит*) и локализации (собака *сидит у ворот*). В дальнейшем

изложении глагол общей позиции *щысын,* лексема *щысын* и ЛК *щысын* используются синонимично. При этом следует иметь в виду, что за одной ячейкой закреплен строго один ЛК (ср.: ЛК *тесын* ‘сидеть на’ или ячейка **16В**).

2.1.4. Семантические особенности ЛК *щысын* ‘сидеть’

В соответствии с предметом нашего исследования мы ранее провели сопоставительный анализ этого глагола с его коррелятами в других языках [Хатухова 2023], на результаты которого будем частично опираться в этом разделе. Итак, по данным СКЧЯ позиционный глагол *щысын* ‘сидеть’ имеет четыре значения, которые в общем случае передаются при помощи русских дефиниций[18]. Условимся считать, что этот глагол (= локативный комплекс) в КЯ служит для выражения локативного состояния или позы (наряду с *лежанием* и *стоянием*), в которой пребывает субъект.

Первый ЛСВ передается через русский эквивалент «сидеть» и сопровождается следующими примерами: а) *зыгуэрым тесын* «сидеть на чем-л.» (= ‘**на-**сидеть’); б) *нарты* ***сидели*** *шумной компанией, попивая хмельной напиток*[19]. Такая подача (через русский перевод) обусловлена, как оказалось, не только стремлением обеспечить более широкий доступ неносителей КЯ к материалам Словаря, как заявлено авторами, но и объективным положением вещей. Так, в кабардинской лексикографической традиции еще не определены (= не «придуманы») идентификаторы, через которые можно было бы толковать идею сидения (ср. также *стояния* и *лежания*), выраженную глаголом *щысын* ‘сидеть’ в КЯ. Сравним с определением глагола *сидеть* в русских словарях: *«занимать положение, при котором туловище поддерживается вертикально, опираясь на ягодицы»* [Ефремова].

[18] Материалы КЯ, извлеченные из лексикографических источников, анализируются, как правило, на основе СКЧЯ; русские эквиваленты заглавных слов КЯ анализируются по разнообразным лексикографическим источникам русского языка. Если такая необходимость не возникает, ссылки на конкретные русские словари не приводятся. Все лексикографические источники, которые использованы нами в работе, представлены в списке литературы. Таким же образом мы поступили и с английскими примерами: они извлечены из известных словарей, которые приведены в конце работы.

[19] Нарты — герои адыгской мифологии.

Формулировки дефиниций этого значения в разных словарях русского языка в основном совпадают по своему содержанию. Однако предложить толкование этого значения на КЯ было бы чрезвычайно проблематично: в кабардинском языке нет эквивалентов таких слов, как *занимать*, *положение*, *поддерживаться*, *вертикально* и т.д. Таким образом, получается, что идея сидения в КЯ (глагол *щысын*) может быть объяснена только через конкретную локализацию или наглядный пример, т.е. через ЛК *тесын* «сидеть на чем-л». Обратимся к примеру (б), которым авторы сопровождают этот же ЛСВ. По нашему мнению, примеры (а) и (б) не могут в строгом смысле служить иллюстративным материалом для одного и того же ЛСВ, поскольку в них реализуются два разных значения: в примере (а) фиксируется значение «занимать конкретное положение относительно чего-л.» (*сидеть на стуле*, например), тогда как в примере (б) реализуется значение «находиться где-л. с целью отдыха, развлечения». Практически во всех словарях русского языка эти дефиниции разводятся как самостоятельные значения. Таким же образом должно обстоять дело и в КЯ, поскольку это два разных значения. Сравним для подтверждения этого несколько кабардинских примеров, "одобренных" нашими информантами:

i. *Дапщэрэ сыблэмыкIами, лIыжьыр зэпымууэ* ***щыст.***

Когда бы (= сколько бы раз) я ни проходил мимо, старик постоянно **сидел** (ср. англ. *I saw him sitting*) — занимал сидячее положение.

ii. *Дыгъуасэ дызыдэщы Iэ хьэгъуэлIыгъуэм Iейуэ дахэу* ***дыщысащ.***

Мы прекрасно **посидели** на свадьбе, на которой мы были вчера.

Сравнение лексикографического представления глагола *щысын* в терминах, предложенных СКЧЯ, с теми примерами, которые мы получили при работе с информантами, свидетельствует о необходимости уточнения принципов составления текстов словарных дефиниций и иллюстраций к ним. Так, не подлежит сомнению, например, то, что в примере ii (*посидели на свадьбе*) реализуется не локативное значение, связанное с сидячим

положением человека (как предлагает СКЧЯ), а времяпрепровождение. Иными словами, два разных значения объединены. В подтверждение этого можно привести пример из русского языка: *«Вчера мы хорошо **посидели** на дне рождения, вернулись за полночь».* Далее в СКЧЯ приводятся еще три значения для ЛК *щысын,* которые трактуются следующим образом:

- «располагаться, находиться»:

*Псым адэкIэ адрей къуажэр **щысщ**.*

Там за рекой находится (= *сидит*) другое село.

- «сидеть в тюрьме»:

*Хьэмид ягъэтIысри зыкъомрэ **щысащ**, итIанэ къэкIуэжри къалэм Iэпхъуащ.*

Хамида посадили, и он долго ***сидел***, затем вернулся <в родное село> и переехал в город.

- «вдовствовать, жить одиноко»:

*Хьэбибэ къикIыжа иужькIэ, лIэжыху изакъуэу **щысащ**.*

После развода Хабиба до самой смерти вдовствовала, букв. ***сидела*** одна.

Как видно, глагол *щысын* как самостоятельная лексема во многом коррелирует с русским *сидеть* и английским *sit*. Однако при выражении идеи развлечения русский язык проявляет бóльшую вариативность относительно членства в этой категории: наряду с глаголами *сидеть*/*посидеть* он располагает рядом синонимичных единиц (ср.: *мы хорошо провели время, повеселились*, *оттянулись*, *погуляли*, *потусовались* и т.д.). В КЯ с семантической точки зрения категория ***сидеть*** представляет собой обобщенную единицу, под которую можно подвести не только идею «нахождение в сидячем положении», но и другие способы времяпрепровождения, перечисленные выше. Любопытно при этом, что английский язык реализует эту же идею, не прибегая к глаголу *sit*: ср. устойчивое выражение *to have a good time* — хорошо провести время, букв. «иметь хорошее время».

Сравним следующие примеры из английской диалогической речи:

— *Did you have a good time at the party?*

— *We had a real good time.*

— *We had a roaring good time.*

— *Yeah, it was magic!*

Обобщая наши рассуждения относительно лексикографического представления базового глагола *щысын* ‘сидеть’ в КЯ, отметим, что желательно было бы следовать русской лексикографии, в которой выработаны принципы структурирования словарных статей такого рода. Наши комментарии относительно кабардинского материала направлены на усовершенствование словаря, которое опиралось бы на реальное, живое использование кабардинского языка. Мы, не осуществляя критический анализ, хотели бы придать нашим рассуждениям характер рекомендаций для будущих словарей КЯ. Как видно, в кабардинском и русском языках в примерах с рассматриваемым глаголом, несомненно, реализуются случаи семантического расширения. В СКЧЯ этот факт игнорируется (ср. примеры (а) и (б) к одному и тому же ЛСВ). Когнитивная природа механизмов семантического расширения вообще заслуживает отдельного обсуждения. Пока что мы склонны считать, что перед нами случай метонимии: нахождение на свадьбе предполагает *сидение за столом* + *сопутствующие мероприятия*.

Кратко рассмотрев семантическую структуру базового глагола *щысын* ‘сидеть’, проанализируем локативные комплексы «частной позиции» с участием этой же лексемы. Начнем с тривиальных случаев, которые не требуют особых усилий для понимания и интерпретации. Под такими случаями мы имеем в виду способы выражения статической пространственной ситуации при помощи простых превербов с «прозрачной семантикой». Как правило, такие превербы концептуально коррелируют с простыми предлогами русского и английского языков и могут быть относительно легко, без особой прагматической натяжки, переданы средствами этих языков. Более того, *фигурно-фоновые* отношения, которые категоризуются этими превербами, легко воспринимаются. Еще раз подчеркнем, что глоссирование примеров,

выражающих статические пространственные ситуации в КЯ, основывается на принципах, разработанных в [Плунгян 2002]. В данном исследовании мы также широко опирались на положения его теории в авторской интерпретации, предложенной в [Мазурова 2007], согласно которой *фигура* в адыгейском языке (а также в КЯ — Л.Х.) кодируется **абсолютивным падежом**, а фон — **эргативным** (с соответствующим падежным оформлением). Применительно к КЯ термины пространственных концептов, а также некоторые названия концептов (= семантические ярлыки) были уточнены и дополнены Р.С. Кимовым [Кимов 2010а].

В дальнейшем описании рассмотрим глагольные лексемы, выражающие частную локативную позицию, в частности нахождения X на Y-е: ЛК **16В** *тесын* ‘**на-**сидеть’, ЛК **18В** *щхьэщысын* ‘**над-**сидеть’ и еще один ЛК *щхьэ-ры-сын* ‘быть одетым на голову’ (букв. ‘**над-**сидеть’), которому мы не стали отводить место в таблице 2. Это связано с тем, что данный ЛК описывает исключительно ситуацию нахождения головного убора на голове. Обязательным условием при этом является то, что головной убор (X) по размеру значительно меньше головы (Y). Ср.: совсем маленькая по размеру тюбетейка (= головной убор без полей) сидит на большой голове человека (иногда куклы). В системе КЯ имеются два номинативно специализированных глагола (ср. рус. *одеваться* и *обуваться*) для описания ситуаций «шапка на голове» (***щхьэ-ры-гъы-н***) и «перчатки на руках» (***Iэ-ры-гъы-н***). Они содержат соответственно компоненты *Iэ* ‘рука’ и *щхьэ* ‘голова’, которые являются превербами (= еще неграмматикализованные названия соответствующих частей тела). Значение элемента *гъы-* в обоих примерах не совсем ясно. Они (эти примеры) используются редко и не влияют на ход нашего анализа и его результаты. Итак, рассмотрим два ЛК — ЛК **16В** *тесын* ‘**на-**сидеть’ и ЛК **18В** *щхьэщысын* ‘**над-**сидеть’ (‘*голова*-сидеть’).

Порядок описания материала в этом разделе следующий. Сперва приводятся словарные статьи локативных комплексов в том виде, в каком они представлены в СКЧЯ. Далее, основываясь на эмпирическом материале,

полученном нами при работе с информантами, словарные статьи некоторых лексем раскрываются более или менее подробно, их означаемое уточняется и дополняется в соответствии с новыми взглядами на природу полисемии, пространственное моделирование в естественном языке и семантику локативных превербов в когнитивном аспекте. В некоторых случаях для обеспечения доступности материала сразу после названия локативного комплекса дается буквальный перевод, семантический ярлык и простейшее схематическое представление ситуации.

2.1.5. ЛК *теСын*[20] ‘на-сидеть’

1. Сидеть на ком-чем-л. / Зыгуэрым и щIыIу исын. ЩIым тесын.

2. Жить, находиться где-л. / ЗыщIыпIэ щыIэн (букв. «находиться в каком-л. месте»).

Именно в таком виде этот ЛК представлен в СКЧЯ. Это статический глагол, выражающий идею *сидения на чем-л.* Ситуация, которая будет рассмотрена в примере, а также принципы глоссирования аналогичны тем, что характерны для другого позиционного глагола — **16С** *телъын* ‘на-лежать’. Разница между этими двумя глаголами заключается в корневых морфемах: ср. *тел**ъ**ын* в своем буквальном значении ‘*на-лежать’ и тес**ы**н* в значении *‘на-сидеть*’.

Рассмотрим следующий пример:

Джэдур шэнтым тесщ.

КошкаABS стулERG LOC_SUPER-сидеть 3SG

Кошка сидит на стуле.

The cat is on the chair.

Перед нами, как видно, одна онтологическая ситуация, которая имеет специфическое оформление в разных языках (в английском языке есть своя

[20] В дальнейшем наряду с термином локативный комплекс (ЛК) будет синонимично использован термин лексема: ЛК *тесын* и лексема *тесын.*

специфика, которая не влияет на нашу интерпретацию: ср. *the cat <usually> sits on the chair*, в актуальной ситуации — *is sitting on the chair*).

Как видно, первый ЛСВ лексемы *тесын* ‘**на-**сидеть’ обозначает не просто локативное состояние, но и конкретную локализацию *фигуры* — человека или животного, а также насекомого. Если в русском и английском языках эта локализация выражается аналитически, с помощью предлогов (*на, on)*, то в КЯ она кодируется морфологически, в составе самого локативного комплекса (превербом *те-*). Будем считать, что первый ЛСВ представляет собой прототипическое значение лексемы. Ее семантическое расширение порождает второе значение, которое в СКЧЯ определяется как «жить, находиться где-л». В этой связи возникает закономерный вопрос о том, какое отношение имеет к этой дефиниции ЛК *тесын* ‘**на-**сидеть’. Как сама дефиниция «жить, находиться где-л» (весьма расплывчатая), так и иллюстративные примеры к ней, на наш взгляд, малоинформативны. Работа с информантами, однако, позволила выявить когнитивные основания такого семантического расширения (ЛСВ 2). Как оказалось, это значение реализуется в примерах типа:

станцым тесын — «жить на станции» (= *станция* ***на****-сидеть*). Когнитивное основание использования преверба *те-* в данном контексте заключается в следующем. Лексема *станция* в русском языке, из которого она попала в КЯ, имеет несколько значений, среди которых выделим два, каждый из которых образован в результате метонимического сдвига. Ср.: *станция* — «пункт остановки поезда (или товарного состава)»; *станция* — «ограниченное количество домов, в которых проживают люди, имеющие отношение к функционированию этой станции (рабочие, составители поездов и т.д.)». Место остановки поездов, как правило, устраивалось на насыпи, высокой платформе. Отсюда ситуация нахождения человека (людей) на платформе (станции) перенеслась на небольшие поселения, которые располагались поблизости. Здесь мы имеем два варианта:

(а) Нышэдибэ лъандэрэ ар станцым тесщ, мафIэгум поплъэри.

Он с самого утра сидит (= на-сидит) на станции (= вокзале) в ожидании поезда.

(б) *Ахэр игъащIэми станцым тесащ.*

Букв. — Они всю жизнь сидели на станции, т. е. прожили в домах (частных и государственных), которые находились в непосредственной близости к станции или вокзалу.

Нетрудно видеть, что в (а) мы имеем дело с актуальным нахождением в сидячем положении на станции в ожидании поезда. В то же время в (б) реализуется идея проживания вблизи станции, которая, территориально разрастаясь, со временем превращается в населенный пункт. Во время составления СКЧЯ не было принято широко работать с информантами, т.е. с «живым» языком, поэтому в своем большинстве иллюстративные примеры черпались из «проверенной» художественной литературы, фольклорных текстов, «отшлифованных» газетных статей, прошедших тщательную фильтрацию. Единичные примеры, полученные нами, показывают, что из повседневной жизни исчезли/исчезают реалии, которые служили исходным основанием для категоризации некоторых единиц с участием ЛК *тесын* ‘на-сидеть’. Так, в СКЧЯ имеется лексема *тыкуэнтес* в значении «продавец» (= магазин-***на****сидящий*), которая является результатом сращения двух компонентов фразы *тыкуэным* ***те****сын* — букв. «магазин **на**-сидеть». Здесь ситуация в некотором смысле аналогична (а). В некоторых селах КБР имеется вариант *лавкIэтет* «стоящий на лавке» (= лавка-***на****стоящий*) от слова *лавка* — «небольшой магазин, названный от лавки, на которой торговцы (лавочники) раскладывали свой товар» [википедия]. Слово *тыкуэн* восходит к арабскому *дукан* «лавочка, магазинчик». При этом любопытно отметить вариативность корневых морфем -**с**- и -**т**- в этих локативных комплексах. Так, в одном случае владелец, по мнению информантов, буквально «***на-****сидит*», а в другом — «***на-****стоит».* Вместе с тем оба заимствованных слова вышли из активного употребления ввиду исчезновения из быта референтов *лавка* и *дукан*, которые впоследствии были вытеснены общеупотребительным словом *магазин.* В

результате лексема *тыкуэнтес* (магазин-***на***сидящий) была заменена русскими эквивалентами «продавец» / «продавщица».

ЛК *тесын* ‘на-сидеть’ имеет еще и метафорическое значение «быть на чьем-либо иждивении». Ср. следующий пример:

(в) *Сэ унагъуи-тI къы-с-те-с-щ*

я семья-два ILL:1PRS:LOC_SUPER-сидеть

На моем иждивении находятся (букв. «на мне сидят») *две семьи.*

(Ср. рус. *на моей шее сидят…*)

Морфема *къы-* имеет иллативное значение и используется как в динамических, так и статических ситуациях (в данном примере).

Таким образом, семантика ЛК *тесын*, которая «складывается», как можно видеть, из семантики преверба и позиционного глагола, развивается по двум осям семантического развития — метафорической и метонимической:

СИДЕТЬ НА ПОВЕРХНОСТИ ЧЕГО-ЛИБО > ПРОЖИВАТЬ, ПРЕБЫВАТЬ В КАКОМ-ЛИБО МЕСТЕ > ЗАНИМАТЬСЯ КАКИМ-ЛИБО ДЕЛОМ В ОПРЕДЕЛЕННОМ МЕСТЕ > БЫТЬ НА ИЖДИВЕНИИ, ЖИТЬ ЗА СЧЕТ КОГО-ЛИБО.

Как показывает анализ, семантическое расширение ЛК *тесын* ‘на-сидеть’ определяется особенностями *фона*, т.е. теми топологическими характеристиками, которыми его «награждает» коллективное языковое сознание. В некоторых случаях в категоризации *фона* в КЯ мы видим сходство с русским языком (ср. *сыхьэтиткIэ станцым/вокзалым сы**те**сащ* и *я просидел на станции/вокзале два часа*). Итак, при поморфемной нотации преверб *те-* получает семантический ярлык LOC_SUPER. Этимологию преверба на современном этапе выяснить не удается: невозможно возвести его к какой-либо самостоятельной основе или лексеме.

2.1.6. ЛК *щхьэщысын* ‘сидеть над Ү-ом’ (= ‘голова-сидеть’)

Данная лексема характеризуется низкой частотностью употребления. Она содержит преверб *щхьэ-*, который восходит к одноименному соматизму

щхьэ ‘голова’. Ситуацию, описываемую этим комплексом (ячейка **18B**), можно представить формулой X Y, где X находится над Y-ом (букв. ‘**над**-сидеть’ или ‘**голова**-сидеть’). При глоссировании используется семантический ярлык LOC_ABOVE. По нашим наблюдениям преверб *щхьэ*- в определенной степени семантически коррелирует с русским *над* и английским *above*[21] в их пространственном употреблении. Прототипическая ситуация:

i.

X сидит <склонившись> над Y-ом.

Варианты X-а: человек, четвероногое животное.

Варианты Y-а:

- человек или животное в лежачем положении;

- мелкая техника (мотоблоки, бензопила, газонокосилка), которая ремонтируется в актуальной ситуации (момент речи);

- сковородка, кастрюля с едой (чаще не очень одобрительно).

Обязательное условие использования этого ЛК для описания ситуации: **X** должен находиться пространственно значительно **выше Y-а**: бензопила на земле, мастер над ней. Если **X** и **Y** пространственно находятся на одном уровне, то используется ЛК *бгъэдэсын* (см. 2.1.9, примеры i и ii).

ii.

Линэ сымаджэм ***щхьэ*-*щы-с-щ***

ЛинаABS больной ERG LOC_ABOVE-сидеть

Лина сидит с больным (букв. «сидит над головой»).

Данная ситуация описывает уход за лежачим больным: X (ухаживающий) сидит на стуле или кровати, а Y (больной) лежит. X как бы оказывается над ним, т.е. над его головой. Ни в русском, ни в английском языках предложные обороты, эквивалентные фразе «сидеть над больным»,

[21] В данном случае частеречная принадлежность (наречие/предлог) этих единиц в русском и английском языках не принимается нами во внимание. Но важно другое: в ЛК ***щхьэ*-*ры-сын*** ‘быть одетым на голову’, букв. «сидеть на голове», преверб *щхьэ* используется в своем прямом номинативном значении (см. с. 123). Тогда возникает вопрос: в таких случаях лексема *щхьэ* — это преверб (= грамматикализованный отсоматизм) или метафоризованное существительное (название части тела)? Пока мы не имеем однозначного ответа.

невозможны. В случае, если Y — больной, способный ходить или сидеть, то язык считает его находящимся на одном уровне с X-ом, и в этом случае используется ЛК *бгъэдэсын* (см. 2.1.9, примеры i и ii).

Сравним другие ячейки из строки **18** с глаголами *стояния* и *лежания*:

iii.

18A *щхьэ-щытын* ‘**над-**стоять’ (= *голова*-стоять)

Ситуации:

а) стоять над кем-то (ср. рус. «не стой надо мной, <садись>);

б) курица над цыпленком (стоит, а не сидит);

в) Аллах над нами (букв. «стоит»).

Алыхьыр къы-т-щхьэ-щытщ

АллахABS ILL-мы-LOC_ABOVE-стоит

iiii.

18C *щхьэ-щылъын* ‘**над-**лежать’ (= *голова*-лежать)

Ситуации:

а) человек, мучимый жаждой, припадает к роднику и пьет из него (лежит над ручьем);

б) крышка от пластиковой бутылки накручивается как колпачок, поэтому она букв. ‘**над-**лежит’ (***щхьэ**щылъщ*).

Однако: крышка от кастрюли <она плоская> лежит **на** кастрюле (**16C *те**лъын***), а не **над** кастрюлей (**18C**).

Подытоживая, отметим важную особенность. Все глаголы таблицы 2 сгруппированы на глаголы *общей (= базовой) локативной позиции (щытын, щысын, щылъын)* и глаголы *частных локативных позиций* (см. строки 2-20). При этом, как показано выше, три базовых глагола подвергаются словообразовательным трансформациям при их использовании для выражения частных пространственных ситуаций (‘**на-**сидеть’, ‘**на-**стоять’, ‘**на-**лежать’ и т.д.). В таких случаях, как правило, общелокативный преверб *щы-* устраняется, «уступая» место локативному превербу, выражающему

конкретную ситуацию. Ср., например, **1В** *щыСын* и **3В** *бгъурыСын* (см. раздел 2.1.7.). Здесь видно, что ЛК *щысын* ‘сидеть’ теряет преверб *щы-*, а его место «занимает» отсоматический преверб *бгъу* в значении ‘сбоку, рядом’. Примечательно, что в случае со всеми глаголами строки **18** при выражении значений «стоять/сидеть/лежать над» (ср. примеры і, іі, ііі, іііі) такие трансформации невозможны. Ср. ЛК ***щхьэ-щы-с-ын*** и *ЛК **щхьэ**-с-ын. Как видно, префикс *щхьэ-* соединяется с корневой морфемой **-с-** только опосредованно, т.е. общелокативный преверб сохраняется.

2.1.7. ЛК *бгъурысын* ‘сидеть сбоку, рядом’ (= ‘бок-сидеть’)

LOC_BESIDE-сидеть

Локативный комплекс состоит из морфем: *бгъу* + *ры* + ***с*-ын**

Морфема *бгъу-* восходит к самостоятельной основе (= лексеме) *бгъу* в значении ‘бок, боковая сторона’, т.е. к одноименному соматизму. В словообразовательных актах она присоединяется к корневой морфеме ***-с-*** ‘сидеть’, но при обязательном посредстве наращения (своеобразного интерфикса **-ры-**). Появление интерфикса объяснить на данном этапе невозможно. СКЧЯ определяет значение этого глагола в виде переводного текста следующим образом: *зыгуэрым ибгъукIэ щысын* / сидеть сбоку от, рядом с кем-чем-л. Далее следует пример:

1. *Адакъэр джэдым* ***бгъу****рысщ.*

ПетухABS курица ERG LOC_BESIDE-сидит

Петух сидит рядом с курицей < *на насесте*> (= **бок**-сидит).

Несмотря на то, что *фигура* (ABS) и *фон* (ERG) оформлены в соответствии с правилами грамматики КЯ, информанты считают, что в данном случае они обладают р а в н ы м статусом (ср. рус. *петух сидит рядом с курицей* и *курица сидит рядом с петухом*), поэтому предпочтительнее сказать, что они *сидят рядом друг с другом*, т.е. используя конструкции с аффиксом

зэ-, которые в КЯ выглядят более естественно[22]. Это мы связываем с тем, что падежная морфология в КЯ по сравнению с русским языком развита слабо. Более того, собственные имена, а также некоторые заимствованные термины родства (ср. *папа, мама*) в общем случае практически лишены падежного оформления.

Ср.:

2. *Папэ мамэ* ***бгъу****рысщ.*

Папа сидит рядом с мамой.

Букв. ‘папа мама **бок**-сидит’.

Здесь, как видно, и *фигура*, и *фон* обладают «равным» статусом: непонятно кто кому «придан». Для сравнения приведем примеры из трех языков, описывающие без особых прагматических натяжек тождественный концептуальный сценарий:

3. Коля сидит *рядом* с Женей.

4. Коля и Женя сидят рядом друг с другом / бок о бок.

5. Mike sits **next to** Jane (in class).

6. Mike and Jane sit *side by side* / *next to each other*.

6a. *Mike and Jane are sitting side by side / next to each other.*

7. *Иннэ Нусэ* ***бгъу****рысщ* (= ‘**бок-**сидит’).

Ср. следующий пример:

8. Жэмы-р гуу-м бгъу-ры-с-щ

коровaABS – быкERG - LOC_BESIDE-сидит

Корова сидит рядом с быком (= ‘**бок-**сидит’).

В (3) падежные флексии русского языка «помогают» понять кто́ является *фоном*, а кто — *фигурой*.

В (4) участники пространственной ситуации «равноправны»: во всяком случае, язык видит их такими. Такая же «картина» наблюдается и в английских примерах. Так, из (5) ясно, что Mike выступает в качестве *фигуры* по

[22] Существует иной взгляд относительно частотности таких конструкций: примеры симметричности или равноправности участников пространственных ситуаций являются, по мнению М.В. Филипенко, редкими. Ср. примеры: *Сосна и ель росли недалеко друг от друга; Сядьте поближе друг к другу* [Филипенко 2000: 23].

отношению к Jane. В (6) мы видим равноправие *фигуры* и *фона.* Пример (6а) приведен специально, чтобы показать актуальное (совпадающее с моментом речи) расположение *фигуры* и *фона*.

Относительно кабардинских примеров, в частности (7), отметим, что ни *фигура* (Иннэ?), ни *фон* (Нусэ?) не отмечены никакими падежными флексиями, что вносит, мягко говоря, путаницу в идентификацию статуса участников в актуальной ситуации. Иными словами, остается непонятным, кто является *фоном*, а кто — *фигурой*. При этом принцип выдвижения (нахождения агенса в передней позиции, как в русском, особенно в английском языке) не всегда срабатывает. Ср. примеры:

i.

Вовэ Юрэ еуащ.

Вова ударил Юру.

Букв. ‘Вова Юра ударил’.

ii.

Вовэ Юрэ къигъэпцIащ.

Вова Юру обманул.

Букв. ‘Вова Юра обманул’.

В обоих случаях (i) и (ii) кабардинцы, как правило, переспрашивают для выяснения агенса.

Ср. (i) *хэт еуар? хэт зэуар?*

Кто ударил? Кого ударил?

По нашим наблюдениям, при использовании ЛК *бгъурысын (*= ‘**бок-**сидеть’) для кодирования пространственных ситуаций *фигура* по размеру должна быть меньше *фона*: а) по параметрическим характеристикам; ср.: *теленок около (сбоку от) коровы*; б) по родству: *дети рядом с матерью*; в) по социальному статусу: *ученик сбоку от учителя*. Вместе с тем можно с осторожностью предположить, что КЯ при кодировании ситуации ***X** рядом,*

сбоку от ***Y-а*** не очень строго придерживается этих ограничений и предпочитает в большинстве случаев конструкции с существительными, оформленными так называемой сочинительной морфемой *-рэ…-рэ,* которая образует категорию *союзности* или *совместности* [Кумахов 2006: 108]. В соответствии с современным пониманием этих категорий мы полагаем, что статические пространственные ситуации с «равностатусными» участниками правильнее описывать в обобщенном виде в терминах комитативных конструкций, типология которых предложена в [Архипов 2009]. В этой связи отдельно рассмотрим ЛК *зэбгъурысын* ‘сидеть рядом друг с другом’.

2.1.8. ЛК *зэбгъурысын* ‘сидеть рядом друг с другом’

Данная лексема представляет собой еще один ЛК, кодирующий пространственное расположение объектов, но не вошедший в нашу таблицу во избежание неоправданного увеличения объема исследовательского материала. Рассмотрим, чем отличаются два комплекса (ср. ЛК *зэбгъурысын* ‘сидеть рядом друг с другом’ и *бгъурысын*), опираясь на теоретические взгляды А.В. Архипова [Архипов 2009]. При этом отметим, что в структуру этого комплекса встроена префиксальная морфема ***зэ-,*** которая располагается перед локативным превербом *бгъу-* (ср. **ЗВ** *бгъурысын)*. Как было уже сказано в предыдущем разделе, этот преверб этимологически восходит к полнозначной соматической лексеме *бгъу*, обозначающей бок человека или животного.

Отдельно прокомментируем особенности префиксальной морфемы ***зэ-,*** которая определяется в СКЧЯ как «глагольная приставка, обозначающая взаимность, совместность». Вместе с тем, по нашему мнению, в дополнение к Словарю следует указать, что ***зэ-*** является не только глагольной, но также **адъективной** и **адвербиальной** приставкой. Этот факт не отмечен в Словаре, но он заслуживает краткого рассмотрения для будущих разысканий в области лексической типологии. В этой связи представляется важным проследить, чтó этот префикс, присоединяясь к основам разных частей речи, привносит в их семантику. Начнем с глагола *хуэдэн,* отметив, что эта единица не имеет

точного универбального коррелята в английском и русском[23] языках. Так, значение глагола *хуэдэн* определяется в Словаре как «быть подобным, быть сходным» (ср. англ. *to be similar*).

Рассмотрим примеры:

(1) *Мы тхылъы-р мо тхылъы-м хуэдэщ*

эта книгаABS та книгаERG подобна

Эта книга похожа на ту книгу.

При необходимости выразить идею о качестве или свойстве, «разделяемом» двумя и более участниками ситуации, глагол *хуэдэн* принимает приставку ***зэ-*** с комитативным значением. Ср.:

(2) ***зэ-****хуэдэ-н*

COMIT: подобный: INFIN

Букв. «быть одинаковым».

(3) *Мы тхылъхэ-р* ***зэ-****хуэдэщ*

эти книгиABS COMIT:одинаковый:3SG

Эти книги одинаковы (ср. англ. *the books are similar / the same*).

Как видно, в (3) выражаются одинаковые характеристики, качества, свойства и т.д. Следовательно, префикс ***зэ-*** предполагает «одинаковость», разделяемую всеми участниками ситуации.

Как отмечено выше, этот же префикс может «обслуживать» адъективные основы.

Ср.:

(4) *тхылъ* ***зэ****хуэдэ*[24]

книга/и одинаковые

[23] Хотя в русском языке есть глагол *походить на*, он очень специализирован и употребляется реже, в отличие от кабардинской лексемы, которая более высокочастотна.

[24] В английском и русском языках в атрибутивных фразах прилагательное предшествует существительному (A + N; ср. red ball и *красный шар*), в КЯ порядок расположения — левовершинный (N + A; ср. *шар плъыжь*).

одинаковые книги

Более того, глагол *зэхуэдэн* можно образовывать каузативную форму — ***зэхуэгъэдэн***. Ср.:

(5) *Быныр **зэ**-хуэ-**гъэ**-дэн хуейщ*

детиABS COMIT:равныйCAUS-делать: надо (деонт. модальность)

Смысл фразы можно буквально передать как «детей <в одной и той же семье> необходимо „одинаковить“, т.е. их надо уравнивать во всем, обеспечив равную долю в имуществе, в первую очередь. Здесь глагол *зэхуэгъэдэн* семантически весьма приближен к английскому *equalize* (рус. *уравнивать*), хотя идея каузации в английском языке интегрирована в значение глагола (ср.: women in Indonesia have secured … laws that *equalize* the rights of husbands and wives [COBUILD: 517]). Любопытно при этом, что в английском языке отсутствует глагол, связанный словообразовательными отношениями с прилагательным *similar*, но есть каузативный глагол *(equalize)* в значении «уравнять».

Возвращаясь к словарной статье лексемы *зэбгъурысын* **(**букв. ‘**вместе-бок**-сидеть’**)**, покажем, что́ префикс *зэ*- привносит в семантику этого ЛК. Так, в СКЧЯ комплекс представлен двумя ЛСВ, дефиниции которых мы приводим в русском варианте. Ср.:

ЛСВ 1: сидеть рядом друг с другом

i. *Иннэ-**рэ** Нусэ-**рэ** **зэ**-бгъу<ры>су щысщ*

COMIT_ LOC_BESIDE<ры>сидетьCONV сидеть3PL

Инна и Нюся сидят рядом.

Как видно, этот комплекс включает дополнительный префикс ***зэ***- (ср. *бгъурысын* ‘**бок**-сидеть’ и ***зэбгъурысын*** ‘**вместе-бок**-сидеть’). Примечательно, что русское слово *соседи* этимологически восходит к древнерусскому *съседети* («сидеть рядом, жить вместе»), в котором **съ** обозначает «вместе», а *седети* — «сидеть». При этом, однако, кабардинская лексема используется для

обозначения как актуальной (временное «соседство» за столом), так и постоянной ситуации. Ср. примеры в буквальном переводе с КЯ:

а) мы **со**седствуем, т.е. наши дома рядом;

б) мы вчера сидели рядом, за одним столом; но: ***со**седствовали за столом.

Если (а) является нормативным для русского языка, то (б) в обычном контексте неприемлем. Кроме того, в русском слове *соседствовать* мы наблюдаем опро́щение (невозможно вычленить **со-** из **со**седствовать).

ЛСВ 2: находиться рядом, располагаться недалеко друг от друга

ii. *КъуажитIыр **зэ**-бгъу<ры>су щыст*[25]

село-два:ABS COMIT_LOC_BESIDE<ры>сидетьCONV LOC-сидетьAOR

Эти два села соседствовали (= ‘**вместе-бок**<ом>сидя сидели’).

Пример (ii) показывает, что в данном случае глагол обозначает не собственно позу (= сидячее положение), как в (i), а реализует экзистенциальное значение «находиться, располагаться». При этом *зэбгъурысу* (‘**вместе-бок-**сидя’) — это деепричастная форма, которую при желании можно превратить в личную форму глагола *зэбгъурысын* ‘**вместе-бок**<ом>сидеть’. В предложении, как видно, наблюдается р е д у п л и к а ц и я корневой морфемы ***-с-***, которая находится в составе двух разных локативных комплексов: ср. ЛК *щысын* ‘сидеть’ и ЛК *зэбгъурысын* ‘**вместе-бок<ом>**сидеть’. При этом в (ii), в отличие от (i), перед нами случай взаимодействия метафоры (*бок села*) и метонимии (*села сидят*). Данный пример специально рассмотрен ввиду того, что здесь наблюдается взаимодействие двух ЛК со значением сидения, один из которых имеет деепричастную форму, другой осуществляет предикацию в форме аориста.

[25] Пример взят из нарративного текста. Буквальный перевод: *эти два села <в описываемое время> жили*. Фактически здесь использована форма аориста, передающая значение состояния в прошлом. Об особенностях глагольных форм в нарративных текстах см. [Татевосов, Майсак 1999].

В этой связи возникает вопрос о семантике префикса ***зэ-*** в ЛК *зэбгъурысын* ‘**вместе-бок<ом>**сидеть’. Начнем с того, что категоризация мира в КЯ опирается на две модели — антропоморфную и зооморфную, которые взаимопереплетены и зачастую конкурируют (см. об этом исследование [Кимов 2010; 2010а]). Так, видимо, при категоризации первых поселений адыги при опоре на «антропоморфную» модель идентифицировали такие «части», как: букв. (а) ‘грудь села’ (в этой части жители первыми встречают восход солнца)[26]; (б) ‘спина села’ — часть, противоположная (а). Первые поселения, очевидно, располагались вдоль рек, которые осмыслялись исключительно в зооморфных терминах (как продолговатое «живое» существо). Отсюда появились такие части села, как: (в) ‘шея села’; (г) ‘хвост села’; (д) ‘бок села’. В этой связи (д) может быть фактом любой из моделей, хотя большинство информантов склонны считать, что *бгъу* ‘бок’ при обозначении соответствующей части села носит зооморфный характер. Но главное заключается в том, что оба бока человека или животного (в том числе и рыб) симметричны. Отсюда, чтобы подчеркнуть равноправие или «одинаковость» этих самых боков, КЯ использует морфему ***зэ-***[27]. Любопытно при этом, что важнейший пространственный термин *расстояние* с точки зрения наивной картины мира (= наивной геометрии) КЯ кодируется при помощи этой же морфемы в субстантивной лексеме ***зэ****хуаку*.

Рассмотрим структуру этого существительного с семантической точки зрения. Так, известно, что расстояние в общем случае — это п р о с т р а н с т в о *между двумя объектами*. Обозначим каждый из них символом Х. Чтобы подчеркнуть равноудаленность этих Х-ов от центра, КЯ использует морфему *зэ-*.

iii. *зэ-хуа-ку*

COMIT-одинаковый-середина

[26] Однако среди информантов (в целом среди носителей КЯ) нет единства относительно такой категоризации села. Возможно, современные поселения, в отличие от ранних, «разрастаются» в разные стороны и мало зависят от непосредственной близости реки или ориентации в сторону гор и т.д.

[27] Русский язык прибегает для этих целей к оборотам типа *бок о бок* (ср. англ. *side by side*).

В переводе на русский язык это слово означает *«середина»* (букв. «*пробел*, принадлежащий двум Х-ам в одинаковой степени»). Иными словами, оба Х-а могут равновелико претендовать на середину (= пробел). Отметим при этом, что середина, центр, пространство между Х-ами, а также содержимое этого пространства (например, мякоть арбуза) в КЯ обозначаются одной лексемой *ку.*

В этой связи мы также обратили внимание на то, что в зависимости от локативного преверба глаголы сидения реализуют разные значения. Напомним, что у нас есть ЛК общей позиции *щысын* ‘сидеть’ и по крайней мере 19 ЛК частной позиции (‘**на**-сидеть’, ‘**в**-сидеть’ и т.д.). Всего 20 единиц.

Так, в ЛК ***щы****сын* ‘сидеть’ выражается одна из трех базовых локативных поз: в прямом значении кодируется поза сидения живых существ (старик *сидит,* собака *сидит*), в метонимическом — пространственное расположение неодушевленных объектов (село *сидит*, т.е расположено). В составе частного ЛК ***хэ****сын* (‘**в**-сидеть’), например, мы имеем два значения: а) ‘*быть, находиться*’ и б) ‘*водиться, обитать, жить* (о животных)’.

Обратим внимание на невозможность сосуществования значений типа (а) и (б) в означаемом глагола базовой позиции ***щы****сын* ‘сидеть’. Это является особенностью КЯ, отличающая его от русского и английского языков. Прокомментируем эту черту КЯ, исходя из анализа практического материала.

Известно, что человек и живые существа, обладающие конечностями, могут принимать любую позу (= позицию), в том числе сидячую (например, человек, корова, воробей, ящерица, муравей). Это кодируется языком при помощи ЛК базовой позиции *щысын* ‘сидеть’. Повторимся, что при кодировании любой пространственной ситуации КЯ «навязывает» объектам Х (*фигура*) один из позиционных глаголов, показывающих, чтó эти Х-ы «делают» в этой ситуации, т.е. в каком актуальном локативном состоянии (позе) они находятся в момент речи. При этом глагол *позиции* может быть или не быть привязан к *фону*: ср. *лошадь стоит*, *собака сидит* (без фона) и *лошадь стоит в стойле*, *собака сидит на сене* (с фоном). Если гипотеза

антропоцентричности языковой категоризации мира и пространственных ситуаций имеет право на существование, то глаголы позиции изначально были «предназначены» для человека (стоит, сидит, лежит), затем они стали «обслуживать» живую и неживую природу, а впоследствии распространились и на абстрактные конструкты (букв. в каб. «стоять в го́ре»). К современному этапу развития одни языки сохранили традиционные *постуралы,* другие расширили их список за счет синонимичных глаголов: *быть, находиться, локализоваться, пребывать, проживать, иметься* и т.д. Некоторые языки в отдельных случаях отказываются от них вообще: *конфеты <лежат> в коробке*. Адыгские языки (кабардинский и адыгейский) сохранили эти изначально «человеческие» глаголы, приспособив их для кодирования других ситуаций, с другими участниками. Но неизменно одно: КЯ упорно «навязывает» их при категоризации любых пространственных ситуаций. Ср.:

iiii.

Б*дзэжьейхэр зэбгъурысу псы-м хэ-с-щ*

рыбаPL:ABS COMIT:**бок<ом>**сидяCONV водаERG LOC_IN-сидят

Рыбы сидят в воде боком друг к другу.

iiiii.

Мы псым бдзэжьей куэд хэ-с-щ[28]

эта рекаERG рыбаABS много водится (= ***в-****сидят*)

В этой реке водится много рыбы.

Нетрудно видеть, что в примере (iiii) мы наблюдаем чисто «кабардинскую» категоризацию пространственной ситуации, основанную на этноспецифических принципах сортировки опыта. Иными словами, с точки

[28] Мы здесь используем ЛК **хэсын** *‘**в**-сидеть’*, в котором есть преверб ***хэ-***; в этих примерах нам важно языковое поведение глагола *сидеть*.

В КЯ лексема *псы* обозначает как воду (жидкость), так и реку (природный водный поток). При необходимости более детальной категоризации добавляется атрибут *ежэх* «сбегающий вниз». Отсюда река в КЯ — это *псы ежэх* (букв. «вода, сбегающая вниз <с возвышенности на равнину>»). Поэтому в этих и следующих примерах в переводных текстах мы используем *река* и *вода* синонимично.

зрения КЯ рыбы, пресмыскающиеся и черви входят преимущественно в категорию «сидячих» или «лежачих» животных. Логика здесь, на наш взгляд, такова: ни при каких условиях рыба не может занимать стоячее вертикальное положение (у нее нет ног); она также не может «лежать» (вспомним категоризацию постуралов в [Newman 2002]). Если она лежит — например, на боку или, чаще всего, кверху брюхом, то это отклонение от нормы, связанное с нарушениями в организме, которые могут привести к летальному исходу. Методом исключения мы должны согласиться с тем, что рыбы в воде буквально «сидят». Такую категоризацию мы назовем *облигаторной*: подходит только одна из трех опций (ср. *ласточки ‘**вместе-бок-**сидят’ на проводах*). Любопытно, однако, что базовый ЛК *щысын* ‘сидеть’ применительно к этой ситуации неприменим: значение «водиться» применительно к живым существам (в нашем случае — рыбам) реализуется только в связи с определенной областью локализации (в нашем примере это озеро, река и т.д.). Так, с точки зрения КЯ «собака весь день сидит/лежит» (бездельничает) звучит нормативно при невозможном *****рыба весь день сидит* (без указания на среду обитания). Здесь также важно еще раз подчеркнуть, что корневая морфема **-с-** только в составе частных локативных комплексов, например, *хэсын* ‘в-сидеть’ (см. **iiiiii.** и **iiiiiii.**), реализует совмещенное значение: (**iiiiii**) — экзистенциальное («существовать»); (**iiiiiii**) — локативное («водиться, жить»).

Упростив (структурно) примеры (iiii) и (iiiii), получим:

iiiiii.

Бдзэжьей-р псы-м хэ-с-щ

рыбаABS рекаERG LOC_IN-сидит

Рыба <находится, живет> в реке (= ‘**в-**сидит’).

iiiiiii.

<Мы> псы-м бдзэжьей хэ-с-щ

рекаERG рыбаABS водится/есть

В <этой> реке водится рыба (= ‘**в-**сидит’).

Примеры показывают, что в (**iiiiii**) мы имеем дело с экзистенциальным значением: среда обитания рыб — вода, это ее стихия. В то же время в (**iiiiiii**) перед нами локативное значение: фокус внимания переносится на наличие/отсутствие рыбы в конкретном водоеме. Известно, что актуальное членение предложения является языковой универсалией, что еще раз доказывает универсальный характер логического мышления, но формы выражения мысли (порядок следования фигуры и фона, использование сложного локативного комплекса и т.д.) расходятся при переходе от языка к языку. Именно эти различия и составляют то, что мы именуем языковой картиной мира (ЯКМ). Ср. английские примеры, которые можно подобрать к (**iiiiii**) *Fish live in water* и (**iiiiiii**) *There is a lot of fish in the stream*. С определенной долей осторожности можно было бы предложить две точки зрения относительно этих двух значений: а) оба значения (локативное и бытийное) сформировались в базовом глаголе: морфема **-С-** в далеком прошлом, очевидно, имела статус слова, в семантике которого эти смыслы представляли собой недискретную сущность; б) значения стали разграничиваться одновременно с формированием локативных комплексов. С такой же осторожностью можно говорить о совмещении разных категоризаций *фона* в пределах одного локативного комплекса. Л. Талми назвал такое явление термином *conflation* — совмещение в одной форме двух категориальных характеристик. Эта идея Л. Талми применительно к русскому языку плодотворно развита в работах Е.В. Рахилиной [Рахилина 2000], которая ввела в обиход *топологический тип,* обосновав возможность разной концептуализации одного и того же объекта (ср. озеро как емкость и как поверхность). Данный тезис натолкнул нас на возможность усмотреть сходство концепции Л. Талми с положениями Р. Лангакера об активных зонах: ведь, по сути, при разном топологическом (денотативном) осмыслении одного и того же объекта в разных ситуациях вовлекаются разные семантические зоны (ср. примеры *в озере* и *по озеру,* заимствованные из [Рахилина 2000:

245]). Следует отметить, что КЯ сильно ориентирован на кодирование совмещенного видения разных характеристик одного и того же объекта. Это репрезентируется в выборе преверба при категоризации одной и той же пространственной ситуации. Например, для кодирования ситуации «Х находится на базаре» КЯ прибегает к трем разным превербам в составе ЛК ***те**сын*, ***хэ**тын*, ***дэ**тын*. Преверб *те-* уже был рассмотрен выше; особенности двух оставшихся (*хэ-* и *дэ-*) будут рассмотрены в соответствующих разделах.

2.1.9. ЛК *бгъэдэсын* ‘сидеть рядом, около’ (= ‘грудь-сидеть’)

LOC_BESIDE-сидеть

Локативный комплекс состоит из преверба *бгъэ-дэ-* и глагольной основы *-с-* («сидеть»). Преверб *бгъэ-дэ-* по традиционной классификации М.А. Кумахова [Кумахов 2006] принадлежит к сложным (составным) превербам: первый элемент *бгъэ-* восходит к самостоятельной лексической единице *бгъэ* ‘грудь’ в значении ‘верхняя часть передней стороны туловища’ (ср. англ. *chest*) а *дэ-* выступает в роли наращения.

Рассмотрим лексикографическое представление ЛК ***бгъэ**дэсын* ‘сидеть рядом, около’. СКЧЯ приводит два значения (= ЛСВ), которыми, по мнению составителей, исчерпывается его семантическая структура:

1. Сидеть **около** кого-чего-л. / Зыгуэрым и гъусэу, игъунэгъуу щысын.

Утыкум ит стIолышхуэм лIыжь зытхух бгъэдэсщ.

2. Жить, проживать с кем-л. / Зыгуэрым дэпсэун.

Русский текст дефиниции ЛСВ 1 («сидеть **около** кого-чего-л.») не совсем точно, на наш взгляд, отражает смысловую структуру этого комплекса: раскрывая значение лексемы *около*, мы видим, что оно толкуется наречиями *поблизости, вблизи,* что не позволяет понять ка́к располагаются объекты. Рассмотрим в этой связи кабардинский вариант дефиниции ЛСВ 1 и переведем его на русский язык буквальным образом:

Зыгуэрым и гъусэу, игъунэгъуу щысын.

сидеть **вместе** с кем-чем-л. или **рядом** с кем-чем-л.

В качестве иллюстрации Словарь предлагает следующий пример:

i.

Утыкум ит стIолышхуэм лIыжь зытхух бгъэ-дэ-с-щ

серединаERG стоячий стол-большойERG старики пять-шесть грудь-сиделиAOR

За большим столом в центре комнаты сидело несколько стариков (нарратив).

Добавим наш пример:

ii.

*Артур компьютерым бгъэ-дэ-с-т**

Артур компьютерERG LOC_ANTE-сидетьAOR

Артур <уже> сидел за/перед компьютером (нарративный текст).

****Замечание***. Ясно, что текст нарративный и усеченный, но пресуппозицию легко восстановить: «когда я вошел, Артур уже сидел за компьютером». Семантически предложение сродни форме Past Continuous в английском языке: ср. *When I came in, Arthur was sitting at the computer*. Как вариант, при определенной прагматической натяжке допустúм *in front of the computer* (ср. *in front of the TV*). Здесь мы преследовали цель продемонстрировать, насколько форма Past Continuous семантически близка кабардинскому аористу.

Конечно, можно было бы взять форму *щысщ* «сидит», но при этом также необходима дополнительная информация для того, чтобы русское предложение имело завершенный вид. Ср.: *Артур <весь день> сидит за компьютером.* В любом случае семантическое ядро предложения заключается во фразе *компьютерым бгъэдэсын* «сидеть за компьютером». Попутно обратим внимание на то, что для выражения идеи «перед» английский язык прибегает к *front* (от франц. *front* «лоб, перед, передняя часть»).

Пример (ii) показывает, что ЛК ***бгъэдэсын*** ‘**грудь-**сидеть’ предполагает не просто нахождение *рядом*, *около*, *вместе*, *вблизи* и т.д., но и ориентацию лицом (букв. «грудью») к объекту. Русский язык для этого использует лексему *лицо* (ср. *лицом к стене*). Именно эта тонкость составляет основу прототипического (= первого) значения данной лексемы в КЯ. Другого канонического способа кодирования именно этой ситуации (ii), кроме как через этот комплекс, язык не предлагает: *боком* к компьютеру сидеть нельзя, равно как и просто *около* или *возле* него, поскольку соответствующие кабардинские наречия не предполагают «достижения» непосредственной степени контакта с гаджетом, достаточного для работы с ним. Ср. еще примеры:

iii.

Къа-кIуи тIэкIу ***къыдбгъэдэс****, уэри утеунщ*

<Ты> ILL-IMPприходи и немного ILL:мы-LOC_BESIDE-сидеть:IMP и ты отвлечешься <от дел>

Приходи и посиди с нами, <таким образом> и ты отвлечешься <от дел>.

iiii.

Дыгъуасэ Iэнэ бэлыхь ***дыбгъэдэсащ.***

вчера стол прекрасный мы-**грудь-**сидели

Вчера мы сидели за прекрасным столом.

iiiii.

Дыгъуасэ Хьэсэн ***дыбгъэдэсащ****, гукъыдэмыжти.*

вчера Хасан мы-**грудь-**сидели <так как> занемог

Вчера мы навестили Хасана <у него дома> по причине его недомогания.

Из (iii, iiii) явствует, что ЛК *бгъэдэсын* ‘**грудь-**сидеть’ прямо или косвенно предполагает застолье разного формата (от простого чаепития до «серьезных» блюд — с выпивкой или без). В (iiiii) компонент «застолье» также

имплицитно присутствует. Хасан, скорее всего, уважаемый человек (не обязательно родственник), который заслуживает внимания, его давно не видели, возможно, он приболел, его навестили, отвлекли от мрачных мыслей, и финалом этого визита было застолье. В случае, если человек болеет и его посещают с целью справиться о здоровье, в КЯ имеется многозначный глагол *щIэупщIэн* (букв. «спросить»), одно из метонимических значений которого — «проведать больного». В (iiiii) мы имеем дело с легким (“нетяжелым”) случаем, поэтому ЛК *бгъэдэсын* ‘**грудь-**сидеть’ как раз подразумевает возможность небольшого застолья.

В этой связи для иллюстрации ЛСВ 1 (см. выше) более уместным был бы пример (ii), репрезентирующий прототипическую ситуацию. При этом в дефиницию необходимо добавить указание *обратившись, обратив лицо в сторону кого-, чего-л.* [картаслов]. Ясно, что в КЯ это будет *бгъэ* ‘грудь’. Что касается (i), который подается самим словарем, мы склонны считать, что он не совсем подходит для иллюстрации прототипических случаев (ср. ii), причина чего будет показана ниже.

Как видно, этот этап описания (ср. примеры i–iiiii), который исчерпывается ЛСВ 1, позволяет выделить для ЛК *бгъэдэсын* ‘**грудь-**сидеть’ по крайней мере три самостоятельных значения в зависимости от выражаемого смысла:

а) сидеть лицом к человеку или объекту (ii);

б) посидеть в компании (i, iii, iiii);

в) проведать кого-либо (iiiii).

В этой связи в будущих изданиях СКЧЯ (надеемся, что они последуют) необходимо более тщательно подбирать иллюстративный материал, поскольку на данный словарь и его последующие переиздания обоснованно возлагаются надежды не только на сохранение кабардинского языка, но и на адекватное описание его семантики. При этом следует особо учесть, что постоянно расширяющийся круг пользователей словаря будет состоять не только из лиц, слабо владеющих родным языком, но и из тех, для которых он

является неродным. Наши рассуждения нельзя рассматривать как разработанные рекомендации по составлению будущего словаря, а скорее как попытку обратить внимание тех, которые будут задействованы в его составлении, на некоторые тонкости КЯ. При этом мы полагаем, что рассмотренные нами случаи семантического (= концептуального) расширения кабардинской лексемы можно было бы описать в терминах *активных зон*, предложенных Р. Лангакером (см. [Рахилина 1998]). Понятие активных зон, по справедливому мнению Т.Г. Скребцовой (в концептуальной интерпретации), пересекается с понятием метонимии. Под *активными зонами* Р. Лангакер [Langacker 1991a: 190] понимает ту часть траектора и/или ориентира, которая непосредственно участвует в ситуации, обозначенной соответствующим реляционным выражением (цит. по [Скребцова 2018: 172]). Отсюда можно полагать, что в означаемом рассматриваемого комплекса наблюдаются разные семантические зоны, которые активизируются в зависимости от контекстуального окружения, в которое попадает лексема. Под такой активизацией мы понимаем «высвечивание» в конкретных контекстах определенных семантических участков лексемы, которые обеспечивают ее использование во вторичной номинативной функции.

Замечание. Ясно, что без посредства русского языка не «состоялся» бы толковый словарь СКЧЯ, как и настоящее исследование. Русский язык является и метаязыком нашего описания, и языком-посредником. В общем случае мы исследуем позиционные глаголы со значением «сидеть» в русском, английском и кабардинском языках. При анализе материала КЯ мы испытали определенные трудности. Так, русский глагол *сидеть* обладает развитой и многогранной семантикой: помимо «простого» сидения этот глагол реализует еще 8 значений [https://kartaslov.ru]. В этой связи семантические признаки, которые ответственны за эпидигматику русского глагола, можно проследить с определенной степенью уверенности, поскольку все эти значения (ЛСВ) подведены под вокабулу ***сидеть***. Для кабардинского же языка такая задача чрезвычайно трудноразрешима: идея сидения «рассеяна» более чем в 20

локативных комплексах (без учета каузативных и комитативных ЛК), каждый из которых содержит свой концептуальный сценарий. Причем глагол базовой позиции *щыСын* ‘сидеть’, как было указано выше, сам является локативным комплексом, хотя этимология префиксальной морфемы не совсем ясна (мы склонны считать, что она восходит к лексеме «земля»). Во многих из этих комплексов значение глагола подвергается модификикации — от метафоризации до грамматикализации. Если в русском языке пространственная конфигурация *фигуры* и *фона* выявляется на уровне «живой» речи (в предложных оборотах с глаголом «сидеть»), то в локативных комплексах КЯ денотативные свойства участников, их количество и функции в пространственной ситуации встроены в сами комплексы. В этой связи возникают трудноразрешимые вопросы:

1. Преверб *бгъэ-* является производным от одноименного соматизма *бгъэ* ‘грудь, передняя часть торса’. Соматизм подвергся грамматикализации еще будучи автономной единицей или войдя в состав ЛК?

2. Основания метафоризации глагола общей позиции *щыСын* ‘сидеть’ и глаголов частной позиции лежат в семантике морфемы **-с-** или предопределяются семантикой локативных комплексов в целом (например, ***бгъэ****дэсын* ‘**грудь-**сидеть’)?

3. Во вторичной (метафорической) номинативной функции выступает сам ЛК ***бгъэ****дэсын* ‘**грудь-**сидеть’ или же метафоризованный преверб *бгъэ-* соединяется с уже метафоризованным позиционным глаголом?

Пока что у нас нет однозначных ответов на эти вопросы.

Рассмотрим теперь, как реализуется прототипическое значение ЛК ***бгъэ****дэсын* ‘**грудь-**сидеть’. Под прототипическим будем понимать значение, которое реализуется в контекстах, кодирующих прототипические ситуации. Таким образом, прототипической будем считать ситуацию, подразумевающую расположение людей лицом друг к другу или к объектам. Это явствует из семантики преверба, который восходит к соматизму *бгъэ* ‘грудь’. В этой связи приведем примеры в прошедшем времени в виде

повествовательных текстов, которые выглядят как своеобразный «отчет» по рассадке присутствующих за длинным столом.

Замечание. Согласно неписаной традиции, мужчины старше 75 лет, как правило, не принимают непосредственного участия в выездных торжественных мероприятиях (например, на свадьбах внуков и внучек в других семьях, у соседей и т.д.). Для этих целей старшие делегируют младших по возрасту. Но при этом младшие должны строго следовать правилам этикета. По прибытии домой «делегированные» отчитываются старшему о всех ключевых моментах торжества, о том, проходила ли вся церемония в соответствии с адыгским этикетом, в том числе и рассадка участников, что критически важно. Следующие примеры являются фрагментами такого «отчета». Важный момент заключается в том, что с точки зрения кабардинского языка стол категоризуется как зооморфный объект (ср. категоризацию сел и рек, с. 134), которому приписывается **‘голова’** (самое почетное место застолья), **‘шея’** (места ближе к ‘голове’) и **‘хвост’** (обычно достается младшим по возрасту). Следовательно, рассадка за столом также носит «зооморфный характер»: выделяются «головные», «шейные» и «хвостовые» места. Естественно, места, расположенные ближе к ‘голове’, считаются «шейными». Лексема *пщэ* «шея» в КЯ имеет и наречные формы в виде дейктических единиц. Отсюда, если человек сидит за столом «шейно» или «более шейно» (= ближе к ‘голове’ стола), то он относится к наиболее почетным гостям. Следует обратить внимание еще на один важный момент. За пиршественным кабардинским столом находятся представители только двух категорий: *хьэщIэ* («гости») и *хэгъэрей* («не гости», т.е. члены семьи, рода, устроители торжества). При этом гостей и негостей по возможности рассаживают вперемешку. Гость — это самое важное лицо на торжестве: ему оказывают особый почет и повышенное внимание и, несмотря на возраст, ему предоставляют более «шейные» места по сравнению с негостями.

Следующие примеры являются фрагментами такого гипотетического «отчета» старшему по пунктам:

(1) *Іэнэ бэлыхь ды-**бгъэ**-дэ-сащ*
стол прекрасный мы-**грудь-сидели**
Мы сидели за прекрасным столом.

(2) *Псори зы Іэнэ ды-**бгъэ**-дэ-сащ*
все один стол мы-**грудь-сидели**
Мы все сидели за одним столом.

(3) *Назир нэхъыжьти Іэна-**щхьэм пэ**рысащ*[29]
Назир старшим <будучи> стол-**головаERG** сидел
Назир сидел во главе стола, так как был старшим.

(4) *НэхъыщІэхэр Іэнэ-**кІэм** щысащ*
более младшиеABS стол-**хвост**ERG сидели
Те, что помладше, сидели в конце стола (= в ‘хвосте’).

(5) *Тимуррэ Русланрэ зэ-**бгъу**рысащ*
(и)Тимур (и)Руслан COMIT-BESIDE-сидели
Тимур с Русланом сидели рядом (= бок о бок).

Этот пункт «отчета» (см. 5) мог вызвать закономерный интерес со стороны старшего, пытающегося выяснить, не был ли нарушен порядок рассадки людей за столом. Так, если оба сидящих рядом (5) принадлежат к одному роду, фамилии (со стороны устроителей торжества), то «шейное» место должен занимать старший по возрасту. Если кто-то из этих двоих, условно говоря, был гостем, то, несмотря на возраст, «шейное» место должно было принадлежать ему. Ср. возможный вопрос старшего к пункту (5) отчета:

(6) *Хэт ипщэкІэ щысар*?
кто <из этих двух> шея-сторона (= „шейно“) сидел?

[29] *Пэрысащ* ‘сидел у, перед’ от ЛК *пэрысын* ‘сидеть у, перед’ (его описание см. в разделе 2.2.).

Кто сидел ближе к старшему (= тамаде)?

(7) *Хьэсэн-рэ Махьмуд-рэ зэ-пэ-щысу щысащ*
<и>Хасан <и>Махмуд COMIT:OPPOSITEсидяCONV LOC-сидели
Хасан и Махмуд сидели напротив друг друга.

Пример (1) [30] — наиболее распространенный вариант начала повествования, в связи с чем мы его, собственно, и ввели. Обратим внимание на то, что здесь содержится лексема *бэлыхь,* которую мы достаточно условно перевели как «прекрасный». Но кабардинское прилагательное представляет собой семантически сложное образование, включающее несколько активных зон (как, впрочем, и русский коррелят). Так, *прекрасный стол* может означать: веселый, богатый, обильный, со вкусом сервированный и т.д. Но при этом следует иметь в виду то, что в кабардинской культуре на торжественных мероприятиях, таких как свадьбы, старшее поколение (как мужчины, так и женщины) сидит отдельно, поскольку «смешанный» стол не совсем подходит для такого торжества. В кабардинской культуре сугубо мужское застолье (в нашем случае — свадебное) выступает как искусство и практика налаживания диалога между новыми родственниками, определение этикетной линии поведения представителей — близких и дальних — двух фамилий. Застолье такого типа — это торжественное мероприятие, но вместе с тем спокойное, лишенное излишних эмоций и этикетно неприемлемых шуток в адрес брачующихся. Отсюда сочетание *Іэнэ бэлыхь* можно также передать как «прекрасное застолье», предполагающее, помимо прочего, высокую степень этикетности.

В приведенных примерах мы показали, как КЯ моделирует пространственную ситуацию *сидения* людей за столом. При этом во всех примерах (1–7) глагол сидения реализует свое прямое значение «занимать

[30] Строго говоря, пример (1) как бы стоит особняком: сидение людей за столом в прямом смысле реализуется в (2–7). В примере (1) мы имеем дело со случаем метонимии.

сидячее положение». Ясно, что за таким столом добиться строгого обращения лицом (= каб. ‘грудью’) друг к другу практически невозможно и, вероятно, даже не нужно: участники могут располагаться боком друг к другу, наискосок, по диагонали или строго друг напротив друга. Видимо, язык полагает, что как бы люди ни располагались за столом, они обязательно (непосредственно или опосредованно) будут иметь возможность смотреть друг на друга, т.е. будут так или иначе оставаться о б р а щ е н н ы м и л и ц о м. Главное — люди сидят за одним столом. Поэтому КЯ подводит все эти ситуации (1–7) под ЛК *бгъэдэсын* ‘**грудь-**сидеть’, т.е. данный ЛК выступает в качестве обобщающего термина[31]. Иными словами, прототипическое значение «сидеть лицом друг к другу» (в КЯ — «грудью») как бы расширяет свои границы, создавая возможность подведения под эту дефиницию разные пространственные ситуации. Вопрос о несоответствии количества пространственных предлогов пространственным или топологическим характеристикам объектов поднимался в литературе. Так, в [Jackendoff, Landau 1991] полагают, что при проецировании объектов в естественный язык, он (язык) как бы отсекает многие параметры, оставляя только отдельные и наиболее важные из них. В развитие этой идеи существует вполне обоснованное мнение, в соответствии с которым даже эти основные параметры не всегда отмечаются языком [Плунгян, Рахилина 2000: 115]. В этой связи известные ученые выдвигают весьма продуктивный тезис о том, что в естественном языке в принципе не может быть готовых форм для обозначения любого фрагмента действительности. «Язык, — пишут они, — стремится использовать одну и ту же единицу для обозначения разных ситуаций за счет особых правил взаимодействия ее семантики с контекстом (для предлогов особенно важной оказывается семантика предметного имени, с которым они сочетаются)» [Плунгян, Рахилина 2000: 116]. В КЯ предлогов нет, поэтому в качестве основного ресурса концептуализации пространства в этом языке, как известно, выступают превербы в составе локативных

[31] Пока мы не готовы сказать однозначно: за это обобщение «отвечает» преверб *бгъэ- (*‘грудь’) или ЛК целиком.

комплексов. В частности, примеры (2–7) показывают, что КЯ, несмотря на ярко выраженную тенденцию к детализации некоторых ситуаций, также не располагает специальными формами для выражения «особой» пространственной локализации, такой как *наискосок, по диагонали, в стороне от прямого направления*. Но при этом он с легкостью использует одну и ту же форму (комплекс) для кодирования разных ситуаций.

Ниже мы схематически покажем, как один и тот же ЛК *бгъэдэсын* ‘**грудь**-сидеть’ используется для обозначения разных конфигураций расположения людей за столом. Сюда же можно добавить и комитативные конструкции. Так, например, ситуацию (2) можно передать в качестве варианта следующим примером с комитативной конструкцией (для удобства обозначим его как (2-а):

(2-а) *Псори ды-зэ-бгъэдэ-сащ*

все мы-COMIT:LOC_FRONT-сидели

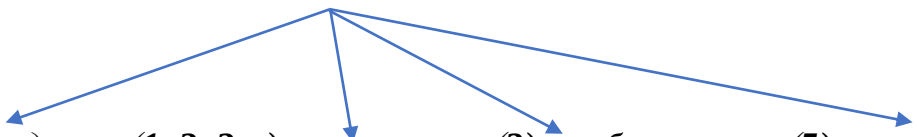
Все мы сидели вместе (= за одним столом).

Как видно, префикс совместности **зэ-** существенно не влияет на интерпретацию расположения людей: он лишь демонстрирует еще один способ представления множественности участников ситуации. Покажем схематически возможность использования данного комплекса (**2В** *бгъэдэсын*) для обозначения разных модификаций прототипической ситуации (цифры в скобках соответствуют нумерации примеров).

Схема 2

ЛК ***бгъэдэсын**: прототипическая ситуация* —

«сидеть напротив» (= ‘**грудь**-сидеть’)

бгъэдэсын ***(1, 2, 2-а)***	*пэрысын* ***(3)***	*зэбгъурысын* ***(5)***	*зэпэщысын* ***(7)***
‘сидеть лицом к’	‘сидеть у, за, перед’	‘сидеть бок о бок’	‘сидеть строго напротив’

Отметим, что примеры (4) и (6) также можно было бы подвести под данный ЛК, но в наши задачи входит описание участия собственно *локативных комплексов* в категоризации пространственных ситуаций, а не базовых глаголов позиции. Более того, в (4) и (6) акцент делается на вопросе ГДЕ? Локативные комплексы с участием превербов в большей степени связаны с ответом на вопрос КАК? (напротив, рядом, боком).

Продолжая анализ данного ЛК, рассмотрим еще одно значение (см. с. 139), которое в СКЧЯ определяется как *жить, проживать с кем-либо*. Приведем иллюстративный текст из Словаря:

a.

*Лыжьы-р и-къуэ-м **бгъэ**-дэ-с-щ*

старикABS-DEF POSS:сынERG LOC_BESIDE-сидит

Старик проживает со своим сыном (= **грудь-**сидит).

В качестве альтернативы язык «предлагает» использование комитативной конструкции:

b.

*Ахэр **зэ**-бгъэдэ-с-щ*

они <отец и сын> COMIT:LOC_BESIDE-сидят

Они (отец и сын) живут вместе.

Ср. еще примеры:

c.

*— Фи нанэ изакъуэу псорэ, хьэмэрэ зыгуэрым **бгъэ**дэс?*

Ваша бабушка одна живет или с кем-то? (= ‘**грудь-**сидит’)

d.

*— И къуэ нэхъыщIэм **бгъэ**дэсщ.*

Живет вместе с младшим сыном (= ‘**грудь-**сидит’).

Нетрудно видеть, что в (a)–(d) реализуются метафорические значения. Здесь следует сделать важную оговорку: для описания ситуации совместного проживания родственников, связанных кровным или брачным родством, используется только ЛК *бгъэдэсын* (‘**грудь-**сидеть’), а не другие ЛК (3), (5), (7), поскольку они выражают только пространственное значение, т.е. идею расположения объектов друг относительно друга. Рассмотрим еще ситуации, которые можно было бы подвести под ЛСВ 2.

Здесь мы имеем три варианта использования ЛК *бгъэдэсын* (условимся считать ЛК ***зэ****бгъэдэсын* его вариантом):

e. ЛК *зэбгъэдэсын* — «жить по соседству» (без уточнения строгой локализации домов друг относительно друга, т.е. строго напротив, наискосок и т.д.).

*Мышэ**рэ** дэ**рэ** дызэ-**бгъэдэ**сщ*

Миша и мы COMIT:LOC_BESIDE-сидим

Мы с Мишей соседствуем, живем рядом.

f. ЛК *зэбгъурысын* — «находиться боком к кому-то / друг к другу».

*Мышэ**рэ** дэ**рэ** дызэ-**бгъуры**сщ*

Миша <его дом> и мы COMIT:LOC_BESIDE-сидим

Мы с Мишей соседствуем, живем рядом (= ‘**бок**-сидим’).

g. ЛК *зэпэщысын* — «находиться строго друг напротив друга».

*Мышэ**рэ** дэ**рэ** дызэ-**пэщы**сщ*

Миша <его дом> и мы COMIT:LOC_FRONT-сидим

Мы с Мишей соседствуем, живем друг напротив друга (= ‘**нос**-сидим’).

Подытоживая лексикографическое представление ЛК **2B** *бгъэдэсын/зэбгъэдэсын* ‘сидеть рядом’ (‘***грудь**-сидеть’)*, отметим, что означаемое этого комплекса делится на две части (они представлены Словарем

в виде двух ЛСВ): первая часть (А) служит для выражения локативных отношений в терминах ситуации «сидеть лицом к человеку или объекту», т.е. для обозначения расположения *фигуры* перед, около, рядом с *фоном*. Эта прототипическая идея получает интересное метонимическое развитие в двух направлениях: «сидеть в компании, веселиться, развлекаться» и «проведать, навестить кого-либо». Другая часть (В) реализует метафорическое значение «проживать с кем-либо из членов семьи» (мать проживает с детьми, свекровь с невесткой). Затем это значение получает интересное концептуальное расширение, которое обобщенно можно выразить как «проживать рядом, напротив» (дома, участки, домовладения граничат друг с другом).

Следовательно, в зависимости от конкретной идеи, выражаемой этим комплексом, зону В, в свою очередь, можно представить в двух значениях:

а) проживание родственников под одной крышей; см. примеры (a)–(d);

б) локализация домовладений как аналог расположения людей за столом; см. примеры (e)–(g).

Эти две части (А и В), как нам кажется, заслуживают отдельного и более глубокого рассмотрения: мы усматриваем здесь реализацию метафорической и метонимической номинации. Дело в том, что механизмы метафоры и метонимии традиционно рассматриваются на примере относительно простых единиц. В нашем случае мы рассматриваем глагольные комплексы, за каждым из которых стоит не просто действие или состояние, а концептуальный сценарий. Отметим при этом, что примеры метонимии, как нам представляется, перекликаются с понятием активных зон.

2.1.10. ЛК *гуэсын* ‘сидеть сбоку’

В КЯ данный комплекс выступает в единственном значении, что является очень редким случаем. Итак, его значение определяется как:

сидеть сбоку от кого-чего-л. / зыгуэрым ибгъумкIэ къыщысын; кIэщIэсын.

Информанты затруднились подобрать типичный контекст, в котором раскрывался бы смысл этого ЛК, и предпочли объяснить ситуацию наглядно, т.е. при помощи расположения *фигуры* и *фона*. В подтверждение наших наблюдений относительно этого ЛК **(4B)** укажем, что и авторы-составители СКЧЯ не снабдили словарную статью этого комплекса никаким примером, что тоже показательно. Новейшее описание кабардино-черкесского языка также не даёт примеров употребления этого комплекса. Ср. *гуэсын* «сидеть рядом с кем-чем-л.» [Кумахов 2006: 266]. Однако нетрудно видеть, что ЛК 2.1.7. *бгъурысын* и ЛК 2.1.10. *гуэсын* семантически близки, т.е. выражают идею «сидеть рядом». По мнению М.А. Кумахова, преверб *гуэ-* этимологически мотивирован именной основой *гу* ‘сердце’. К этому выводу учёный приходит в результате сравнения этого элемента с убыхским превербом *гь-*, который восходит к убыхской именной основе *гьы* ‘сердце’. Характеризуя основы статических глаголов с превербом *гуэ-*, он подчеркивает, что они обозначают положение рядом с кем-чем-либо, например: *гуэсын «*сидеть рядом с кем-чем-либо». Но при этом не приводится ни ситуация, ни контекст, в котором они могут нормативно употребляться. Для прояснения ситуации мы обратились к ещё двум ЛК (= двум ячейкам — **4A** и **4C)** с этим же превербом *гуэ-*. Как отмечено выше, в зависимости от морфемного состава модель ЛК с «участием» префикса *гуэ-* в КЯ может быть представлена в трёх вариантах, которые занимают строку **4**. Ср. **4A** *гуэ**т**ын* «быть приставленным, пристроенным сбоку от Y», **4B** *гуэ**с**ын* «сидеть сбоку от Y» и **4C** *гуэ**лъ**ын* «лежать сбоку от Y». Опрос информантов показал, что ЛК строки **4** (таблица 2) с участием глаголов стояния и лежания в КЯ используются чаще, в то время как ЛК *гуэсын*, выражающий идею сидения сбоку, встречается редко. Поэтому воспользуемся другими ячейками этой же строки. Так, для обозначения *синдактилии* — врождённой аномалии, при которой сращиваются соседние **пальцы** кисти или стопы, КЯ использует именно **4A** ***гуэ**тын*, вернее, ЛК ***зэ**гуэтын* (см. комитативные конструкции выше). Отсюда эта аномалия передаётся буквально как *‘пальцы, стоящие* рядом *<в тесном контакте,*

неразделимо> друг с другом’. При помощи этого же комплекса **4А *гуэтын (зэгуэтын)*** в КЯ описываются разные типы ветвления растений, чаще деревьев (отхождения боковых ветвей от основного ствола). Тип ветвления, при котором две или более ветви, отходящие от места соединения, имеют почти одинаковую толщину (= равноправны по многим параметрам: длина, толщина), в КЯ описывается при помощи ЛК ***зэгуэтын,*** как и в случае синдактилии. Если же отходящая (= боковая) ветвь уступает по ключевым параметрам (характеристикам) основному стволу, то такая ситуация кодируется в терминах фигурно-фоновых отношений: малая ветвь — *фигура*, а ствол — *фон*. В таком случае статическая пространственная ситуация описывается в терминах **4А *гуэтын*** ‘стоять рядом с кем-чем-либо’. Приблизительно так же концептуализируется ситуация с двумя смежными участками (полосками) земли: при их «равноправии» в отношении площади в КЯ используется зэгуэ*лъын* ‘лежать рядом с кем-чем-либо’. Если же один из них меньше по размеру, то он становится *фигурой* по отношению к *фону*, т.е. к бóльшему по площади участку.

Интересно, что в дефиниции ЛК ***гуэсын*** ‘сидеть сбоку’ составители СКЧЯ отсылают нас к другому, синонимичному, по их мнению, ЛК *кIэщIэсын,* букв. ‘**хвост-**сидеть’. Этот ЛК в КЯ используется для описания статических ситуаций, которые будут рассмотрены нами в предложенных терминах в следующем разделе.

2.1.11. ЛК *кIэщIэсын* ‘сидеть под’ (= ‘хвост-сидеть’)

Этот ЛК представляет собой комплекс, который с семантической точки зрения является уникальным: преверб не имеет универбального эквивалента в русском и английском языках. Мы небезосновательно полагаем, что это справедливо и для многих других языков. В этом ЛК наблюдается своеобразная концептуальная интеграция, связанная с реализацией двух локативных комплексов одновременно, предопределяемой взаимодействием семантики двух префиксальных морфем ***кIэ-*** и ***щIэ-***. Преверб *щIэ-*

принадлежит к первичным превербам [Кумахов 2006], т.е. тем, которые невозможно этимологически возвести к самостоятельным лексемам. Словарь помечает его как глагольный префикс и считает, что его значение соответствует двум предлогам русского языка: “под” и “в”. Прототипические ситуации с участием этого преверба: X под Y (*человек/лошадь под навесом*)[32]**.** Однако в тех ситуациях, когда *фигура* **несоизмеримо меньше** *фона*, язык считает необходимым внести некоторые уточнения: в таких случаях вводится преверб *кIэ-*.

Преверб *кIэ-* восходит к одноименной лексеме *кIэ* ‘хвост’. Будучи лексемой-соматизмом, эта единица отличается чрезвычайной частотностью (как и лексема-соматизм ***пэ*** ‘нос’), а также метафорической активностью: членение пространственно-временного континуума в КЯ, как правило, осуществляется при их участии. При этом *пэ* ‘нос’[33] символизирует «начало», *кIэ* ‘хвост’ — конец. Иными словами, как показано в работах Р.С. Кимова (см., например, [Кимов 2010: 31]), эти лексемы в КЯ выступают в качестве хронотопных метафор: ср. букв. переводы с КЯ — «нос/хвост самолета» и «нос/хвост романа, фильма, недели, месяца, года». При опоре на две конкурирующие модели концептуализации пространства — антропо- и зооморфную — семантический анализ лексемы *кIэ* ‘хвост’, проведенный ученым, выявил, что денотат этой лексемы концептуализируется как: а) функционально менее значимая часть тела (по сравнению с носом и головой); б) своеобразный придаток, после отчуждения которого денотат не теряет свое тождество: если отсечь хвост животного, референт не лишается жизни. Так, если в КЯ *щхьэншэ* «безголовый» используется только в переносном смысле (ср. рус. *безголовый* и англ. *headless* «безголовый»), то на лексему *бесхвостый* и ее корреляты в английском и кабардинском языках такое ограничение не налагается. При этом, однако, в семантику кабардинской лексемы *кIэ* ‘хвост’, как мы показали, имплицитно встроен набор концептуальных признаков

[32] Локативные комплексы с превербом *щIэ-* (см. 19 A, B, C) будут рассмотрены в соответствующем разделе.
[33] О превращении лексемы *пэ* ‘нос’ в преверб см. соответствующий раздел.

(кластер), которые обусловливают ее переход в разряд грамматикализованных единиц (см. анализ идей зарубежных типологов, в частности Б. Хайне, относительно путей перехода полнозначной лексемы в разряд грамматикализованных единиц языка в [Майсак 2005: 46]). Весь этот «концептуальный кластер» предопределяет разнообразное метафорическое осмысление денотата лексемы *кIэ* ‘хвост’ и обусловливает функционирование одноименного преверба *кIэ-* в составе нескольких локативных комплексов (ср. все ячейки строк **10** и **11**, табл. 2).

Сравним примеры:

(а) X под Y-ом *(лошадь/человек под навесом)* — осмысляется в терминах локативных комплексов строки **19** (см. **2.4.5.**).

(б) *ягненок под копной сена* **(11A и 11B)**;

(в) *цыплята под курицей* (**11B**).

Пример (а) не вызывает затруднений при интерпретации (ср. англ. *the horse is* ***under*** *the shed*).

В ситуации, выраженной в примере (б), *фигура* (X) очень мала по сравнению с *фоном* (Y); при этом ягненок находится внизу, рядом, в тесном контакте, необязательно непосредственно под копной (ср. с навесом). Ср. с примером (в): цыплята могут находиться под курицей (спрятавшись), но могут и выглядывать. Когнитивная салиентность при языковом осмыслении этой ситуации связана с необходимостью подчеркнуть совсем малый размер X-а. Именно в терминах ЛК ***кIэ-щIэ-****сын* ‘сидеть под’ КЯ осмысляет также ситуацию «мышь под шкафом»: просвет между нижней границей шкафа и полом настолько мал, что только мышь и подобные ей по размеру существа могут занять это пространство (ср. *змея под шкафом*). При этом язык «видит», что X находится под Y-ом (**19B** ***щIэ****Сын*), но подчеркивает, что X и Y несоизмеримы по параметрам (размерам), в связи с чем возникает необходимость введения преверба *кIэ-*, который “отвечает” за кодирование размера X-а по сравнению с Y-ом.

Именно так мы видим отличие языковой категоризации двух концептуально близких ситуаций с точки зрения английского и русского языков, но разных с точки зрения КЯ. Поэтому эти комплексы находятся в разных ячейках: ЛК **11В *кIэ-щIэ-сын*** ‘сидеть под’ (под стогом сена) и ЛК **19В *щIэ-сын*** ‘сидеть под’ (под навесом).

Это обстоятельство наталкивает нас на мысль о том, что, несмотря на статус преверба *кIэ-* как грамматикализованной единицы, он (преверб) не теряет семантической связи со своим источником-соматизмом (одноименной лексемой *кIэ* ‘хвост’). Естественный язык, как известно, в силу своих уникальных характеристик представляет природу и пространственные ситуации дискретно, хотя окружающий мир таковым не является. Интересно, что СКЧЯ не выделяет морфему *кIэ-* в качестве преверба и, следовательно, никак не толкует значение этой единицы, что, опять-таки, говорит в пользу того, что для лексикографического представления кабардинского языка необходимы другие подходы и другие термины. Ср., например, описание других превербов (строки 2, 3, 16 и т.д. табл. 2), которые толкуются с разной степенью полноты, в то время как дать определение превербу *кIэ-* не представляется возможным. В этой связи мы также не стали этого делать, предложив семантическую интерпретацию ЛК ***кIэ-щIэсын*** ‘сидеть под’ (= **под-**сидеть) через ситуацию.

В завершение этого раздела, в соответствии с целью работы, рассмотрим ЛК **10В** *кIэрыСын* ‘сидеть около’. Отметим, что выбор любой другой ячейки из этой строки (ср. **10А, 10С)** принципиально не изменил бы ход анализа: ЛК строки **10** отличаются корневой морфемой, выражающей соответствующую локативную позу.

Прототипические ситуации:

i. уши/шея животного <коровы> в клещах <присосавшихся>;

ii. ветви дерева, облепленные тлей;

iii. вертикальная плоскость, «усыпанная» богомолами.

Метафорическая ситуация:

iiii. (как правило, о жене) подстрекать мужа к неблаговидным, недозволенным поступкам.

При этом следует обратить внимание на то, что все локативные комплексы строки **10** содержат интерфикс *-ры-*, природа которого на данный момент неясна.

2.2. Локативные комплексы с превербом пэ-

Количество локативных комплексов, содержащих преверб *пэ-*, составляет 9 единиц. Напомним, что в соответствии со специальной задачей работы мы анализируем в основном ЛК с глаголом *сидения*, которые в таблице 2 занимают среднюю ячейку: **13В** *пэры-С-ын* ‘сидеть у/перед Y-ом’; **14В** *пэщы-С-ын* ‘сидеть перед Y’; **15В** *пы-С-ын* ‘сидеть на кончике, на краю’. При необходимости будем обращаться к ячейкам с другими глаголами. Итак, во всех трех ячейках мы имеем один преверб ***пэ-*** (***«пы-»*** — алломорф). Он определяется СКЧЯ как глагольная приставка, которая обозначает, что действие происходит **перед *кем-чем-л***. В дальнейшем изложении для удобства мы будем формализовать ситуации, которые данный преверб кодирует, в терминах **X Y RV**. Локативные комплексы строк **13, 14, 15** — одни из самых сложных для описания их участия в пространственных ситуациях ввиду того, что преверб *пэ-*, который входит в их состав, до сих пор не получил удовлетворительной семантической и грамматической интерпретации (ср. точки зрения, представленные в [Рогава, Керашева 1966: 121]; [Кумахов 1989: 222; Кумахов 2006]; [Мазурова 2007: 233]; [Кимов 2010а: 80–82]. Неоднозначность интерпретации исходит, как нам кажется, из следующего определения: «преверб ***рэ*** указывает, что действие связано с передней частью (с концом, кончиком) предмета» [Рогава, Керашева 1966: 121]. На это впервые обратила внимание Ю.В. Мазурова, анализируя превербы адыгейского языка и отметив, что это крайне интересный пример, когда в «одном из превербов грамматикализовалось значение „передняя часть (человека)“», а в другом – „кончик (носа)“» [Мазурова 2007: 233]. Развивая идеи этого ученого, Р.С.

Кимов предложил снять это противоречие следующим образом. Так, рассматриваемый префикс, по его мнению, восходит к одноименной лексеме *пэ* ‘нос’. Этот соматизм служит в качестве метафорического обозначения передней части протяженных объектов во многих языках. Ср. переводы кабардинских примеров на русский и английский языки: *нос корабля/самолета* и *nose of a ship/aircraft*.

Исходя из зооморфной модели концептуализации, КЯ широко использует два соматизма — *пэ* ‘нос’ и *кIэ* ‘хвост’ — для членения пространственно-временного континуума (см. выше, с. 155–156; см. также [Кимов 2010: 31]). Вместе с тем КЯ предлагает совершенно «экзотическую» (уникальную) концептуализацию носа, при которой в качестве салиентного признака выделяется орудийность клюва птиц; при этом нос человека и птичий клюв обозначаются одной и той же лексемой, что является неслучайным. Ср. буквальный перевод с КЯ: *цапля на кончике (=острие) клюва/носа приносит рыбешку*. При этом, если рыбка очень мала, то нижняя и верхняя части клюва плотно смыкаются, и при наблюдении издалека создается впечатление, что клюв — это орудие (= маленькое копье), на которое наколота рыбешка. Вот это острие клюва птиц, используемое как орудие, и служит основанием метафорического использования лексемы *пэ* ‘нос’. Итак, денотат лексемы *пэ* ‘нос’ метафоризуется следующим образом (все примеры являются переводами с КЯ):

(а) *‘передняя часть, перед’* (букв. каб. «нос самолета»; ср. англ. *nose of an aircraft*);

(б) *‘передняя часть копья/ножа/шила’ (*букв. каб. «нос копья, иглы») — отсюда все то, что в других языках считается кончиком, конечной частью, в КЯ осмысляется как ‘нос’;

(в) *‘начало романа, фильма’* (букв. каб. «нос романа»);

(г) *‘начало недели, месяца, года’* (букв. каб. «нос месяца, года»).

Ср. некоторые соматизмы русского языка и их корреляты в КЯ:

- передняя часть кисти руки — *Iэпэ* (букв. «нос руки»);

- передняя часть стопы — *лъапэ (*букв. «нос стопы»);

- кончик языка — *бзэгупэ (*букв. «нос языка»).

В силу чрезвычайно широкой употребительности в языке лексема *пэ* ‘нос’, подвергаясь грамматикализации, превращается в преверб, который представлен двумя формами: *пэ-* и *пы-* (алломорф).

В форме *пэ-* преверб означает ‘сидеть перед Y-ом’. Например, ЛК **13B** ***пэ****рысын* — ‘сидеть перед/у [костра]’ (букв. «носа костра»). Этот комплекс используется, как правило, в контексте костра, очага, сидения за столом (в схожих контекстах также может использоваться ЛК **2B** *бгъэдэсын* ‘сидеть рядом, около’). Когда, например, жарят картофель у костра, ситуацию описывают при помощи ЛК **13C** ***пэ****рылъын* — ‘лежать перед/у костра’ (букв. «носа костра»). Это логично, поскольку картофель кладут не на огонь (пламя), а в горячие угли или золу, которую отгребают от пламени с тем, чтобы картофель оказался у переднего, внешнего края костра, т.е. *перед* костром[34].

Ср.:

i. *ЩакIуэхэр мафIэм* ***пэ****рысщ.*

охотникиPL-ABS костерERG LOC_APUD-сидят

Охотники сидят у костра, перед костром (= ‘нос костра’).

ii. *Лыр мафIэм* ***пэ****рылъщ.*

мясоABS огоньERG LOC_APUD-лежит

Мясо лежит у огня (= ‘носа огня’).

iii. *Нанэ мафIэм* ***пэ****рытщ.*

бабушкаABS огоньERG LOC_APUD-стоит

Бабушка <весь день> стоит у печки <и стряпает>.

Рассмотрим теперь ситуации, которые описываются локативными комплексами с алломорфом **пы-** (ср. **15A, B, C**). Эти комплексы показывают,

[34] В КЯ огонь и костер — одна лексема (*мафIэ).* Даже плита в доме метонимически обозначается этим же словом *мафIэ*: когда по медицинским показаниям не рекомендуется стоять близко у плиты.

что X находится (располагается) на самом кончике Y-а. Выше мы отметили, что в семантике *пэ* ‘нос’ активируются разные зоны в зависимости от ситуации. Ср. примеры, которые иллюстрируют эти активные зоны:

iiii. *Лыр дзасэм пы-лъщ*

мясоABS шампурERG LOC_APEX-лежит

Мясо <кусок> наколото на шампур.

Рис. 1. Мясо на шампуре <острый конец шампура не виден> [35]

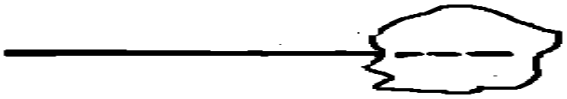

Рис. 2. Птицы на дереве

На рис. 2 представлены два варианта нахождения птиц (А) и (В) на ветке дерева. Сравним описание этих ситуаций с точки зрения КЯ.

А (ЛК **16В**)

*Бзур къудамэм **те**сщ.*

птичкаABS веткаERG LOC_SUPER-сидит

*Птичка сидит **на** ветке.*

В (ЛК **15В)**

*Бзур къудамэм **пы**сщ.*

птичкаABS веткаERG LOC_APEX-сидит

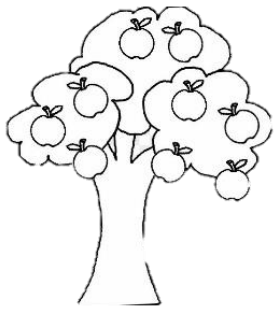
*Птичка сидит на самом **кончике** ветки.*

[35] Рисунок заимствован из [Кимов 2010а: 84].

Как видно, нахождение объекта X на ветке в примере (A) описывается локативным комплексом *тесын* ‘**на-**сидеть’, в то время как в примере (B) оно передается как *пысын* ‘**кончик-**сидеть’ (ср. рис 1: мясо на шампуре).

В этих примерах использован глагол позиции **-с-** (‘сидеть’). Поскольку здесь мы анализируем семантику преверба, для иллюстрации можно также взять глаголы *стояния* и *сидения* из других ячеек этой же строки. Например, нахождение яблок на ветке можно проиллюстрировать при помощи рис. 3.

Рис 3. Яблоки на дереве

*МыIэрысэр жыгым **пы**тщ.*

яблокиABS деревоERG LOC_APEX-стоят

Яблоки висят на дереве.

Локативные комплексы, описывающие ситуации на рис. 3 и рис. 2 (B) отличаются тем, какую локативную позицию занимают объекты X: оба X-а находятся на **кончике** Y-а (APEX), но птичка сидит, а яблоки «стоят». Иными словами, нахождение яблок на дереве осмысляется носителями КЯ через глагол «стоять» (ЛК **15A *пытын)***. Русский и английский языки **не имеют** глаголов для описания нахождения яблок на дереве (ср. there are a lot of apples on the tree и *на дереве много яблок*). Естественно, глагол *пытын* выступает в этом контексте как грамматикализованная единица: яблоко располагается на кончике (‘носу’) ветки. При этом предикаты *сидеть* и *лежать* здесь неприемлемы: видимо, из-за того, что дерево ориентировано вертикально, фрукты на нем должны «стоять», хотя не все фрукты располагаются на самом кончике гибкой ветки, они могут расти непосредственно на молодых стволах.

Но главное — у всех яблок есть черешок, которым оно прикрепляется к ветке. Именно таким образом мы видим разницу между ситуациями с участием разных локативных комплексов с превербом *пэ-*, что создает иллюзию противоположной концептуализации (*передняя часть* и *конечная часть*). Иными словами, когда преверб *пэ-* реализует идею ‘перед, передняя часть’, основанием служит распространенная во многих языках метафора, которая не отличается оригинальностью. В случаях *кончик шампура/ножа/пилки/шила* и т.д. мы имеем дело с нетривиальной метафорой, которая основана на другом концептуальном осмыслении: для кабардинцев все эти объекты (части объектов) ассоциируются с «носом» как с рабочей, передней частью орудия. Конечная же часть объекта передается через лексему *кIэ* ‘хвост’ или одноименный преверб *кIэ-*.

2.3. Локативные комплексы с превербами жьэ- и Іу-

Таких комплексов в кабардино-черкесском языке мы имеем три: ***6В жьэ****дэСын* ‘находиться, сидеть в пасти/во рту’; ***7В жьэ****хэСын* ‘сидеть близко перед *кем-чем-л.*’; ***20В Іу****Сын* ‘сидеть у/около чего-л.’. То, что эти ЛК оказались под одной рубрикой, — факт неслучайный. Дело в том, что они содержат морфемы *жIэ-* ‘рот’ и *Іу-* ‘рот’, восходящие к одноименным соматизмам, которые исследованы в [Кимов 2010а: 86 и далее; см. также Кимов, Хатухова 2025]. СКЧЯ определяет прямое значение обоих соматизмов как ‘рот’, т.е. одна лексема определяется через другую: *жIэ* ‘рот’ — это *Іу* ‘рот’ и наоборот. В этой связи попытаемся развести их значения, интерпретируя *жьэ* как ‘рот’, а *Іу* — как ‘зев’. Сразу отметим, что разграничение значений этих лексем является не такой простой задачей, поскольку в рамках наивной анатомии их денотаты не имеют четко фиксированных границ (ср. невозможность установления четких границ между русскими *щеки* и *скулы)*. Вместе с тем, факты языка позволяют проинтерпретировать различие этих соматизмов КЯ следующим образом. Сравним примеры:

(а) *уи жьэр зэтепIэ.*
твой-ротABS COMIT-IMPзакрыть
закрой свой рот (сомкни).

Видно, что это побудительное высказывание, но оно весьма информативно: имплицитно подчеркивается, что рот (*жьэ*) человека[36] состоит из двух половинок. Этот же глагол в инфинивной форме (*зэтепIэн*) используется, например, для обозначения смыкания глаз (век) или двух половинок — верхней и нижней — сковороды (см. комитативные структуры в разделе 2.1.8.). Следовательно, можно сделать вывод о том, что рот человека, равно как и пасть животного, имеет верхнюю и нижнюю челюсти, которые можно сомкнуть и разомкнуть. При этом любопытно, что, в отличие от английского и русского языков, в КЯ верхняя и нижняя губы не различаются (ср. англ. *upper/lower lip*, с одной стороны, и рус. *верхняя/нижняя губа*, с другой). Так, в КЯ нижняя часть носа (букв. «дно носа») обозначает то, что в русском языке называется верхней губой (ср. *upper lip*). Интересно, что усы, метонимически, ввиду их расположения на “нижней части носа”, в КЯ называются буквально как «нос-дно».

Вместе с тем денотат лексемы *Iу*, который в СКЧЯ определяется как ‘рот’, не имеет таких половинок, поэтому мы перевели эту лексему для удобства как ‘зев’ и определили её значение как «отверстие, ведущее из полости рта в глотку» [картаслов]. Иными словами, днотат лексемы *Iу* ‘зев’ выступает в роли вместилища или емкости, аналогичной, например, миске. Если надо передать ощущение горечи или сладости во рту, кабардинцы используют *Iу* ‘зев’, а не *жьэ* ‘рот’. Но при этом, что крайне любопытно, губы концептуализируются не как часть ротовой полости, а как часть зева; иными словами, они категоризуются как его начало. Как мы показали выше, *начало* в КЯ символизируется через метафорическое использование лексемы *пэ* ‘нос’.

[36] *Рот* и *пасть* в КЯ обозначаются одной лексемой *жьэ* ‘рот’.

Отсюда губы в КЯ имеют буквальное обозначение *Іупэ* «начало зева» (*Іу* ‘зев, рот’ + *пэ* ‘нос’).

Сделаем выводы. По результатам опроса информантов и нашим наблюдениям *Іу* ‘зев, рот’ и *жьэ* ‘рот’ представляют собой один «большой» объект, который в кабардинской ЯКМ категоризуется по своим принципам, предопределяемым условиями бытования языка. Так, информанты считают, что *Іу* ‘зев, рот’ чаще применим к соответствующей части тела животных (в том числе птиц). Однако отметим, что относительно категоризации денотата лексемы *нос* в КЯ мы наблюдаем своеобразную генерализацию, т.е. лексема *пэ* ‘нос’ служит для обозначения морды животных, клюва птиц, пятачка свиней и т.п. Примечательно, что лексема *Іу* ‘зев, рот’ в переносном значении используется для обозначения края ведра, полей тарелок и т.п.

(б) *пэгун-ы-Іу*
‘ведро-рот’
край ведра

(в) *псы-Іу*
русло ручейка, напоминающее раскрытый рот (= ‘вода-рот’)
канава

(г) *псы Іу-фэ*
вода берег (= ‘рот-кожа’)
берег реки

(*д*) *тенджыз Іу-фэ*
море берег (= ‘рот-кожа’)
берег моря

****

ЛК *Іусын* ‘сидеть у’ (**20В**)

(е) *Дадэ махуэ псом псы* ***Іу****-фэм* ***Іу****-с-щ*

дедушка день весь вода рот-кожа LOC_APUD-сидит

Дедушка весь день сидит у реки (на берегу).

Нетрудно видеть редупликацию элемента *Іу* ‘рот’ (соматизм в метафорическом значении) в составе существительного *Іуфэ* «берег» и преверба *Іу-* в значении «около, у» в составе локативного комплекса ***Іу****сын* ‘у-сидеть’ **(20В).** Такая редупликация довольно распространена в КЯ. Однако возможны и другие варианты выражения ситуации: в примере (ж) эта же ситуация кодируется послеложным оборотом, т.е. *фон* (Y) сопровождается послелогом:

(ж) *Дадэ махуэ псом псы* ***Іу****-фэм дежPOST щы-с-щ*

дедушка день весь река губы-кожа около/у сидит

Дедушка весь день сидит у реки.

В этом же разделе рассмотрим ЛК *жьэхэСын* **(7В)** ‘сидеть близко перед Y’.

На первый взгляд, передача его значения на русский язык не выявляет особых семантических нюансов. Рассмотрим пример и прокомментируем его:

(з) *Ар махуэ псом къы-з-жьэхэсщ*

он день весь ILL-SG-близко сидит <по отношению ко мне>

Он весь день сидит ко мне настолько близко <что меня раздражает>.

В семантике ЛК *жьэхэСын* ‘сидеть близко перед Y’ есть компонент, который имплицитно выражает нарушение личного пространства как в физическом, так и в психологическом смысле. При этом все три ЛК строки **7** могут быть использованы для выражения нежелательной близости, которая раздражает, выводит из себя. Так, если дом соседа расположен слишком близко к нашему, используется ЛК **7А**. Иными словами, у человека

существует личное пространство в виде зоны психологического комфорта, включающей и территорию, и личные вещи, границы которых человек определяет индивидуально. Подытоживая, подчеркнем, что именно этот локативный комплекс используется для кодирования разнообразных вторжений в личное пространство. Таким образом, все превербы строки **7** реализуют негативную коннотацию.

2.4. Сравнительный анализ средств, выражающих вместилище в трех языках. Общие замечания

Этот раздел посвящен описанию того, как в КЯ категоризуется понятие вместилища/контейнера и каким образом такая категоризация находит языковое выражение в пространственных конструкциях КЯ в сравнении с другими языками, вовлеченными в анализ. Иными словами, здесь речь пойдет о тех ЛК кабардинского языка, которые передают идею контейнера. Это понятие представляет собой один из ключевых и одновременно наиболее часто обсуждаемых концептов семантического описания в когнитивной парадигме [Кубрякова 1999]. По справедливому мнению Е.В. Рахилиной [Рахилина 2010: 219 и далее], при кажущейся очевидности невозможно дать — в строгом смысле — определение этому понятию, как и другим топологическим концептам, например, «поверхность», «пространство» и т.д. Мы безоговорочно согласны с авторитетным мнением этого ученого, что подтверждается материалами КЯ. Как мы увидим ниже, КЯ идентифицирует несколько разновидностей контейнеров (в дальнейшем синонимично используется термин «вместилище»). Сложности определения связаны с рядом моментов, среди которых выделим те, которые выделяются Е.В. Рахилиной. Так, если исходить из понимания того, что *контейнер* — это предмет с углублением, в который можно поместить другой предмет, то в круг таких предметов попадают контейнеры с разным, порой сомнительным статусом [Рахилина 2010: там же]. Например, *крышка от банки* не может считаться полноценным контейнером, несмотря на наличие в ней углубления

(пусть и небольшого). Отсюда невозможно сказать **крышка с банкой* или **банка в крышке.* Точно так же во фразе *лампочка в патроне*, несмотря на наличие предлога *в,* патрон не может считаться контейнером в строгом смысле, или, говоря иначе, прототипическим контейнером такого же статуса, что и ведро, бак, кастрюля, ящик и т.д. Как видно, ситуация «быть контейнером» [Рахилина, 2010: 220] является одной из самых сложных для теоретического осмысления. Задача предлагаемого нами описания еще более сложная ввиду того, что мы сравниваем факты трех языков, один из которых (кабардинский) обладает уникальными топологическими свойствами. Как с точки зрения грамматики, так и лексики он характеризуется рядом своеобразных черт. В связи с этим многие факты этого языка не укладываются в традиционное понятие контейнера, принятое в общем смысле в европейской и русской концептосферах. Впервые проблема контейнера в сравнительном аспекте на материале указанных трех языков (хотя и в иной терминологии), была вынесена на обсуждение в работе Р.С. Кимова [Кимов 2010]. В данном разделе наше внимание будет сосредоточено на анализе средств и способов кодирования нахождения чего-либо в чем-либо в КЯ, которые в общеевропейском понимании (в частности, в английском и русском языках) опираются на концепт IN (рус. ***В***). Отсюда условимся считать, что к топологическому типу контейнеров с точки зрения КЯ относятся такие объекты, которые в статических пространственных конструкциях при переводе на русский (в первую очередь) и английский языки упоминаются после предлогов ***в*** (*в коробке*) и ***in*** (*in the box)*. Важно при этом подчеркнуть, что по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff&Johnson, 2004: 55] контейнеры/вместилища делятся на объекты и субстанции. Например, в ситуации «ванна с водой» ванна представляет собой объект-вместилище, а вода — субстанцию-вместилище. Иными словами, вода, находящаяся, например, в ванне, сама является вместилищем (ср. *в воде* и *in the water*). Далее мы увидим, какие объекты и субстанции КЯ считает вместилищами и как это проявляется в языковых конструкциях и формах.

В данном разделе мы попытаемся показать, как в языковой онтологии КЯ преломляется понятие контейнеров и какие семантические классы контейнеров выделяет этот язык в сравнении с русским и английским. Всего нами выделено 8 локативных комплексов КЯ с разными превербами, которые передают идею контейнера, т.е. концептуально коррелируют с предлогами *В* и *IN*.

Рассмотрим эти комплексы, начиная с тех случаев, которые мы с достаточной степенью условности называем прототипическими. К таким случаям отнесем прежде всего ЛК с превербом *и-*, значение (= смысл) которого без особых прагматических натяжек можно передать при помощи русского предлога *в* (ср. англ. *in*) в сочетании с различными именами. Там, где это необходимо, мы идем от фактов СКЧЯ, т.е. от лексикографического представления этого и других превербов в этом источнике.

2.4.1. ЛК *исын* ‘в-сидеть’

СКЧЯ портретирует этот комплекс (**8В**)[37] следующим образом:

1. Сидеть где-л., внутри чего-л. / Зыгуэрым и кIуэцIым, и кум щыIэн, щыщысын.

Иллюстративный пример: *Джэдур гъуэлъыпIэм **и**сщ* (букв. ‘в-сидит’). В русском переводе фраза передается как: «Кошка сидит **на** кровати».

2. Проживать, жить постоянно где-л. / ЩIыпIэ гуэр зэпымууэ щыпсэун. Иллюстративный пример: *Ди хэкум лъэпкъ зэмылIэужьыгъуэ куэд **и**сщ.* Перевод на русский язык: «В нашей республике/краях/местах проживают люди самых разных национальностей».

Анализируя дефиницию (1), укажем, что первая часть текста этой дефиниции «сидеть где-л» не совсем адекватно отражает семантику ЛК. Так,

[37] В тех случаях, когда в определенной ситуации для объекта Х (= *фигуры)* более естественным (предпочтительным) является стоячее или лежачее положение (т.е. когда для иллюстрации «не хватает» сидячих Х-ов), позиционный глагол может быть заменен на более подходящий для актуальной ситуации, что никаким образом не влияет на общую семантику конструкции и, тем более, на семантические свойства преверба. Например, ситуацию нахождения яблок в шкафу правильнее будет описать через кабардинский глагол со значением «лежать», а не «сидеть».

под фразу «сидеть где-либо» можно подвести большое количество примеров, как то: *сидеть во дворе / на асфальте / траве / под деревом / в тени / в ванной / на полу / на берегу реки / у озера* и т.д. Но при этом для каждой из этих ситуаций КЯ предлагает свой ЛК, что мы покажем ниже. Пока что отметим, что более правильным было бы ограничить семантическое представление ЛСВ (1) фразой «сидеть *внутри* чего-л. или **в** чем-либо», но никак не «*где-либо*». В общем случае наиболее подходящими являются примеры, которые можно подвести под формулу X **в** Y-е. Ср. прототипические примеры:

(a) *Сабийр мащэм и-с-щ*

ребенокABS ямаERG LOC_IN-сидеть:PRS

Ребенок сидит в яме (букв. «в-сидит»).

(b) *Хьэ пшырыр <пщIэууэ> матэм и-с-т*

собака-щенокABS <поскуливая> ямаERG LOC_IN-сидеть:PST

Щенок <поскуливая> сидел в корзине (букв. «в-сидел»).

(c) *Бадзэр стаканым и-с-щ*

мухаABS стаканERG LOC_IN-сидеть:PRS

Муха сидит в стакане (букв. «в-сидит»).

Нетрудно видеть, что преверб *и-* в ЛК ***и**сын* в подобных случаях концептуально коррелирует с русским предлогом *в* и английским *in* (ср. *in the box*, *in the bucket*). Прокомментируем теперь наши сомнения по поводу приемлемости иллюстративного примера, представленного в Словаре:

(d) *Джэдур гъуэлъыпIэм **и**-с-щ*

кошкаABS кроватьERG LOC_IN-сидеть:PRS

Кошка сидит на кровати (букв. «**в**-сидит»).

На наш взгляд он немного неудачен, поскольку в русском и кабардинском языках кровать принадлежит к разным топологическим типам. Ср. рус. *на кровати* и каб. букв. *«в кровати»*, т.е. ‘кровать в-сидеть’, что говорит о том, что в кабардинской ЯКМ кровать воспринимается как вместилище, поэтому используется преверб со значением ***в***, в то время как русский язык концептуализирует её как поверхность. Ср. также

распространенные простейшие расхождения рус. «на картине» и англ. *in the picture*; «птичка на дереве» и *the bird is in the tree*. Разная категоризация одних и тех же объектов действительности с последующим их лексико-грамматическим оформлением даже в таких широко изученных языках, как русский и английский, вызывает определенные трудности при овладении этими языками, не говоря уже о кабардинском. В этой связи еще раз подчеркнем, что СКЧЯ, на который мы в основном опираемся в данной работе, является и справочным и, отчасти, учебным лексикографическим изданием (специальных учебных словарей КЯ, например, словарей сочетаемости, не существует). Поэтому желательно, чтобы иллюстративные примеры отбирались с учетом следующих критериев: а) они не должны допускть неоднозначности в интерпретации; б) превербы в них должны концептуально коррелировать с соответствующими предлогами русского языка. Ср. наши примеры (a), (b), (c), в которых преверб *и-* относительно «свободно» передается на русский (или английский) язык, поскольку в этих случаях префикс ***и-*** категоризует все Y-и в кабардинском языке как контейнеры, что совпадает с категоризацией этих же Y-ов в русском языке, но при опоре на предлог ***в.*** Обобщая сказанное, мы бы хотели отметить, что при лексикографическом представлении значения в таких случаях необходимо приводить такие контексты, в которых фигурируют «эталонные» объекты, которые можно считать бесспорными контейнерами, т.е., как принято говорить, прототипическими. Термин «прототип», как известно, заимствован из когнитивной психологии и стал особенно популярным в лингвистике после выхода в свет известных работ Э. Рош [Rosch 1977; Mervis, Rosch 1981]. Обратимся к толкованию этого понятия в Оксфордском толковом словаре по психологии [https://809.slovaronline.com/5779-прототип]. В этом справочнике он определяется как «наиболее "типичный" образец класса или категории вещей». В нашем понимании прототип — это член категории живых и неживых объектов (естественных и искусственных), вобравший в себя

наибольшее количество релевантных признаков, служащих основанием для идентификации определенной категории [Кимов 2022: 107].

Вместе с тем отметим, что термин *прототип* имеет и другое значение, которое особенно важно при анализе особенностей категоризации пространственных объектов в КЯ. Так, во втором значении он может пониматься как первоначальный образ (первообраз), т.е. оригинальный, примитивный образец (ср. др.-греч. πρῶτος «первый» + τύπος «отпечаток, оттиск») [там же: Кимов 2022: 109]. Отсюда термин *прототип* будет использоваться нами в дальнейшем изложении в обоих значениях: 1) «первоначальный образ» и 2) «лучший образец». Здесь нам важно сделать одно допущение, объясняющее принципы категоризации некоторых объектов в КЯ. Так, по нашим наблюдениям, при языковом осмыслении объектов КЯ, как правило, опирается на первоначальный образ натурфактов, т.е. такие их свойства, которые выступают в качестве салиентных признаков и определяют семантическое развитие ряда локативных комплексов. Рассмотрим, какие природные натурфакты могли гипотетически послужить прототипами для наших объектов.

Так, опираясь на наблюдения Р.С. Кимова, мы полагаем, например, что прототипом (= первообразом) для объектов Y, упоминаемых в контексте ЛК *исын* ‘сидеть в’, могли послужить такие натурфакты как: *ямки*, *углубления*, *рытвины*, *следы* <животных>, *листья* <определенных растений, в которых могла застаиваться дождевая вода> и т.д. В ходе освоения мира и, в частности, создания объектов материальной культуры (одежда, постройки, средства передвижения, орудия труда, посуда и т.д.), этот первообраз оказался довольно устойчивым при дальнейшей категоризации артефактов. В этой связи возникает вопрос о том, что́ означает префикс ***и-*** в этом комплексе, т.е. к какой полнозначной лексеме его можно возвести. Вопрос, действительно, сложный, на который при отсутствии надежных письменных свидетельств невозможно дать однозначный ответ. Однако по нашему мнению, этот префикс, скорее всего, когда-то в виде самостоятельной единицы служил в

общем случае названием некоего углубления. В этой связи нам импонирует точка зрения Е.В. Перехвальской о том, что языковые знаки конвенциональны, т.е. условны. Но они условны, как правильно отмечает автор, на синхронном уровне. «Языковые знаки, — далее пишет автор, — не появляются из ниоткуда (выделено нами — Л.Х.). Они всегда мотивированы» [Перехвальская, 2023: 278]. Со временем мотивация, естественно, стирается. Ср., например, спорное, на наш взгляд, мнение Н.Ф. Яковлева, который предлагает мотивацию некоторых префиксов в адыгейском языке [Яковлев, Ашхамаф 1941: 352].

Итак, подытоживая анализ семантической структуры ЛК *исын* ‘сидеть в’, отметим, что кодирование *прототипической* пространственной ситуации с участием преверба ***и-*** должно удовлетворять следующему условию: с топологической точки зрения фон должен быть прототипическим контейнером. В этом смысле категоризация, которая «стоит» за этим превербом, должна легко передаваться, прежде всего, на русский язык, в котором объект Y может быть безусловно упомянут в контексте предлогов *в/внутри (*ср. *in/inside*). Отсюда для успешной межкультурной (межъязыковой) коммуникации будущие словари КЯ должны быть снабжены иллюстративным материалом, отвечающим этим условиям: в качестве такого материала для ЛСВ 1 можно было бы подать любой из примеров (a), (b), (c).

Вместе с тем при предъявлении информантам ряда других объектов, которые с точки зрения русского и английского языков считаются «несомненными» контейнерами, т.е. кодируются при помощи предлогов *в/внутри* и *in/inside* в статических пространственных ситуациях, носители «потребовали» заменить преверб ***и-*** как неприемлемый для описания конкретной ситуации.

Как оказалось, определенные объекты, которые в русском и, вероятно, во многих европейских языках считаются вместилищами (пусть и с разной степенью прототипичности), КЯ причисляет к особым контейнерам. Важно при этом подчеркнуть, что КЯ также считает их вместилищами, но наделяет

их дополнительными топологическими свойствами. В этой связи мы считаем, что такие Y-и должны быть описаны в терминах локативного комплекса *дэсын* ‘сидеть в’.

2.4.2. ЛК *дэсын* ‘сидеть в’

ЛК **5B** ***дэ****сын,* а также ячейки **5A** и **5C** «обслуживают» следующие Х-ы: моллюски (но не улитки — они принадлежат к прототипическим контейнерам), канавы, шкафы, сундуки, холодильники, чемоданы, портфели, кошельки, портмоне и т.д.

Нетрудно видеть, что все три ячейки строки **5** содержат преверб ***дэ-***. СКЧЯ считает его глагольной приставкой, которая обозначает, что «действие происходит где-л., между чем-л., внутри чего-л.». Такое определение говорит о том, что при глоссировании комплексов с этим превербом он должен был бы получить семантический ярлык LOC_IN_BETWEEN. В списке семантических ярлыков В.А. Плунгяна вместо BETWEEN используется ярлык INTER. Последний, как нам кажется, в отличие от BETWEEN, обладает более широким значением: имеет дополнительный компонент AMONG, поэтому мы ограничились ярлыком BETWEEN, хотя и не настаиваем на этом. Особенность этого ЛК с участием постуралов в значениях ‘стоять’, ‘сидеть’, ‘лежать’ заключается в том, что, несмотря на формальную простоту преверба *дэ-*, за ним стоит сложный концепт — «находиться в/внутри + между». Здесь уместно обратиться к исследованию Ю.В. Мазуровой [Мазурова 2007], в котором описаны такие случаи в языках мира. Опираясь на эту работу, мы рассмотрели применительно к КЯ такие примеры, в которых один преверб передает два концепта одновременно.

Не имея подходящего термина для такой разновидности контейнеров КЯ, мы его называем контейнер ‘между-сидеть’ (вместо «расплывчатого» *контейнер I, II* и т.д.), памятуя о том, что это все-таки вместилище. Практически все объекты, которые упоминаются в контексте этого преверба в

КЯ, как в динамических, так и статических ситуациях, в общем случае кодируются в русском и английском языках соответственно при помощи предлогов *в* и *in*. Категоризация и последующее проецирование таких объектов в КЯ связаны с когнитивной салиентностью (salience)[38]. Говоря простыми терминами, проецирование этих объектов в естественный язык обусловлено тем, какие из их денотативных свойств оказываются наиболее важными при формировании конкретной категории (в частности, данной разновидности контейнеров ‘между-сидеть’). В лингвистике, — отмечает Е.В. Рахилина, — салиентными считаются безусловно значимые свойства объектов, которые обозначаются словами конкретного языка [Рахилина 2008: 16–17]. Соглашаясь с этим мнением, добавим, что если бы определенные онтологические признаки указанных выше объектов оказались функционально незначимыми для носителей КЯ, то, наверное, не было бы смысла вводить «новый» преверб *дэ-*, наделяя его особыми семантическими характеристиками. Так, следуя принципам категоризации объектов в терминах контейнеров (= вместилищ), которые приняты в большинстве языков и культур, можно было бы считать, что канавы, шкафы, сундуки, холодильники, чемоданы, портфели, кошельки, портмоне и т.д.[39] также должны осмысляться в КЯ как контейнеры, т.е. в терминах LOC_IN (ср. строку **8** таблицы 2). Однако КЯ настаивает на том, что это особые контейнеры. Подобно тому, как мы попытались выявить первообраз для контейнеров в контексте ЛК *исын* ‘в-сидеть’, рассмотрим, какие натурфакты могли гипотетически послужить в качестве прототипов для *створчатых* объектов (контейнер «между-сидеть»).

Первообразом или примитивной моделью для таких объектов могли служить, на наш взгляд, расщелины в твердых породах (скалах, валунах), разломы и трещины в стволах деревьев, которые также можно было вполне

[38] С когнитивной точки зрения это явление рассматривается в двух ракурсах: «когнитивная салиентность» (“cognitive salience”) и «онтологическая салиентность» (“ontological salience”) (см. об этом [Schmid, 2007; Evans, 2007; Рахилина, 2010]).

[39] Эти объекты вслед за Р.С. Кимовым будем называть «створчатыми контейнерами» или «квази-контейнерами» [Кимов, 2010: 49]. Можно спорить об удачности термина *створчатый*, но за неимением другого термина, более родового, при помощи которого можно было бы идентифицировать объекты такого рода в семантическом описании, будем пользоваться им.

считать вместилищами. Но при этом, в отличие от естественных углублений (ям), в которых накапливалась (возможно, специально хранилась) вода или другие жидкости, внутри *створчатых* контейнеров, наоборот, должно было быть сухо; кроме того, они должны были быть надежно защищены двумя боковыми «стенами» от попадания влаги или проникновения, скажем, хищных животных. Когда человек эволюционировал настолько, что научился изготавливать артефакты в виде полых ящиков, а затем ящиков с крышкой, он, по сути, создал первый «шкаф» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Шкаф]. В этой связи нельзя не согласиться с мнением о том, что *колода*[40], выдолбленная из дерева, — это самый древний прототип шкафа [Буровик 1991]. Мы полагаем, что первообраз (= зачаточный образ) или примитивная модель контейнера, созданного самой природой, стала определяющей при категоризации некоторых створчатых объектов, т.е. тех, которые имеют две боковые грани — вертикальные или горизонтальные. Покажем, какие объекты могут служить в настоящее время в качестве *фона, ориентива (= объектов Y)* в контексте локативных комплексов, выражающих значения ‘между-сидеть’, ‘между-стоять’, ‘между-лежать’. Напомним, что при составлении списка створчатых объектов (как и других вместилищ), которые в нашем случае могут быть описаны в терминах LOC_IN_BETWEEN, можно было бы вести речь о прототипических объектах или просто — прототипах. Однако для того, чтобы установить, какие из Y-ов в данном случае можно считать прототипическими, понадобится экспериментальная работа с вовлечением информантов и привлечением других методик, что не входит в наши задачи. Вместе с тем при анализе других ЛК (ср. **6A, B, C** и **12A, B, C**), которые ввиду ограниченной частотности употребления мы подробно не рассматриваем в данной работе, однозначно можно установить прототипический объект (= *фигуру*), который определяет или определил дальнейшее семантическое развитие лексемы.

[40] Колода в данном контексте имеет значение «короткий отрезок толстого бревна, а также изготовленные из него изделия — улей, корыто, гроб, притолока и т. д.» [Википедия].

Итак, с точки зрения КЯ, к створчатым контейнерам в первую очередь относятся: **стоячие объекты** — шкафы, шифоньеры, серванты, буфеты, трельяжи, трюмо. Из перечисленного списка самым первым в опыте кабардинцев появился, вероятно, шкаф. Другие объекты, которые «возникали» в опыте носителей языка, попадали в категорию объектов этого типа по аналогии со шкафом. Интересно, что трельяжи и трюмо также попадают в эту категорию, поскольку кроме больших зеркал у них есть шкафчики с ящиками для хранения небольших вещей. Выдвижные ящики КЯ тоже относит к створчатым контейнерам. Сюда же относятся объекты типа сундуков — те, для которых горизонтальное измерение является определяющим: то есть горизонтальность/вертикальность Y-а не является критерием его включения в категорию створчатых объектов. При этом обязательно должно быть наличие крышки, которая является своеобразной «створкой» (пусть и горизонтальной), как в шкафах. Интересно, что объект (предмет), который называется *створкой*, в русском языке определяется неоднозначно: с одной стороны, створка — это «каждая из двух растворяющихся и затворяющихся половинок какого-н. предмета» [СОЖ]. Как видно, створка предполагает наличие двух половинок (дверь, окно, шкаф). Согласно другому определению, створка — это «закрывающаяся и открывающаяся **часть** или **половина** какого-л. предмета» [БТС 2000]. Отсюда получается, что ящик без крышки квалифицируется как контейнер типа LOC_IN: ящик, ведро, ваза, корзина, сапетка и т.д. Иными словами, они все упоминаются в контексте ЛК *исын* ‘в-сидеть’. Так, информантам были предложены две ситуации:

А. лягушка сидит в сундуке;

Б. лягушка сидит в коробке (по размеру сопоставимой с сундуком).

В этих ситуациях сундук и коробка (ср. ящик) категоризуются по-разному.

Ср.:

*(1) Хьэндыркъуакъуэ**р** коробкэ**м** исщ.*

лягушкаABS коробкаERG LOC_IN-сидит

*Лягушка (букв. ‘**в**-сидит’) в коробке.*

*(2) Хьэндыркъуакъуэ**р** пхъуантэ**м** дэсщ.*

лягушкаABS сундукERG LOC_IN_BETWEEN-сидит

*Лягушка (букв. ‘**между**-сидит’) в сундуке.*

Параллельно обратим внимание на то, что с тема-рематической точки зрения фигура и фон в (1) и (2), с одной стороны, и (3) и (4) — с другой, могут меняться местами. При этом локативные комплексы сохраняются, поскольку топология фона остается неизменной.

(3) *Коробкэм хьэндыркъуакъуэ исщ.*

коробкаERG лягушкаABS LOC_IN-сидит

В <этой>коробке сидит лягушка.

(4) *Пхъуантэм хьэндыркъуакъуэ дэсщ.*

сундукERG лягушкаABS LOC_IN_BETWEEN-сидит

В <этом> сундуке сидит лягушка.

Перевод примеров на английский язык выглядит следующим образом:

(1) *The frog is in the box* (локативное значение).

(2) *The frog is in the chest.*

(3) *There is a frog in the box* (экзистенциальное значение).

(4) *There is a frog in the chest.*

Как мы отметили выше, в статических пространственных конструкциях такого рода английский язык, как правило, в общем случае обходится предикатом *to be* с широким значением. В отличие от английского и ряда других европейских языков, КЯ «навязывает» своим носителям обязательное использование одного из трех постуралов: ‘стоять’, ‘сидеть’, ‘лежать’, чтобы максимально детализировать пространственное «взаимодействие» *фигуры* и *фона*. Отсюда можно сделать предварительный вывод, который представляется перспективным с точки зрения будущих исследований по кодированию пространственной ситуации в КЯ в сопоставлении с русским и английским языками. Так, примеры показывают, что *фигура* в позиции ремы в абсолютивном падеже выражает категорию неопределенности (ср. *a frog*), в

тематической позиции — категорию определенности (ср. *the frog*). При этом *фон* (существительное) в эргативе в статических пространственных конструкциях также выражает категорию определенности, поскольку в таких случаях *фон* **всегда** выделен или более или менее четко очерчен ввиду того, что «предстает» перед говорящим, в отличие от *фигуры* (ср. примеры (1) и (3), с. 178).

Любопытная категоризация ситуации «пчелы в улье» обнаружена нами при работе с информантами. Исходя из этнологических свидетельств, адыги (кабардинцы) издревле занимались бортничеством, собирая мед диких пчел в дуплах деревьев, которые пчелы искусно запечатывали, оставляя лишь маленькое отверстие для доступа к меду. Таким образом, дупло выступает как контейнер (ячейка **8B**; ср. *белка сидит в дупле*). Однако, когда в дупле находятся пчелы, они не просто «располагаются» внутри контейнера, а занимают пространство между сотами. Следовательно, такое дупло, по мнению кабардинцев, является створчатым контейнером (IN_BETWEEN). Иными словами, салиентность здесь связана с тем, что пчелы занимают пространство не просто **в** дупле, а **между** сотами. Ср. информацию о том, что семья пчел организует воздушную прослойку при застройке полости дупла сотами [Желобицкий Электронный ресурс]. Затем адыги перешли к сапеточному пчеловодству, при котором пчел стали содержать в куполообразных плетёных ульях без дна, обмазанных глиной, с летком у основания. Таким образом, по своей форме плетеные ульи представляют собой корзины. Корзина, в которой ‘в-сидят’ цыплята, является обычным (прототипическим) контейнером, но если в таких корзинах сидят (= находятся) пчелы, то это створчатый контейнер, в котором пчелы ‘между-сидят’ (ЛК **5B**), а не ‘в-сидят’ (ЛК **8B**).

Ср.:

(5) *Мы матэм бжьэ дэзу* ***дэ****сщ.*

в этом ульеERG пчела полно LOC_IN_BETWEEN-сидит

В этом улье полно пчел.

При этом любопытно также, что муравьи и осы с точки зрения КЯ ‘в-сидят’ в норах (ЛК **8В**), а пчелы в ульях ‘между-сидят’ (ЛК **5В**). Наши выводы в данном случае подтверждают мнение Е.В. Рахилиной о том, что топологические типы представляют собой функционально значимые классы объектов, которые зафиксированы в языке. Носители не наделяют осиные и муравьиные гнезда подобной функциональной значимостью: их не интересует, что производят эти насекомые и как они сами «локализуются» внутри гнезда (осиное и муравьиное гнезда — это зло, которое должно быть уничтожено, а не божественная благодать, которая снабжает нас медом).

Рассмотрим еще интересные случаи категоризации *фона* при опоре на локативный комплекс **5В**, который находится в центре нашего внимания. Известно, что холодильник как разновидность бытовой техники появился в быту носителей КЯ примерно во второй половине или в конце XX века, хотя, возможно, что они были знакомы с ним еще раньше через средства массовой информации. Вместе с тем вполне логично, что холодильник (в том числе и морозильные камеры, которые вошли в опыт носителей языка позже) попал в ту же категорию, что и створчатые объекты — шкафы. При этом морозильные лари категоризуются в КЯ как сундуки. Вместе с тем мы наблюдаем любопытную категоризацию стиральной машины, с которой носители КЯ реально познакомились, возможно, чуть позже или одновременно с холодильником. Стиральная машина в общем случае по своим топологическим характеристикам представляет собой практически такой же створчатый объект: мы открываем дверцу (или створку?), чтобы заложить белье для стирки. Однако информанты склонны квалифицировать такие объекты по типу контейнеров ЛК **8** (A, B, C), описываемых при помощи преверба **и-**, а не створчатых контейнеров, описываемых при помощи преверба **дэ-**. Рассмотрим примеры, предварительно пояснив некоторые моменты. Вещи для стирки (белье, одежду и т.д.) кладут в стиральную машину, и они, естественно, там лежат. То есть ситуация нахождения белья в Y-е может быть естественным образом описана в КЯ в терминах глагола *илъын* ‘в-лежать’

(**8C**). Поскольку мы анализируем локативные комплексы с участием глагола в значении ‘сидеть’, вместо одежды, лежащей в стиральной машине, представим мышь, которая случайно туда попала: она здесь «в-сидит». Принципиально замена *фигуры* ничего не меняет для описания этой ситуации: мы могли бы взять любой из трех глаголов. Нам здесь важно было показать, каким образом категоризуется стиральная машина — артефакт конца 20 века. Итак, мышь в стиральной машине *«в-сидит»* (LOC_IN-сидит); если же она в холодильнике, то *«между-сидит»* (LOC_IN_BETWEEN-сидит). Иными словами, несмотря на кажущуюся схожесть топологических характеристик холодильника и стиральной машины, носители разводят эти объекты по разным рубрикам. Мы попытались вскрыть причину такой особой категоризации. Как оказалось, основания достаточно просты и даже лежат на поверхности. Так, первые стиральные машины представляли собой полые вертикальные цилиндрические объекты, т.е белье загружали как бы в большие емкости (баки), и оно там вращалось. Вот эта первоначальная категоризация оказалась устойчивой и распространилась на все последующие модификации стиральной машины, даже те, которые имеют фронтальную загрузку, т.е. через боковую дверь. Такую категоризацию мы назвали прецедентной, которая задает стереотип или шаблон для дальнейшего отнесения объекта к категории контейнеров (**8B**). Проще говоря, то, как люди восприняли появившийся в их опыте объект (в нашем случае — стиральная машина есть артефакт, по форме напоминавший большой бак), определил его дальнейшую категоризацию (*не путать с примитивным образцом*).

Довольно любопытной является также категоризация духового шкафа в газовых плитах: помещаемые в него объекты описываются в терминах контейнера **8A, B, C**. Объект (сковородка, мясо, пирог) в таких духовках может «в-сидеть», «в-стоять», а если в духовку деревенской печи (остывшей) залезет кошка, то она может там «в-сидеть» или «в-лежать». Отсюда самая современная духовая печь, несмотря на количество дверей, для носителей КЯ остается контейнером [см. строку **8]**.

Данные примеры, на наш взгляд, демонстрируют принципы категоризации действительности, характерные для когнитивной лингвистики, которая изучает чисто человеческое восприятие, обработку и категоризацию объектов, постоянно приходящих к субъекту извне. Добавим еще категоризацию сейфа (*прочного металлического шкафа для хранения документов и ценных вещей*). Появление этого объекта берет свои истоки в древнеегипетской цивилизации, по другим данным — в XVII веке в Северной Европе, где они имели вид стоячих железных бочек с навесным замком сверху [википедия]. С достаточной степенью уверенности мы полагаем, что если бы адыги, жившие в ту эпоху, познакомились с этим артефактом, то непременно отнесли бы его к категории контейнеров, которые кодируются в терминах преверба *и-* (**8B**). Основания такой категоризации мы видим в случае со стиральными машинами (см. выше).

2.4.3. Семантическое расширение ЛК *дэсын* ‘между’

Первообразное восприятие объектов мира, которые сопровождают человека всю его сознательную жизнь, приводит, на наш взгляд, к тому, что их семантический образ глубоко укореняется в принципах категоризации мира в конкретном языке. Наше наблюдение в этом разделе касается, в первую очередь, тех объектов, которые в КЯ осмысляются в терминах ЛК **5B** *дэсын* ‘между-сидеть’.

Так, например, именно в терминах ЛК ‘между-сидеть’ (LOC_IN_BETWEEN) носители КЯ категоризуют небольшой участок земли возле дома, т.е. двор. По нашему мнению, такое языковое осмысление этой территории связано с тем, что в общем случае во двор можно попасть только через въездные ворота, которые представляют собой «широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах)» [картаслов]. При этом данный вход или проезд ограничен двумя вертикальными столбами, к которым крепятся сами ворота. Аналогичным образом категоризуется и калитка (ворота в миниатюре). Таким образом, с точки зрения русского языка,

проходя через ворота или калитку, мы одновременно входим во двор (метонимическая концептуализация) и оказываемся в нем. Маршрут движения и конечная точка (*ориентив*), описанные здесь средствами русского языка, сродни осмыслению этой же ситуации в КЯ. Однако очевидно, что онтологически тождественная ситуация категоризуется разными средствами, которые «навязывает» своим носителям каждый из языков.

Рассмотрим динамическую ситуацию, показывающую то, как мы попадаем во двор.

Ср.:

(1) *ЩIалэ-р куэбжэ-м* ***ды****-хьа-щ*

пареньABS воротаERG IN_BETWEEN-входить:PST

Парень ***вошел*** *в ворота.*

(2) *ЩIалэ-р пщIантIэ-м ды-****хьа****-щ*

пареньABS дворERG IN_BETWEEN-входить:PST

Парень ***вошел*** *во двор.*

Как видно, динамический глагол *ды-****хьа****-щ*, выражающий целенаправленное движение, включает преверб **ды-** (алломорф преверба **дэ-**), который выполняет ту же семантическую функцию (IN_BETWEEN), что и в статическом глаголе *дэСын* ‘между-сидеть’ (ЛК **5В)**. Очевидно, что идея движения передается здесь корневой морфемой ***-хьэ-***, т.е. она является носителем основного лексического значения. Здесь следует отметить, что *ды****хьа****щ* также является локативным комплексом. При этом морфема *-хьэ-/-хьа-* выступает как связанный элемент языка, самостоятельно не функционирует. Иными словами, она встречается исключительно в сочетании с определенными пространственными превербами, в частности, с превербом *дэ-*. Ср.: ***те****-хьэн* — встать **на** (напр., на лед); ***и****-хьэн* — войти **в** (напр., в воду); ***къу-****хьэн* зайти **за** (напр., за угол). Таким образом, мы входим во двор через ворота (динамическая ситуация) и оказываемся во дворе (статическая ситуация). При этом двор с точки зрения КЯ категоризуется в терминах створчатого контейнера.

Отсюда пространственная ситуация нахождения (букв. *сидения)* X-а в Y-е в случае, когда Y — это двор (огороженное пространство), в КЯ осмысляется в терминах ЛК **5В** ‘между-сидеть’. Примечательно, что *огород* по логике вещей должен в определенном смысле быть близким «родственником» *двора* по категориальной принадлежности. Ср. определение огорода: «*участок земли, большей частью огороженный забором или живой изгородью и предназначенный для разведения овощей».* Как видно из определения, эти объекты (огород и двор) имеют много общих характеристик, главными из которых являются наличие участка земли и о г р а ж д е н и я . Более того, в огород также можно попасть как через большие ворота, так и через калитку. Однако они входят в разные категории, что мы связываем с разным осмыслением денотата слова «поле». Так, в КЯ *поле* входит в категорию контейнеров строки **8**, а конкретнее **— 8В**, выражаемую при помощи ЛК *исын* ‘в-сидеть’. Ср. перевод кабардинской фразы: «Наш отец весь день в поле» (букв. *наш отец весь день поле‘в-сидит’*). Отсюда можно предположить, что самые первые огороды в опыте кабардинцев попросту считались «кусочком» поля, т.е. не были огорожены должным образом. Поэтому такая категоризация сохранилась до наших дней (ср. выше разную категоризацию стиральных машин и холодильников в КЯ, хотя оба представляют собой створчатые контейнеры). Никаких других вариантов категоризации поля информанты не приемлют: это не плоскость и не створчатый объект.

Итак, двор — это створчатый объект. Однако если мысленно представить, что село — это двор, но очень большого размера, то логично предположить, что в него можно было попасть только через ворота (ср. термины *огораживание* и *город* в этимологическом смысле). Отсюда указанная категоризация двора в КЯ постепенно распространяется и на более крупные территории, viz. село, малый город. Иными словами, мы наблюдаем концептуальное расширение.

Ср. примеры на КЯ и их переводы:

(3) — *Уи адэр дэнэ щыIэ?*

Где твой отец?

*— **Дэ**-с-щ*

LOC_IN_BETWEEN-сидеть:PRS

Он дома (= ‘между-сидит’).

Здесь обратим внимание на то, что для КЯ характерно устранение *фона* в тех случаях, когда он очевиден: если *фигура* (отец) в настоящий момент находится во дворе, то на вопрос о его местонахождении можно просто ответить ‘между-сидит’ (ср. рус. *во дворе*).

Ср. также следующие примеры (диалог двух людей):

(4) *— Уи къуэр къыпхэс?*

Сын с тобой живет?

— Хьэуэ, Налшык дэсщ.

Нет, живет в Нальчике, букв. «Нальчик ‘между-сидит’».

ЛК *дэсын* ‘между-сидеть’ (**5В**) также используется в значении «управлять транспортом». Естественно, раньше транспортным средством была конная повозка. Извозчик при этом находился на облучке (*толстой деревянной скрепе, располагающейся по краям телеги*). Края телеги создают место, ограниченное с двух сторон, где сидит кучер. Эта же концептуализация «тянется» к современным транспортным средствам. Поэтому фраза «он уже двадцать лет за рулем машины, трактора» на КЯ переводится при помощи ЛК *дэсын* ‘между-сидеть’. Иногда в качестве салиентного признака при категоризации вождения транспорта привлекается руль, букв. *«руль ‘между-сидит’»* (метонимический сдвиг: водитель находится за рулем, но при этом между двумя дверями слева и справа). Возможна и другая концептуализация: Х (водитель) сидит между рулем и сиденьем.

К этой же категории *створчатых* объектов кабардинцы относят *русла* (рек), *канавы*, *борозды* и т.д. В русском и английском языках эти объекты также являются контейнерами, хотя и не прототипическими.

2.4.4. ЛК *хэсын* ‘в-сидеть’

Рассматриваемый комплекс **17B** содержит преверб, выражающий идею вместилища, который по классификации М.А. Кумахова [Кумахов 2006] в общем случае можно отнести к первичным морфемам КЯ. Рассмотрим, как в СКЧЯ представлена семантическая структура лексемы ***хэ****сын* ‘**в**-сидеть’, и проанализируем аспекты, имеющие непосредственное отношение к настоящему исследованию. Для наглядности приведем примеры из Словаря:

1. Сидеть среди кого-чего-л. / Щысу зыщIыпIэ щыIэн. *Гупым хэсын. Псым хэсын. Цыжьбанэ хадэм хэст.*

2. Учиться (в каком-л. классе) / Класс, курс гуэрым щеджэн. *5-нэ классым хэсын. 2-нэ курсым хэсын.*

3. Жить с семьей (не отделяясь) / Нэхъыжьхэм я бынунэм хэмыкIыу ядэпсэун. *Адэ-анэм яхэсын.*

По свидетельству М.А. Кумахова, круг имен существительных, требующих наличия в глагольной основе преверба ***хэ-***, является одним из самых многочисленных. В современных терминах это означает, что в качестве *фона* выступает наибольшее число объектов. По правде говоря, до настоящего времени никто не занимался сплошным количественным подсчетом Y-ов, которые могут выступать в контексте ЛК *хэсын* ‘в-сидеть’. Вместе с тем преверб ***хэ-*** вызывает определенные сложности при глоссировании, поскольку в первом значении он выражает идею контейнера, как и два других рассмотренных нами преверба: ср. ЛК **5B** *исын* ‘в-сидеть’ и ЛК **8B** *дэсын* ‘между-сидеть’ (см. их подробный анализ выше).

Рассмотрим пример:

i. *Бабыщыр псым **хэ**-с-щ*

уткаABS водаERG LOC_IN-сидеть:PRS

Утка в воде.

С точки зрения русского языка, можно было бы просто обойтись фразой «утка в воде» (ср. англ. *the duck is in the water*). Фраза «утка сидит в воде» выглядит немного неуклюже, однако она необходима для передачи

буквального смысла высказывания на КЯ, в котором участвует глагол *сидения*. Как видно, КЯ категоризует воду как контейнер (ср. рус. **в воде** и англ. **in the water**). Мы предположили на чисто интуитивном уровне, что данный пример является прототипическим. Опрос информантов подтвердил наше предположение: они считают, что в качестве *фона* в таких случаях выступает, как правило, *вода.* Разумеется, трудно подобрать такие контексты, в которых Х-ы находятся во всех трех положениях; как правило, это человек или полуводные животные. Так, например, буйволы, как и человек, могут занимать все три позиции; коровы и овцы могут только стоять; пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, как правило, сидят. Более распространенной является ситуация *лежания* Х-а в воде и других жидкостях. Поэтому в нашем анализе мы нередко обращаемся к другим ячейкам этих комплексов. Частотность встречаемости воды и других жидких веществ в контексте ЛК *хэсын* (‘в-сидеть’) можно было бы приписать тому факту, что сам преверб *хэ-* этимологически возводится к словам *море* и *океан*, как считают авторы грамматики [Яковлев, Ашхамаф 1941]. Это допущение, возможно, не лишено оснований, однако верифицировать данное положение доступными методами мы не можем.

Возвращаясь снова к лексикографическому портрету ЛК *хэсын*, сравним русский и кабардинский варианты дефиниции, представленные в Словаре: «сидеть среди кого-чего-л.» и *щысу зыщIыпIэ щыIэн.* Здесь мы обнаруживаем серьезное несоответствие. Так, русская дефиниция, на наш взгляд, более адекватно передает смысл ЛК *хэсын*, подчеркивая, что субъект (человек) находится в толпе, коллективе, массе и т.д. Кабардинский же вариант дефиниции не отражает в полной мере значение данного ЛК, поскольку в нем акцент смещен исключительно на позу субъекта без учета его окружения.

В русском варианте («сидеть среди кого-чего-л.») авторы, как нам кажется, сделали акцент не на идее сидения, сидячего положения, а на идее «среди» как ключевом слове дефиниции. Вместе с тем подчеркнем, что в КЯ не существует эквивалента лексемы «среди» в виде отдельного слова. Лексема

«среди» (как, впрочем, и ее английский эквивалент *among*) определяется как «в составе какого-либо множества, в окружении других объектов» [СОЖ]. Именно эта дефиниция вполне адекватно могла бы передать смысл кабардинского преверба *хэ-* в данном локативном комплексе, а именно: «в составе, в окружении». Рассмотрим русский пример «они живут среди песков» и его перевод на КЯ (ср. также *different little creatures that live among the sands*):

ii. *Ахэ-р пшахъуэ-м хэсу мэпсэу*

ониABS песокERG LOC_AMONG_CONV-сидя живут (= сидя в песке)

Получается, что значение русского предлога *среди* (ср. англ. *among*) можно адекватно передать только посредством преверба ***хэ-*** (в данном примере — в составе ЛК *хэсын*, употребленного в деепричастной форме *хэсу*). Сказанное свидетельствует о том, что традиционное толкование значений, принятое в языках со свободными формами, не совсем приемлемо для языков со связанными формами.

Вернемся теперь к примерам для ЛК *хэсын* и представим их в виде списка с соответсвующими переводами[41] на русский язык.

Ср.:

(1) Гупым хэсын — *находиться в компании людей* (букв. *«в-сидеть»*);

(2) Псым хэсын — *находиться в воде* (букв. *«в-сидеть»*);

(3) Цыжьбанэ хадэм хэст — *В саду/огороде жил ежик* (букв. *«в-сидел»*).

В соответствии с нашими рассуждениями по поводу лексикографического портретирования ЛК **17B** *хэсын*, представляется оправданным начать с бесспорных прототипических ситуаций (см. описание **5B**). Так, по нашему мнению, было оправданно представить 1-ю часть словарной статьи этого комплекса в виде нескольких ЛСВ и привести прототипические (= недвусмысленные) контексты в качестве иллюстративного материала, чтобы продемонстрировать семантическое расширение лексемы *хэсын* ‘в-сидеть’, обусловленное топологическими

[41] В СКЧЯ кабардинский иллюстративный материал не переводится. Для наших целей это иногда необходимо, поэтому будем давать переводы примеров в виде параллельного текста на русском языке.

свойствами *фона*. Представляется не совсем корректным, на наш взгляд, под одну дефиницию *сидеть среди кого-чего-л.* подводить «скопом» такие объекты, как *компания людей, вода* и *сад*. Так, если примеры (1) и (2) однозначно приемлемы для этой дефиниции, то объект из примера (3) — сад (ср. *огород*) — с точки зрения КЯ в общем случае входит в категорию объектов, упоминаемых в контексте ЛК **8В** *исын* ‘в-сидеть’. Иными словами, некоторые объекты по своим семантическим характеристикам демонстрируют так называемую совмещенную топологию (см. об этом ниже, ЛК **19В** *щIэсын*).

Итак, предложим свой вариант рубрикации объектов, которые выступают в качестве *фона* в контексте ЛК *хэсын* ‘в-сидеть’. Попутно отметим, что ранее в работах адыговедов [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 2006] осуществлена попытка такой классификации. В кратком виде различные точки зрения на эволюцию превербов вообще и преверба *хэ-*, в частности, представлены выше (см. гл. I). Здесь мы рассмотрим, в каких терминах М.А. Кумахов описывает семантические особенности преверба *хэ-*. Так, в работе [Кумахов 2006] отмечается, что посредством данной приставки образуются глаголы, которые обозначают:

- положение, пребывание внутри предмета (вещества, жидкости, однородных предметов): *пшахъуэм хэлъын* — «лежать на песке», *псым хэсын* — «сидеть в воде», *жьым хэтын* — «быть в воздухе»;

- действие, движение, которое направляется внутрь или изнутри предмета: *псым хыхьэн* — «войти в воду», *псым хэкIын* — «выйти из воды» [Кумахов 2006].

На уровне развития лингвистической науки в эпоху структурализма достаточно было констатировать факт наличия тех или иных единиц в системе языка без объяснения того, что стоит за этими единицами и какова их функция в языковой картине мира. Как видно из примеров, здесь под одной рубрикой рассматриваются вещества, жидкости, однородные предметы. Вместе с тем, как нам кажется, именно этот комплекс с участием преверба *хэ-* представляет

собой весьма удобный лингвистический конструкт для иллюстрации того, как при помощи естественного языка осуществляется категоризация мира.

Итак, объекты (Y-и), которые упоминаются в контексте данного ЛК, можно объединить в следующие категории (при этом X-ы в конкретной ситуации могут *стоять*, *сидеть*, *лежать*). Для нас более важным представляется рассмотрение принципов категоризации предметного мира при помощи этого преверба, который можно в этом смысле рассматривать как классификатор:

- *вода и все жидкие вещества, в том числе слезы, кровь, лимфа, экссудаты;*

- *люди, объединенные в группу (компания, толпа, армия, организация), а также животные (стадо), и птицы (стая);*

- *растения (травяной покров), кустарники, и деревья, образующие массив;*

- *горные породы, скалы, твердые вещества (железо, золото), в которых могут содержаться другие, более мелкие вещества;*

- *сыпучие вещества и скопления (песок, щебень, куча мусора);*

- *сыпучие продукты питания (мука, пшено, сахар);*

- *шерсть животных, перьевой покров птиц, волосы человека (как среда обитания для паразитов);*

- *атмосферные явления и небесные светила* (*дождь, снег, солнце);*

- *температурные состояния среды* (*жара, холод);*

- *мероприятия и церемонии (как радостные, так и печальные: свадьбы, похороны), которые связаны со скоплением людей;*

- *абстрактные понятия (радость, горе, торжество);*

- *вооруженные конфликты, столкновения, войны.*

Любопытно также и то, как категоризуются некоторые органы и ткани человеческого тела. Как известно, основной телесной субстанцией человека и животных с точки зрения *метафизики естественного языка* или *наивной анатомии* является мясо (= мышцы как биологический термин).

После снятия шкуры оно первым «представало» перед взором человека, в отличие от костей и внутренних органов, т.е. мышечная масса — это именно тот материал, с которым человек знаком лучше всего. В испорченном мясе, естественно, появляются черви (личинки). Вот эта ситуация нахождения *червей* в мясе и описывается в КЯ при помощи ЛК *хэсын* ‘в-сидеть’:

iii. *Мы лым хьэпацIэ хэ-с-щ*

это мясоERG червяк(и) LOC_IN_AMONG-сидеть:PRS

В этом мясе есть черви (= ‘в-сидят’).

В процессе усложнения когнитивного опыта человек, по-видимому, перенес ситуацию с «червями в мясе» и на другие органы. Отсюда печень, легкие и мозг также категоризуются в КЯ в терминах преверба *хэ-*, хотя для русского и английского языков это бесспорные контейнеры (пусть и не прототипические). При этом любопытно, что эти черви не *‘в-стоят’* (не могут принять вертикальное положение) и не *‘в-лежат’* (т.е. не находятся в абсолютно неподвижном состоянии), а именно *‘в-сидят’,* т.е. проявляют какую-то активность: шевелятся и двигаются. Это очень важное условие категоризации живых существ в рассматриваемой ситуации. Примечательно также, что эти же органы находятся внутри человека (= в теле) исключительно в лежачем положении. Так, с точки зрения наивной анатомии КЯ *лежат* сердце, легкие, печень, желчный пузырь, почки, кишки, мозг. В то же время живые организмы (паразиты), которые живут в этих органах, *сидят*. Вместе с тем, если в ситуацию в качестве Х-а вовлечены неодушевленные предметы, то основания категоризации существенно меняются. Так, когда мы попросили информантов охарактеризовать ситуацию нахождения пули, дроби или копья в тех же самых органах, viz. в мясе, легких, печени или мозге, они единодушно ответили, что инородные тела такого рода могут только лежать, а не стоять. Иными словами, если они оказались в любом из этих органов, то находятся там в лежачем состоянии, т.е. букв. «в-лежат». Это подтверждает данные Р.С. Кимова, выявленные при опросе информантов относительно глаз человека. Информанты считают, что глаза

человека занимают «сидячее» положение, т.е. *«в-сидят»* (в глазнице). В то же время искусственный глаз *«в-лежит»*, т.е. «не активничает» [Кимов, 2010а]. Так, в устном сообщении доцент Л.Х. Дзасежева обратила наше внимание на то, что идея сидения в локативных комплексах КЯ связывается исключительно с одушевленными или метафорически приравненными к ним объектами (звезды «сидят», солнце «сидит», естественный глаз «сидит», но искусственный — «лежит»).

2.4.5. ЛК *щIэсын* ‘сидеть под’

Выше нами рассмотрены три наиболее распространенных преверба, выражающих вместилище. Любопытно, что профессор М.А. Кумахов причисляет [Кумахов 2006: 102] к ним преверб ***щIэ-***. Этот элемент образует локативный комплекс **19В**, анализу которого посвящен этот раздел. Приведем мнение авторитетного ученого в оригинальной формулировке. Так, М.А. Кумахов отмечает, что «глагольные приставки *дэ- (ды-), щIэ- (щIы-), хэ- (хы-), и-* образуют глаголы, которые обозначают положение, пребывание в н у т р и предмета, направление действия, движения в н у т р и , и з н у т р и предмета. Однако эти приставки не являются с и н о н и м и ч н ы м и , и возможность замены одной из них другой отсутствует» [Кумахов 206: 102]. Мы не будем сейчас обсуждать синонимичность этих префиксов, хотя это интересный теоретический вопрос. Но, по нашему мнению, важно другое: автор академического издания оказался перед дилеммой и посчитал возможным рассматривать этот преверб в тех же терминах, что и превербы во всех ячейках (строки **5, 8, 17).** Как мы показали в разделе, посвященном эволюции взглядов на природу превербов (см. раздел 1.4.), в частности пространственных, проф. М.А. Кумахов считает, что преверб *щIэ-* имеет одно значение: «преверб *щIэ* образует основы статических и динамических глаголов и вносит в основу глагола значение «под» (ср. *щIэ* «дно»)» [КЧЯ 2006: 262]. В таком случае перед нами налицо противоречие: в словаре [СКЧЯ 1999: 795] преверб *щIэ-* представлен как имеющий два значения, а в справочном академическом

издании [КЧЯ 2006: 262] он выступает в одном значении. Мы не можем сейчас вступать в пространные дискуссии относительно этого факта (это не входит в наши задачи), но при этом сделаем следующее допущение: рассмотрение преверба в изоляции, в отрыве от корневой морфемы, как это предлагается в [КЧЯ 2006: 262], является малоинформативным методом. Особенно это касается превербов, в означаемом которых мы наблюдаем совмещенную топологию (см. понятие совмещенной топологии в [Рахилина 2000]). В этой связи рассмотрим семантическую структуру ЛК **19B** *щIэсын* ‘сидеть под’. Пока условимся следовать за Словарем и считать, что преверб *щIэ-* имеет два значения, так, как это делает СКЧЯ:

(a) значение, которое соответствует русскому предлогу ‘в’;

(b) значение, которое соответствует русскому предлогу ‘под’.

Отсюда видно, что значение (a) может быть описано в терминах семантического ярлыка IN, а значение (b) — в терминах ярлыка SUB. В данном случае, подобно тому как мы анализировали семантику преверба *дэ-* ‘между’, обратимся к допущению о первообразной категоризации некоторых пространственных объектов, упоминаемых в контексте лексем с превербом *щIэ-*, предложенному Р.С. Кимовым в [Кимов 2022]. Следуя нашему предположению о том, что анализ преверба в изоляции малоинформативен, можно было бы рассмотреть все три локативных комплекса строки **19** — A *(щIэтын),* B *(щIэсын),* C *(щIэлъын).* Однако ввиду специальной задачи (исследование ЛК с глаголом *сидения* в КЯ) мы сосредоточим внимание на ячейке **19B**. Все эти лексемы отличаются, как видно, корневой морфемой и передают при этом обобщенное значение *стоять*/*сидеть*/*лежать* ***под*** *чем-либо* (*X под Y-ом*). Исходя из этого, условимся считать, что первообразом Y-ов, используемых в контексте этих локативных комплексов, является *сень* (крона или ветви деревьев, образующие полог) как возможное укрытие для человека [Википедия]. Отсюда X-ы в этих ситуациях описываются в русском языке в контексте предлога **под** (ср.: *под сенью деревьев*, *под пологом леса*). При этом очевидно, что Y-и выступают в роли натурфактов, «предложенных»

природой для разнообразных целей. Обобщенно их денотаты можно представить в виде семантического ярлыка **SUB** («под»). В ходе когнитивного освоения пространства, очевидно, люди встречались и с такими ландшафтными объектами, как *грот* или *пещера*. Мы не можем точно сказать, что́ человек использовал в первую очередь — полог леса, кроны деревьев или пещеру. Но ясно одно: последний объект является более сложно устроенным самой природой, а значит, и функционально более надежным. Обозначим такие объекты ярлыком **IN** («в») (ср. рус. *в пещере, в гроте* и англ. *in the cave, in the grotto*). Однако в соответствии с категоризацией пространственных объектов, принятой в КЯ, они содержат две активные пространственные семантические зоны — ***ПОД*** и ***В***, что предопределяются их совмещенной топологией. Иными словами, пещеры осмыслялись, с одной стороны, как навесы, а с другой — как контейнеры. В этой связи вполне логично присвоить таким объектам ярлык SUB-IN (или IN-SUB), который учитывает двойную категоризацию. От пещер люди перешли к домам, которые представлялись как усовершенствованные «пещеры» с дверьми, окнами, крышей и т.д. Без учета этого фактора при глоссировании некоторых примеров с участием всех трех локативных комплексов строки **19** — А *(щIэтын)*, В *(щIэсын)*, С *(щIэлъын)* — мы окажемся в тупиковой ситуации, которая до сих пор озадачивает как носителей адыгских языков, так и тех, которые занимаются их исследованием.

Приведем примеры, которые являются ответом на вопрос: *Где <твой> дедушка?*

Отметим, что во всех

примерах коммуникативная ситуация (соотношение отправителя (О) и получателя (П) информации) остается неизменной, что избавляет нас от необходимых поправок на возраст или социальный статус собеседников. Чаще всего О — это сосед, хороший знакомый или родственник, который вхож в семью. П — молодой человек (внук), скорее, подросток.

i.

— *Дадэ гуэщым щIэ-с-щ*

дедушкаABS сарайERG LOC_SUB-сидит (= ‘под-сидит’)

Дедушка в сарае[42].

Пример является естественной реакцией *П*: в момент вопроса дедушка находится именно под навесом <занят разными делами: приводит в порядок инвентарь>. Поэтому П обязан указать область локализации дедушки (*фон*). При этом в эту минуту дедушка может занимать любую из локативных позиций, но в КЯ используется глагол *сидения* как наиболее нейтральный. Так, использование глагола **19A** *щIэтын* ‘под-стоять’ означало бы, что его нахождение в сарае в данную минуту предполагает обязательное стоячее положение: работает у станка (шлифовального), обрабатывает ногу лошади и т.д. Использование комплекса **19C** *щIэлъын* ‘под-лежать’ подразумевает, что дедушка прилег отдохнуть или же занемог, предпочитает лежать на свежем воздухе <под навесом>. Итак, в нашем случае дедушка в сарае буквально ‘под-сидит’

ii.

— *Дадэ унэм щIэ-с-щ*

дедушкаABS домERG LOC_SUB_IN-сидит

Дедушка сидит в доме.

В примере (ii) представлен грамматически безупречный и нормативный ответ, хотя и звучит немного неестественно из уст носителя языка. В подобных случаях, когда *фон* известен и не оставляет сомнений, он, как правило, элиминируется.

Сравните со следующим примером:

iii.

— *ЩIэ-с-щ*

<дедушка> LOC_SUB_IN-сидит (= ‘под-сидит’)

[42] *Сарай* и *навес* в КЯ обозначаются одним словом *гуэщ*.

Дома.

В этом примере ***фон*** (*унэ* «дом») элиминирован (ср. с примером ii.) Естественным кратким ответом является именно ЛК *щIэсщ* (букв. ‘под-сидит’). Как видно, значение *фона* встроено в сам ЛК и составляет неотъемлемую часть его семантики. В русском же языке он обязательно должен быть выражен, т.е. не может быть элиминирован (ср. *сидит дома* и *сидит*).

Рассмотрим еще один ответ на этот же вопрос о местонахождении дедушки на примере ЛК **5B** *дэсын* ‘**между**-сидеть’:

iiii.

— Дэ-с-щ

<дедушка> LOC_BETWEEN_IN-сидит

Во дворе (находится на территории двора).

Как видно, в этом примере ответом на вопрос является локативный комплекс в финитной форме. Ответ предполагает, что дедушка во дворе (двор — это вместилище, но в него попадают только через ворота).

Следующий пример представляет собой вопросительное высказывание, цель которого состоит в том, чтобы выяснить, верно ли утверждение:

iiiii.

— Дадэ щIэс?

дедушкаABS LOC_SUB_IN-сидит (= ‘под-сидит’)

Дедушка дома?

- *НтIэ.*

Да.

Продолжая анализ ЛК **19B** *щIэсын* ‘под-сидеть’, отметим, что представляется не вполне обоснованным утверждение такого авторитетного ученого, как М.А. Кумахов, о том, что морфема *щIэ-* обладает только одним значением. В таком случае, как объяснить, что все три комплекса с этой

морфемой (строка **19**) являются полисемантичными: ЛК **19A** и **19C** имеют по три значения, ЛК **19B** представлен целыми пятью значениями. Подчеркнем, что это очень высокий индекс полисемии для кабардинского языка.

Приведем еще пример с ЛК **19B**, включающим преверб *щӀэ-* («под»), и сравним его с ЛК **17 B:**

I. *ХьэкӀэкхъуэкӀэр мэзым щӀэсщ.*
звериABS лесERG LOC_SUB_IN-сидеть (= ‘под-сидят’)
Звери живут (= водятся) в лесу.

Ср.:
II. *ХьэкӀэкхъуэкӀэр мэзым хэсщ.*
звериABS лесERG LOC_IN-сидеть (= ‘в-сидят’)
Звери живут (= водятся) в лесу.

Как показывают эти примеры, в КЯ *мэз* «лес» категоризуется как объект с совмещенной топологией, которая предопределяет его когнитивное осмысление: с одной стороны, лес представляет собой «скопление деревьев, густое и непроходимое». В таком случае мы имеем дело со сплошной массой (пример II; см. подробный анализ ЛК *хэсын* в разделе 2.4.4.). Если же в основе концептуализации *леса* лежит идея «сени, полога», то пространственная ситуация категоризуется в терминах ЛК с превербом ***щӀэ-*** (пример I). Однако любопытный момент заключается в следующем. Как мы показали, в контексте преверба *щӀэ-* (все ЛК строки **19**) упоминаются два топологических типа объектов и, соответственно, две локализации — SUB *под* и IN *в* (ср. *под навесом* и *в доме*). В данном случае перед нами «языковой образ, который напрямую связан с тем, как объект используется человеком» [Рахилина 2010: 161]. Иными словами, в КЯ навес (= сарай) и дом мыслятся как функционально «близкие» по своему назначению объекты. Что касается примеров (I) и (II), перед нами налицо два разных взгляда на вещи (= салиентных признака),

которые не могут быть подведены под одну форму *щIэ-*. Кабардинская ЯКМ допускает рассмотрение леса как контейнера (ср. *в лесу* и *in the forest*). Однако для кабардинского языка, в отличие от русского, английского и многих других языков, это не «обыкновенный» контейнер (строка **8** таблицы 2: ср. *в ведре*, *в яме*, *в мешке* и т.д.), а контейнер с другими характеристиками. Ср. с контейнерами строки **17** (A, B, C), которые представляют собой множественные сущности. Русский и английский языки, в отличие от кабардинского, не оформляют такие объекты особым образом (ср. строки 5, 6, 8, 12, 17, 19).

Наибольшей частотностью среди всех типов контейнеров в КЯ характеризуются ЛК **5**, ЛК **8**, ЛК **17** и ЛК **19**. Как мы показали (см. таблицу 2), каждая из этих строк содержит по 3 комплекса с соответствующим позиционным глаголом. Что же касается других локативных комплексов, выражающих идею контейнера (ЛК **6**, ЛК **12**), они менее распространены, т.е. ограничены в употреблении, вследствие чего не были подробно проанализированы в работе.

ВЫВОДЫ

В данном разделе осуществлен анализ практического материала, исходящий из общей цели и задач диссертационной работы. Специальному анализу подвергнуты средства, к которым прибегают языки, вовлеченные в исследование, при концептуализации и категоризации статических пространственных ситуаций. Имея в виду, что пространственные ситуации делятся на динамические и статические, в данной главе кратко проанализированы особенности кодирования динамических ситуаций в КЯ в сопоставлении с русским и английским языками. Необходимость этого анализа обусловлена тем, что в КЯ до сих пор не определен статус статических и динамических глаголов: к статическим глаголам в КЯ причисляются глаголы желания и обладания. В этой связи при опоре на современные научные данные нами выявлено, что КЯ нельзя однозначно причислить ни к глагольным, ни к сателлитным языкам, что требует дополнительного исследования на широком теоретическом и эмпирическом материале. Вместе с тем на данном уровне анализа мы показали, что превербы КЯ, используемые в статических пространственных ситуациях удовлетворяют критериям сателлитов, используемых в динамических ситуациях. Будучи интегральной частью глагольной лексемы, *сателлиты* в КЯ выражают одну из трех поз (позиций) субъекта/объекта, образуя так называемые локативные комплексы. Сущность этих комплексов заключается в том, что любая статическая пространственная ситуация репрезентируется при помощи устойчивого морфемного сочетания, которое включает локативный префикс и предикат локативного состояния. Локативные комплексы КЯ, выражающие *статические* пространственные ситуации, сведены нами в одну таблицу. При этом все глаголы позиции КЯ, следуя классификации В.Г. Гака, разделены на *глаголы общей (базовой)* и *частной позиции*. В этой связи установлено, что КЯ не располагает структурно простыми предикатами локативного состояния (ср. рус. *сидеть, стоять, лежать, висеть* и англ. *sit, stand, lie, hang*).

Кроме того, в главе разработана и представлена новая формула кодирования статических пространственных ситуаций в КЯ, которая позволила акцентировать внимание на ряде ключевых моментов. Во-первых, между пространственными префиксами КЯ и препозитивами индоевропейского типа наблюдается определенный когнитивный (семантический) изоморфизм: превербы КЯ и предлоги в языках со свободными формами выполняют схожие когнитивные задачи, хотя и с определенными оговорками. Во-вторых, как оказалось, выбор преверба предопределяется топологическими и физическими свойствами как *фигуры*, так и *фона* (форма, размер, субстанция), т.е. характеристиками той области локализации, которая предстает в конкретном языке в одной из топологических форм. В-третьих, установлено, что выбор позиционного глагола в реляционной структуре связан как с категоризацией *фигуры,* так и с денотативными характеристиками *фона*.

В этой связи сделаем вывод о том, что важнейшей типологической чертой КЯ при кодировании статических пространственных ситуаций является о б я з а т е л ь н о е наличие одного из *постуралов.* Именно это обстоятельство диктует как специфику кодирования пространственных ситуаций, так и особенности семантического развития локативных комплексов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе нашли отражение результаты сравнительно-сопоставительного анализа статических пространственных ситуаций в кабардино-черкесском, русском и английском языках с целью выявления типологических сходств и различий в репрезентации пространства. Проведенное исследование базируется на современных методах семантического и грамматического описания языка, основным из которых является когнитивный подход к анализу языковых фактов. Именно такой подход позволил поэтапно выявить особенности категоризации как самих пространственных ситуаций, так и языкового представления участников этих ситуаций, среди которых значимыми являются *локализуемый объект*, *область локализации (= локализатор)* и так называемый *релятор*, который кодирует пространственную конфигурацию *объекта* и *области локализации*. Эти отношения участников пространственной ситуации проанализированы в свете теоретических установок отечественных лингвистов (О.Н. Селиверстовой, В.Г. Гака и др.), а также с позиции фигурно-фоновых отношений, предложенных известным типологом Л. Талми. В ходе анализа практического материала выяснилось, что пространственные конструкции английского и русского языков недостаточно отражают природу так называемых полисинтетических языков, в которых осмысление пространства имеет ряд особенностей: непривычный порядок следования *фигуры* и *фона;* отсутствие свободных форм (адпозитов) для выражения их взаимодействия; обязательное наличие одного из трех позиционных глаголов, которые в прямом или переносном (= метафорическом или метонимическом) смысле демонстрируют соотношение *фигуры* и *фона* в анализируемых ситуациях. Обязательным также является наличие приглагольной морфемы (= пространственного преверба), которая выступает в качестве *сателлита* глагольного корня, модифицируя, конкретизируя, детализируя взаимодействие *фигуры* и *фона.* Таким образом, превербы, сочетаясь с глагольным корнем, выражающим локативную позицию, образуют *локативные комплексы*. Последние, как

показано в работе, представляют собой не просто аддитивные морфемные образования, а цельнооформленные глагольные лексемы с полной парадигмой (выражающие все грамматические глагольные категории). В этом состоит одно из ключевых отличий в репрезентации статических пространственных ситуаций в языках со свободными (русский, английский) и связанными (кабардинский) формами.

В работе также представлен сравнительно-сопоставительный анализ трех позиционных глаголов — ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’ — в исследуемых языках. В свете типологических разысканий ученых [J. Newman 2002, 2004, 2022; Майсак 2005] показана их особая роль в концептуализации и категоризации пространства в разных лингвокультурах, в том числе в кабардинской языковой картине мира, что предопределяет их высокую частотность, а тем самым — полисемантичность. Особое место в кабардинском языке занимает глагол «сидеть», который широко подвергается метафоризации, что подробно описано в работе.

В исследовании продемонстрированы семантически схожие черты локативных превербов и пространственных предлогов в категоризации статических ситуаций. Выявлено при этом, что в отличие от русского и английского, кабардинский язык проявляет большее внимание к экстралингвистическим параметрам при категоризации *фигуры* и *фона*: их форме, размеру, активным зонам и т.д. Этим обстоятельством предопределяется выделение нескольких типов контейнеров в кабардинском языке. Так, категория *вместилище*, которая в русском и английском языках в общем случае осмысляется при опоре на концепты ***в*** и ***in*** (ср. *в ведре/баке/коробке/сундуке*, с одной стороны, и *in the bucket, tank, box, chest*, с другой), обозначается в кабардинском языке более дробно: здесь выделяется, по крайней мере, шесть разновидностей *вместилищ* (= контейнеров), которые обслуживаются разными превербами. Так, емкости, которые являются прототипическими вместилищами, КЯ категоризует, например, в терминах преверба ***и-***. В этом смысле все три языка демонстрируют типологическое

сходство, за исключением ряда периферийных случаев, обусловленных спецификой языковой картины мира (ср. рус. *на этой картине* и англ. *in this picture*; рус. *птичка на дереве* и англ. *the bird is in the tree*). Вместе с тем КЯ обращает особое внимание на некоторые параметры, которые не учитываются в русском и английском языках. Так, ввиду совмещенного видения топологических форм разных объектов, КЯ выделяет редкие типы контейнеров, viz. «створчатые» контейнеры, при категоризации которых учитывается комбинация двух идей: *вместилище* + *створка* (шкафы, сундуки). Все вещества, например, независимо от агрегатного состояния (твердые, жидкие, газообразные), обслуживаются единым превербом ***хэ-*** и т.д.

Анализ пространственных ситуаций и их участников позволил выделить две разновидности прототипов: a) *прототип* как первообраз (= первородная концептуализация) природного объекта, который предопределяет первоначальное формирование категорий на раннем этапе когнитивного освоения мира (ср. примитивные контейнеры, обозначаемые комплексами с превербами *и-*, *щIэ-*, *дэ-*); b) *прототип* как наиболее типичный (эталонный) представитель категории, характеристики которого позволяют включать новые артефакты, появившиеся в опыте народа (например, в середине XX века), в уже известные, сформировавшиеся категории (стиральная машина отнесена к категории контейнеров типа ведра, бака и т.д.; холодильник стал «членом» категории «створчатых» объектов — шкаф, сундук).

Перспективы исследования видятся нами в вовлечении всех трех глаголов позиции КЯ в дальнейшие исследования с целью выявления путей грамматикализации этих единиц.

Считаем необходимым продолжить работу с информантами, пока не исчезли подлинные носители кабардинского языка.

Необходимой представляется инициация масштабного проекта по сбору материалов для переиздания Словаря кабардино-черкесского языка с привлечением ведущих специалистов в области русской лексикографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авидзба А.В. Локальные превербы в абхазском и абазинском языках / А.В. Авидзба; АбИГИ, АНА. – Сухум: РУП «Дом печати», 2024. – 160 с.

2. Адышесова М.Р. Локальные превербы в кабардино-черкесском языке: автореферат диссертации кандидата филологических наук / М.Р. Адышесова. – Майкоп, 1999. – 24 с.

3. Аркадьев П.М. Дейктические превербы адыгских языков и типология инверсива / П.М. Аркадьев // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». – Москва: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 105–118.

4. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – Москва: Индрик, 1999. – С. 3–10.

5. Арутюнова Н.Д. Язык о языке / Н.Д. Арутюнова // Сборник статей / под ред. Н.Д. Арутюновой. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 624 с.

6. Архипов А.В. Типология комитативных конструкций / А.В. Архипов. – Москва: Знак, 2009. – 293 с.

7. Архипов А.В. Типология комитативных конструкций: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / А.В. Архипов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2004. – 22 с.

8. Баландина И.Д. Синонимическая аттракция как средство создания языковой картины мира / И.Д. Баландина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 2 (4). – С. 50–55.

9. Баранов А.Н. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1990. – Т. 49, № 5.

10. Бархударов Л.С. Двенадцать названий и двенадцать вещей / Л.С. Бархударов // Русский язык за рубежом. – 1969. – № 4. – С. 79–86.

11. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира / З.Х. Бижева. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 123 с.

12. Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5–12.

13. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – 4-е изд., испр. и доп. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

14. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2000. – 163 с.

15. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2001. – С. 25–36.

16. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335). – С. 118–122.

17. Борискина О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 211 с.

18. Брутян Г.А. Очерки по анализу философского знания / Г.А. Брутян. – Ереван, 1979. – 288 с.

19. Брутян Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.

20. Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании / Г.А. Брутян // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван, 1976.

21. Буровик К.А. Колода, выдолбленная из дерева — это самый древний прототип шкафа / К.А. Буровик // Родословная вещей. – 2-е изд., перераб. – Москва: Знание, 1991. – 232 с.

22. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: УРСС, 2004. – 229 с.

23. Верещагина Н.В. Картина мира В. фон Гумбольдта и ее осмысление в современной французской лингвистике / Н.В. Верещагина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Вып. 9 (877). – С. 110–115. – DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_110.

24. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – Москва: Русский язык, 2001. – 720 с.

25. Выренкова А.С. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык / А.С. Выренкова, М.С. Полинская, Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 2014. – № 3. – С. 3–19.

26. Гак В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков) / В.Г. Гак. – Москва, 1966.

27. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.

28. Гипотеза лингвистической относительности. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 29.09.2026).

29. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка / [ред. коллегия: М.Л. Абитов и др.]; Акад. наук СССР. Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 240 с. (ГКЧЛЯ)

30. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Ч. I. – Москва: Наука, 1970. – 216 с.

31. Гречко В.А. Тождественные абстракции в системе языка (синонимия, вариантность, омосемия) / В.А. Гречко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: филология. – 2004. – № 1. – С. 129–138.

32. Даниленко В.П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера / В.П. Даниленко. – Режим доступа: http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm (дата обращения: 29.09.2026).

33. Демьянков В.З. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования / В.З. Демьянков // Сборник научных трудов РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2007. – С. 26–33.

34. Джусупов Н.М. Когнитивные основы салиентности в языке и тексте / Н.М. Джусупов // O‘zbekistonda xorijiy tillar. – 2023. – № 3 (50). – С. 43–58. – Режим доступа: https://journal.fledu.uz/wp-content/uploads/sites/3/2023/06/nursultan-mahanbet-uly-dzhusupov.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

35. Дзасежева Л.Х. Лексико-семантическое поле "женщина" в разных культурных сообществах: на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л.Х. Дзасежева. – Нальчик, 2006. – 25 с.

36. Дзуганова Л.М. Языковая концептуализация души: автореферат диссертации кандидата филологических наук / Л.М. Дзуганова. – Нальчик, 2007. – 23 с.

37. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е.В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 286 с.

38. Друзина Н.В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания. Функциональный и когнитивный аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / Н.В. Друзина; Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 42 с.

39. Желобицкий Л.Е. Секреты пчелиного дупла / Л.Е. Желобицкий // Пчеловодство. – Режим доступа: https://beejournal.ru/lyubitelyu/razvedenie-i-soderzhanie-lubitel/4657-sekrety-pchelinogo-dupla/ (дата обращения: 29.09.2026).

40. Журек М. Словообразовательные синонимы в сфере наименований лица в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / М. Журек; Ин-т рус. языка. – Москва, 1997. – 46 с.

41. Зализняк А.А. Языковая картина мира / А.А. Зализняк // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru (дата обращения: 13.04.2025).

42. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова; АН СССР. Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 1973. – 351 с.

43. Кабардино-черкесский язык: [монография] : в 2 т. / [М.Л. Апажев и др.] гл. ред. М.А. Кумахов ; Ин-т гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. — Нальчик : Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. — 25 см.; ISBN 5-88195-754-7. (КЧЯ)

44. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1981. – 363 с.

45. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1976. – 354 с.

46. Караулов Ю.Н. Словарь как компонент описания языков / Ю.Н. Караулов // Принципы описания языков мира. – Москва, 1976. – С. 344.

47. Керашева З.И. Локативные превербы статических и динамических глаголов в абхазско-адыгских языках / З.И. Керашева, Л.П. Чкадуа // ЕИКЯ. – Тбилиси: Издательство АН ГССР, 1977. – Т. IV. – С. 107–117.

48. Кибрик А.Е. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол / А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов; МГУ им. М.В. Ломоносова, Филол. фак.. — Москва : Изд-во МГУ, 1988. — 225,[1] с. : 22 см.; ISBN 5-211-00541-4.

49. Кимов Р.С. Реляционные конструкции в языках / Р.С. Кимов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 3.

50. Кимов Р.С. Соматизмы кабардинского языка / Р.С. Кимов // Грамматикализация: монография. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. – С. 122.

51. Кимов Р.С. Специфика языковой категоризации пространства в типологическом ракурсе / Р.С. Кимов // Особенности репрезентации мира в разных лингвокультурах / А. Ахматова и др. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2022. – 139 с.

52. Кимов Р.С., Хатухова Л.В. Сравнительный семантический анализ позиционных глаголов в русском, кабардинском и английском языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 4. – С. 487-501.

53. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

54. Колшанский Г.В. Логика и структура языка / Г.В. Колшанский. – Москва: Высш. шк., 1965. – 239 с.

55. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – Москва: Наука, 1990. – 103 с.

56. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для вузов / М.А. Кронгауз. – Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.

57. Кубрякова Е.С. Конверсия в современном английском языке / Е.С. Кубрякова, В.А. Гуреев // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 33–38.

58. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 26–34.

59. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. – Москва, 1986.

60. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – С. 141–172.

61. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – Москва, 1997.

62. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование / Е.С. Кубрякова. – Москва, 1965.

63. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 144–238.

64. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; РАН. Ин-т языкознания. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 561 с.

65. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – № 3. – С. 22–31.

66. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / Е.С. Кубрякова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2003. – № 4 (38). – С. 2–12.

67. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. Материалы международной конференции. Часть 1. – Тамбов, 1999. – С. 6–13.

68. Кузнецова Е.А. О метафорической семантике английских глаголов положения в пространстве sit, stand и lie / Е.А. Кузнецова // Филология и культура. – 2021. – № 4 (66).

69. Кузнецова Е.А. Специфика репрезентации пространственной ориентации событий в семантике английских глаголов sit, stand и lie / Е.А. Кузнецова // Филология и человек. – 2020. – № 3.

70. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

71. Ландер Ю.А. [Рец. на:] Кабардино-черкесский язык / Ю.А. Ландер, Я.Г. Тестелец // Вопросы языкознания. – 2007. – № 6. – С. 134–138.

72. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка / А.А. Леонтьев. – Москва, 1963. – 139 с.

73. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

74. Лопатин В.В. Глаголы пространственного расположения предмета, их словообразовательные и семантические связи / В.В. Лопатин // Словарь. Грамматика. Текст / ред. Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон. – Москва, 1996.

75. Мазурова Ю.В. Есть ли у стен уши? Отыменные предлоги в персидском языке / Ю.В. Мазурова // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. Вып. 2 / ред. В.А. Плунгян. – Москва, 2002.

76. Мазурова Ю.В. Типология средств выражения пространственной локализации: автореферат диссертации кандидата филологических наук / Ю.В. Мазурова. – Москва, 2007. – 35 с.

77. Майсак Т.А. Система пространственных превербов в агульском языке / Т.А. Майсак, С.Р. Мерданова // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. Вып. 2 / ред. В.А. Плунгян. – Москва, 2002.

78. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т.А. Майсак. – Москва: Языки славянских культур, 2005.

79. Макерова С.Р. Имплицитность, подтекст и лексико-морфологические категории / С.Р. Макерова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: филология и искусствоведение. – 2013. – Вып. 3 (126). – С. 69–75.

80. Массалина И.П. Категория сателлитов. Структура и семантическая организация / И.П. Массалина // Известия КГТУ. – 2009. – № 16. – С. 235–240.

81. Мельник С.И. Об авторе этой книги / Предисловие / С.И. Мельник, А.М. Шахнарович // Г.В. Колшанский. Объективная картина мира в познании и языке. – Москва: Наука, 1990. – 103 с.

82. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.

83. Мурзаканова М.Ю. Категоризация семьи и родственных отношений в языковой картине мира в свете лакунологии (на материале русского, английского и кабардинского языков): диссертация кандидата филологических наук / М.Ю. Мурзаканова. – Нальчик, 2024. – 176 с.

84. Напольнова Е.М. Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка: автореферат диссертации доктора филологических наук / Е.М. Напольнова. – Москва, 2021. – 39 с.

85. Неогумбольдтианство. – Режим доступа: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Неогумбольдтианство (дата обращения: 15.07.2025).

86. Панов В.А. К типологии и диахронии глаголов движения в латинском языке / В.А. Панов // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Электронное научное издание. – Москва: Институт языкознания РАН, 2011. – Вып. 3. – С. 212–238.

87. Перехвальская Е.В. Этнолингвистика: учебник для вузов / Е.В. Перехвальская. – Москва: Изд-во Юрайт, 2023. – 351 с.

88. Пименова М.В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – Москва: Флинта: Наука, 2011.

89. Плунгян В.А. О некоторых направлениях современной французской лингвистики / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 107–125.

90. Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации / В.А. Плунгян // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В.А. Плунгян. – Москва, 2002.

91. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие / В.А. Плунгян. – 2-е изд., испр. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

92. Полонский Я.П. Стихотворения. Поэмы. – М., "Правда", 1986. – 60 с.

93. Попова З.Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике / З.Д. Попова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 7–17.

94. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

95. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 189 с.

96. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 62 с.

97. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – С. 8–69.

98. Радченко О.А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. – Москва, 1997.

99. Рамишвили Г.В. Языкознание в кругу наук о языке / Г.В. Рамишвили // Вопросы философии. – 1981. – № 6. – С. 104–110.

100. Рахилина Е.В. А был ли концепт? Контейнер и содержимое в русском языке / Е.В. Рахилина // Лингвистика конструкций. – Москва: Азбуковник, 2010. – 584 с.

101. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – Москва, 1998. – Вып. 36. – С. 274–318.

102. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – Москва: Русские словари, 2000.

103. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – Москва: Русские словари, 2008. – 416 с.

104. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Е.В. Рахилина. – Москва: Азбуковник, 2010. – 584 с.

105. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2000. – № 3. – С. 3–15.

106. Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: «стоять», «лежать», «сидеть» и «висеть» / Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6.

107. Рогава Г.В. Грамматика адыгейского языка / Г.В. Рогава, З.И. Керашева. – Краснодар; Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, 1966. – 462 с.

108. Рогава Г.В. К вопросу о глагольной морфеме щьы-/щъы- в адыгских языках / Г.В. Рогава // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. – Черкесск: Карачаево-Черкесский Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1983. – С. 14–19.

109. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

110. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 87–108.

111. Серебренников Б.А. Типы мышления / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – Москва: Наука, 1988. – 242 с.

112. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т.Г. Скребцова. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 391 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

113. Сметанина Т.В. Когнитивная семантика глаголов пространственной ориентации stand, sit, lie: автореферат диссертации кандидата филологических наук / Т.В. Сметанина. – Иркутск, 2007. – 18 с.

114. Сотникова К.Э. Активизация пространственных конструкций в русской речи англоговорящих студентов: автореферат диссертации кандидата педагогических наук / К.Э. Сотникова. – Санкт-Петербург, 2018. – 18 с.

115. Степанов Ю.С. Понятие / Ю.С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 383–385.

116. Стернин И.А. Концепты и лакуны / И.А. Стернин // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. – 2016. – Т. 16, № 8. – С. 49–52.

117. Стернин И.А. От научного редактора / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.

118. Стоянова Е.А. Глаголы положения в пространстве в норвежском языке: автореферат диссертации кандидата филологических наук / Е.А. Стоянова. – Санкт-Петербург, 2013. – 25 с.

119. Таов Х.Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии: автореферат диссертации доктора филологических наук / Х.Т. Таов. – Нальчик, 1998. – 51 с.

120. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – С. 173–204.

121. Тестелец Я.Г. Именные локативные формы в дагестанских языках / Я.Г. Тестелец. – Дипломная работа, МГУ, 1980. – Режим доступа: https://www.academia.edu/ (дата обращения: 29.09.2026).

122. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н.И. Толстой // Н.И. и С.М. Толстые. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 19–32.

123. Трофимова А.В. Русские префиксальные глаголы с позиционным значением как средство вербализации пространственного мышления / А.В. Трофимова, В.А. Косова // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159. – С. 1231–1243.

124. Турчанинов Г. Грамматика кабардинского языка / Г. Турчанинов, М. Цагов. – Москва; Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. – 160 с.

125. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком мира и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – С. 108–140.

126. Федосеева Л.Н. Пространственные отношения в современном русском языке: семантика и средства выражения: автореферат диссертации кандидата филологических наук / Л.Н. Федосеева. – Елец, 2004. – 24 с.

127. Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / М.В. Филипенко // Исследования по семантике предлогов: сборник статей. – Москва: Русские словари, 2000. – С. 12–55.

128. Хатухова Л.В. Локативный комплекс как лингвистическая проблема (на материале русского и кабардинского языков) / Л.В. Хатухова // Казанская наука. – 2024. – № 5.

129. Хатухова Л.В. Концептуальное расширение позиционных глаголов в значении сидеть (на материале кабардинского, русского и английского языков) // Казанская наука. – 2023. – № 1. – С. 53-55.

130. Хатухова Л.В. Семантические особенности глаголов в значении ‘стоять’ в сопоставительном аспекте (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – № 2. – С. 399-406.

131. Хутова Э.Р. Бинарная оппозиция "любовь / ненависть" в разносистемных языках: лингвокультурологический аспект: на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков: автореферат диссертации кандидата филологических наук / Э.Р. Хутова. – 2008. – 22 с.

132. Чесноков П.В. Семантические формы мышления и их параметры / П.В. Чесноков // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2007. – № 1-2. – С. 117–123.

133. Чкадуа Л.П. Глагольное словообразование в абхазском языке / Л.П. Чкадуа. – Сухум: АбИГИ, 2005. – 302 с.

134. Чкадуа Л.П. Избранные труды / Л.П. Чкадуа. – Сухум: АбИГИ; Дом печати, 2012. – Т. II. – 445 с.

135. Шильке В.В. «Теории»: Как язык влияет на картину мира? Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа / В.В. Шильке. – 2016. – Режим доступа: http://concepture.club/ (дата обращения: 29.09.2026).

136. Яковлев Н. Грамматика адыгейского литературного языка / Н. Яковлев, Д. Ашхамаф. – Москва; Ленинград, 1941.

137. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка / Н.Ф. Яковлев. – Москва; Ленинград, 1948.

138. Яковлев Н.Ф. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Выпуск I. Синтаксис и морфология / Н.Ф. Яковлев. – Ворошиловск: Орджоникидзевское краев. изд-во, 1938. – 143 с.

139. Ameka F.K. The typology and semantics of locative predicates: posturals, positionals, and other beasts. Introduction to Special Issue on Locative Predicates / F.K. Ameka, S.C. Levinson // Linguistics. – 2007. – Vol. 45, no. 5/6. – Pp. 847–871.

140. Bach E. Natural Language Metaphysics / E. Bach // Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII / eds. R. Barcan Marcus, G.J.W. Dorn, P. Weingartner. – Amsterdam et al.: North Holland, 1986. – Pp. 573–595.

141. Bennett D.C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions: An Essay in Stratificational Semantics / D.C. Bennett. – London: Longman, 1975.

142. Booij G. Preverbs: An introduction / G. Booij, A. Van Kemenade // Yearbook of Morphology 2003. – Режим доступа: https://www.researchgate.net (дата обращения: 25.10.2024).

143. Borowski M. Language and its influence on how we understand reality / M. Borowski // Journal of Theoretical Linguistics. – 2015. – Vol. 12. – Режим доступа: http://www.skase.sk/ (дата обращения: 25.04.2025).

144. Bowerman M. Shaping meanings for language: Universal and language-specific in the acquisition of spatial semantic categories / M. Bowerman, S. Choi // Language Acquisition and Conceptual Development / eds. M. Bowerman, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – Pp. 475–511.

145. Brée D.S. Temporal semantics of prepositions in context / D.S. Brée, I.E. Pratt-Hartmann // Prepositions in their Syntactic, Semantic and Pragmatic Context / eds. S. Feigenbaum, D. Kurzon. – Amsterdam; Philadelphia, PA: J. Benjamins, 2002. – Pp. 75–115.

146. Carlson L.A. Using spatial terms to select an object / L.A. Carlson, G.D. Logan // Memory and Cognition. – 2001. – Vol. 29. – Pp. 883–892.

147. Chafe W. Meaning and the Structure of Language / W. Chafe. – Chicago: University of Chicago Press, 1970.

148. Cienki A. Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish, and Russian / A. Cienki. – Munich: Sagner, 1989.

149. Crangle C. Geometric semantics for spatial prepositions / C. Crangle, P. Suppes // Midwest Studies in Philosophy. – 1989. – Vol. 14. – Pp. 399–421.

150. De Knop S. Conceptual metaphors as a tool for the efficient teaching of Dutch and German posture verbs / S. De Knop, J. Perrez // Review of Cognitive Linguistics. – Amsterdam; Philadelphia. – 2014. – Vol. 12, no. 1.

151. Evans V. Glossary in Cognitive Linguistics / V. Evans. – Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2007. – 239 p.

152. Hawkins B.W. The Semantics of English Spatial Prepositions / B.W. Hawkins. – Trier: L.A.U.T., 1986.

153. Hayward W.G. Spatial language and spatial representation / W.G. Hayward, M.J. Tarr // Cognition. – 1995. – Vol. 55. – Pp. 39–84.

154. Jackendoff R. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution / R. Jackendoff. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.

155. Jackendoff R. Spatial Language and Spatial Cognition / R. Jackendoff, B. Landau. – Hillsdale, N. Y.: Lawrence Erlbaum, 1991.

156. Kepner O. Discover some interesting creatures… / O. Kepner. – Режим доступа: https://coolwoodwildlifepark.com/ (дата обращения: 29.09.2026).

157. Kumashiro T. On the conceptual definitions of adpositions and case markers: A case for the conceptual basis of syntax / T. Kumashiro // Chicago Linguistic Society. – 1994. – Vol. 30. – Pp. 236–250.

158. Landau B. “What” and “Where” in spatial language and spatial cognition / B. Landau, R. Jackendoff // Behavioral and Brain Sciences. – 1993. – Vol. 16, no. 2. – Pp. 217–265.

159. Langacker R. Concept, image and symbol: The Cognitive basis of grammar / R. Langacker. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.

160. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987.

161. Lapaire J.-R. Grammaire cognitive des prépositions: épistémologie et applications / J.-R. Lapaire. – Режим доступа: https://journals.openedition.org/corela/5003. – DOI 10.4000/corela.5003.

162. Levinson S.C. Primer for the field investigation of spatial description and conception / S.C. Levinson // Pragmatics. – 1992. – Vol. 2, no. 1. – Pp. 5–47.

163. Lichtenberk F. Posture verbs in Oceanic / F. Lichtenberk // The Linguistics of sitting, standing and lying / ed. J. Newman. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.

164. Mervis C. Categorization of Natural Objects / C. Mervis, E. Rosch // Annual Review of Psychology. – 1981. – Vol. 32.

165. Newman J. A cross-linguistic overview of the posture verbs ‘sit’, ‘stand’, and ‘lie’ / J. Newman // The Linguistics of Sitting, Standing and Lying / ed. J. Newman. – 2002.

166. Newman J. Experiential motivation and the linguistics of sitting, standing, and lying / J. Newman. – 2022.

167. Newman J. Patterns of usage for English SIT, STAND, and LIE: A cognitively inspired exploration in corpus linguistics / J. Newman, S. Rice // Cognitive Linguistics. – 2004. – Vol. 15, no. 3. – Pp. 351–396.

168. Peterson M.A. Space and languages / M.A. Peterson, L. Nadel, P. Bloom, M.F. Garrett // Language and Space / eds. P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel, M. Garrett. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – Pp. 553–577.

169. Pluger C. Posture verbs in Ngambay / C. Pluger. – Режим доступа: https://www.diu.edu/documents/gialens/Vol5-1/Pluger-Ngambay.pdf (дата обращения: 04.04.2024).

170. Rosch E. Human Categorization / E. Rosch // Advances in Cross-Cultural Psychology / ed. N. Warren. – Academic Press, 1977. – Vol. 1. – Pp. 1–72.

171. Rothmayr A. The structure of stative verbs / A. Rothmayr. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.

172. Schmid H. Entrenchment, Salience, and Basic Levels / H. Schmid // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford University Press, 2007. – Pp. 117–138.

173. Slobin D. From ‘thought to language’ to ‘thinking for speaking’ / D. Slobin // Rethinking Linguistic Relativity / eds. J. Gumperz, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 195–217.

174. Svorou S. Relational Constructions in Cognitive Linguistics / S. Svorou // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford University Press, 2007.

175. Svorou S. The Grammar of Space / S. Svorou. – Amsterdam: John Benjamins, 1994. – (Typological Studies in Language 25).

176. Talmy L. Figure and ground in complex sentences / L. Talmy // Universals of human language / eds. J. Greenberg et al. – Stanford SUP, 1978. – 90 p.

177. Talmy L. Force dynamics in language and cognition / L. Talmy // Cognitive Science. – 1988. – Vol. 12. – Pp. 49–100.

178. Talmy L. Semantics and syntax of motion / L. Talmy // Syntax and semantics / ed. J.P. Kimball. – New York, 1985.

179. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics: Typology and Process in Concept Structuring / L. Talmy. – MIT Press, 2000. – 540 p. – (Language, Speech, and Communication).

180. Thiering M. Linguistic categorization of topological spatial relations / M. Thiering. – 2009. – Preprint. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/ (дата обращения: 15.04.2025).

181. Van Troyer G. Linguistic Determinism and Mutability: The Sapir-Whorf “Hypothesis” and Intercultural Communication / G. Van Troyer // JALT Journal. – 1994. – Vol. 16, no. 2. – Pp. 163–178.

182. Várnai Zs. Posture verbs in Nganasan / Zs. Várnai // Workshop on Samoyedic Languages and Cultures. – The University of Hamburg, 2022. – Режим доступа: https://www.slm.uni-hamburg.de/ (дата обращения: 15.10.2024).

183. Wierzbicka A. Oats and wheat: Mass nouns, iconicity, and human categorization / A. Wierzbicka // The Semantics of Grammar / ed. A. Wierzbicka. – Amsterdam: John Benjamins, 1988. – Pp. 499–560.

184. Wouter B. Linguistic Relativism. Variants and Misconceptions / B. Wouter. – Режим доступа: https://staff.fnwi.uva.nl/b.bredeweg/pdf/BSc/20052006/Beek.pdf (дата обращения: март 2025).

Словари, энциклопедии, справочники

185. Англо–русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wooordhunt.ru (АРСО).

186. Апажев М.Л. Кабардино–черкесско–русский словарь / М.Л. Апажев, Дж.Н. Коков – Нальчик, 2008 (КЧРС).

187. Большой словарь–справочник синонимов русского языка онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/synonyms (Синонимы РЯ).

188. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл.ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с. (БТС).

189. Большой энциклопедический словарь онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/bes (БЭСО).

190. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki /.

191. Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki.

192. КартаСлов.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kartaslov.ru

193. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – Москва: Изд-во МГУ, 1996.

194. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tapemark.narod.ru/les / (ЛЭС).

195. Новый Большой англо–русский словарь: в 3 т. / Ю.Д. Апресян и др. – М.: Рус. яз., 1999. – 832 с. (НБАРС)

196. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me. (СОЖ).

197. Оксфордский толковый словарь по психологии [https://809.slovaronline.com/5779–прототип]

198. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://academic.ru. (дата обращения 25.06.23).

199. Словарь кабардино–черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 860 С. (СКЧЯ)

200. Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / под ред. А.П. Евгеньевой. 1985–1988 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru (МАС).

201. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. / Т.Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova. (СТСРЯ)

202. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова / Д. Н. Ушаков – 1935 – 1940 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/ushakov. (ТСУ)

203. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков / А.К. Шагиров. – М.: Наука, 1977. (ЭСАЧЯ)

204. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// gufo.me/dict/shansky (дата обращения 23.01.23). (ЭСРЯ).

205. Энциклопедия «Русский язык» / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2–е изд. 1997. – 721 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org (дата обращения 06.05.22)

206. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2 изд. – Большая российская энциклопедия, 2000. – 685 с. (БРЭ)

207. American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition. Copyright © 2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. [Electronic resource] – Режим доступа: https://www.thefreedictionary.com. (FARLEX). (дата обращения: 14.03.2021).

208. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners. 3–rd edition. – Harper Collins Publishers. 2001. – 1824 pp. (Collins)

209. Collins English Dictionary. [Electronic resource] – Режим доступа: https://www.thefreedictionary.com. (FARLEX) (COED).

210. Collins Online Dictionary. [Electronic resource] – Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com/. (CollOD).

211. Crystal D.A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D.A Crystal. – Published by Wiley Blackwell – 6–th edition – 560 pp.

212. Online Etymology Dictionary. [Electronic resource] – Режим доступа: https://www.etymonline.com/. (OETD). (дата обращения: 20.07.2021).

213. Oxford Advanced English Learner's Dictionary. [Electronic resource]. – Режим доступа: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/. (OALD). (дата обращения: 20.06.2022).

214. The Free Dictionary by Farlex. https://www.thefreedictionary.com. (Farlex).

215. The Random House Dictionary. [Electronic resource] – Режим доступа: https://www.thefreedictionary.com. (FARLEX).

216. Thesaurus.com: Synonyms and Antonyms. [Electronic resource] – Режим доступа: https://www.thesaurus.com/. (дата обращения: 17.04.2021).

Приложение А

Список глосс

1. ABS абсолютив (именительный падеж)
2. AOR аорист
3. CAUS каузатив
4. COMIT комитатив
5. CONV конверб (деепричастие)
6. DEF определенный
7. ERG эргативный падеж
8. ILL иллатив
9. IMP императив
10. INFIN инфинитив
11. LOC локатив
12. PL множественное число
13. POSS поссессив
14. PRS презенс
15. PST прошедшее время
16. SG единственное число